Жюль Верн

Путешествие к центру Земли

Жюль Габриэль Верн
Путешествие к центру Земли

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11699305

Аннотация

Фантастический роман-приключение "Путешествие к центру Земли" – это поистине удивительная книга выдающегося французского фантаста Жюля Верна.

Профессор минералогии Линденброкк решается на головокружительную авантюру: он вместе с преданной командой отправляется к самому центру Земли через глубины исландского вулкана Снайфельдс. Он верит, что недра нашей планеты скрывают неизведанный мир, полный опасностей и великих открытий.

Это уникальное издание легендарного романа в дореволюционном переводе, выполненном талантливой писательницей Марко Вовчок, которая была лично знакома с Жюлем Верном.

Содержание

I	5
II	10
III	15
IV	20
V	23
VI	27
VII	37
VIII	43
IX	49
X	55
XI	61
XII	67
XIII	71
XIV	77
XV	83
XVI	90
XVII	95
XVIII	101
XIX	109
XX	115
XXI	121
XXII	126
XXIII	130

XXIV 137
XXV 142
XXVI 149
XXVII 153
XXVIII 158
XXIX 164
XXX 169
XXXI 179
XXXII 186
XXXIII 195
XXXIV 205
XXIV 212
XXXVII 226
XXXVIII 230
XXXIX 232
XL 237
XLI 241
XLII 246
XLIII 252
XLIV 259
XLV 265

Жюль Верн
Путешествие к центру Земли

I

24 марта 1863, в воскресенье, дядюшка мой, профессор Лиденброк вернулся домой раньше узаконенного часа и стремительно ринулся в двери.

Обед был еще не готов, и это несвоевременное возвращение несказанно смутило нашу кухарку Марту.

– Ну! – подумал я, если дядюшка проголодался, так теперь подымет такой крик, что хоть святых вон понеси!

Дядюшка мой был пренетерпеливый человек.

Марта приотворила дверь в столовую и, тоскливо глядя на меня, с волненьем вскрикнула:

– Г. Лиденброк уж воротился? Господи! Что это значит? Верны ли наши часы? Вы видели, г. Аксель, он уж пришел!

– Да. Марта, уж пришел, – отвечал я. – У вас обед еще не готов? Что ж, это резонно: ведь еще нет двух часов. На Сен-Мишельской колокольне только что пробило половина второго.

– Так отчего же это г. Лиденброк воротился так рано?

– Не знаю, но вероятно он это нам объяснит.

– Вот он! Ну, я поскорей убегу. Вы, г. Аксель, пожалуйста урезоньте его, если он подымет бурю… Ишь, как несется по лестнице! Я убегу… Вы урезоньте его, г. Аксель, пожалуйста…

И Марта поспешно скрылась в свое кухонное святилище.

Я остался один в столовой.

Надо признаться, что я вообще характера очень смирного и «урезонивать» строптивого дядюшку не представляло для меня особого удовольствия. Я подумывал, нельзя ли мне как-нибудь проюркнуть в свою коморку, на чердак, но, пока я собирался, лестница заскрипела под тяжелыми торопливыми шагами, – хозяин дома появился, быстро прошел через столовую, сбросил с себя широкополую шляпу, кинул трость в угол и, исчезая в своем рабочем кабинете, крикнул мне:

– Аксель! иди-ка сюда!

Я еще не успел и пошевелиться, как уж из кабинета грянуло:

– Аксель! Да что ж ты? где ты там запропастился?

Я поспешил в кабинет нетерпеливого дядюшки.

Профессор Отто Лиденброк был человек не строгий и не злой, но сумасброд и чудак каких мало.

Он страстно любил науку и отличался непомерным упрямством. Уж если он раз что-нибудь забирал себе в голову – так конец: никакие убеждения, никакие доводы не действовали.

Ему, по пословице, хоть кол на голове теши, а он все свое.

Любовь к науке была у него, как я сказал, самая страстная, но в то же время самая эгоистичная. Он читал свои лекции с увлечением и в то же время ни мало не заботился ни о развитии своих слушателей, ни о том – приносят ли эти лекции им пользу, – он читал, если смею так выразиться, для самоуслаждения.

В Германии до сей поры еще водятся «кладези науки», из которых чрезвычайно трудно зачерпывается каждая капля знания.

Как бы то ни было, дядюшка был настоящий ученый. Он был отличнейший минералог и геолог. Посмотрели бы вы на него, когда он являлся с своим молотком, стальной иглой, магнитною стрелкой, паяльной трубкой, сосудом с азотной кислотой! – По излому, виду, твердости, способности плавиться, по звуку, запаху, по вкусу какого-нибудь минерала, он живо классировал его между шестьюстами родов минералов, известных в настоящее время в науке.

Имя профессора Лиденброка было всем известно. Его посещали, проездом через Гамбург, и Гемфри Деви, и Гумбольдт, и капитаны Франклин и Сабин. Беккерель Эбельман, Брюстер, Дюма, Мильн Эдвардс, Сент-Клер Девиль часто совещались с ним по самым животрепещущим вопросам химии.

Представьте себе человека высокого, как шест, сухого, как копченая треска, здорового и крепкого, как железо. Ему бы-

ло лет под пятьдесят, но белокурые волосы так его молодили, что никто бы не дал ему больше сорока. Огромные, круглые, голубые глаза живо бегали под громадными очками, а длинный, тонкий нос походил на отточенное лезвие; ходил он быстро, со сжатыми скулами (что служит, говорят, признаком буйного характера), а в ходьбе был неутомим; шаги у него были такие гигантские, что он мог всякого своего спутника привести в отчаяние.

Он жил в своем собственном маленьком домике на Королевской улице; окна выходили на один из тех кривых каналов, что пересекаются в самом старинном квартале Гамбурга, уцелевшем от страшного пожара 1842 года.

Домик был старенек, но еще держался хорошо. Громаднейший вяз, совершенно вросший в фасад зданьица, служил ему, я полагаю, главною подпорою. Весной свежие почки этого вяза так и лезли в окна.

Кроме дядюшки в этом домике жили его крестница, семнадцатилетняя девушка, по имени Гретхен, пожилая, добрейшая кухарка Марта и я.

В качестве племянника и сироты я сделался помощником г. профессора во всех его опытах и скоро так пристрастился к геологии, что все почти время возился с минералами.

Вообще говоря, в профессорском ветхом домике жилось хорошо. Хозяин, правда, был взбалмошен, вспыльчив, криклив, но он по-своему любил меня.

Итак, я поспешил в кабинет на громогласный зов дядюш-

ки.

II

Дядюшкин кабинет был настоящий музей. Все образцы минерального царства расположены были здесь с приличными надписями, в отличнейшем порядке.

Как близко мне были знакомы все эти представители минерального царства! сколько раз я чистил и обметал все эти графиты, лигниты, антрациты, различные породы каменного угля и торфа! как бережно сдувал я пыль с этих горных и древесных смол, с этих органических солей, с этих металлов, начиная, с железа и кончая золотом и со всех этих камней, которых бы наверно хватило на постройку нового домика!

Входя в кабинет, я, впрочем, думал не о вышеупомянутых чудесах, а о дядюшке.

Он уже сидел в своем старом широком кресле, с глубочайшим вниманием просматривал какую-то книгу и беспрестанно восклицал:

– Что за книга! что за книга!

Спешу прибавить, что дядюшка, в досужее время, был и библиоманом, но в его глазах только та книга имела значение и цену, которой или нигде нельзя было найти, или над которой можно было потерять зрение.

– Что ж, Аксель, или ты не видишь? – вскрикнул он при моем появлении. – Да ведь это неоцененное сокровище! Это… я нашел этот экземпляр в жидовской лавочке, у Геве-

лиуса!

– Великолепный экземпляр! – сказал я, стараясь тоже придти в восторг.

Но мне трудненько показалось восторгаться старой, пожелтевшей книжонкой, в кожаном вылинявшем переплете.

– Да ты погляди-ка! – восклицал дядюшка. – Погляди, каков переплет! Ведь ей семьсот лет!

– А как называется это сочинение? – спросил я.

– Это сочинение? – повторил дядюшка с каким-то диким визгом. – Это Heims-Kringla Снорра Турлетона, знаменитого исландского ученого и поэта двенадцатого века! Это хроника норвежских князей, которые царствовали в Исландии!

– Неужто? и это перевод на немецкий язык?

– Перевод! – презрительно повторил дядюшка. – Очень нужны мне переводы! Это оригинальное сочинение, на исландском языке! Слышишь, на великолепнейшем, богатейшем исландском языке!

– А! Ну, а шрифт хорош?

– Шрифт? Ах, несчастный молодой человек! Я разве говорил тебе о шрифте? Так ты воображаешь, что это напечатано? О, невежда! О, злополучный! Это манускрипт, рунический манускрипт!

– Рунический?

– Да, да, рунический! Ты знаешь ли, что такое руны, а? Рунами называются буквы, которые в древности употреблялись в Исландии! Они, эти руны, по преданию, изобретены

самим Одином! Слышишь? Самим Одином! Слышишь? Их изобрел Один! Да смотри же! удивляйся же! благоговей же! наслаждайся же!

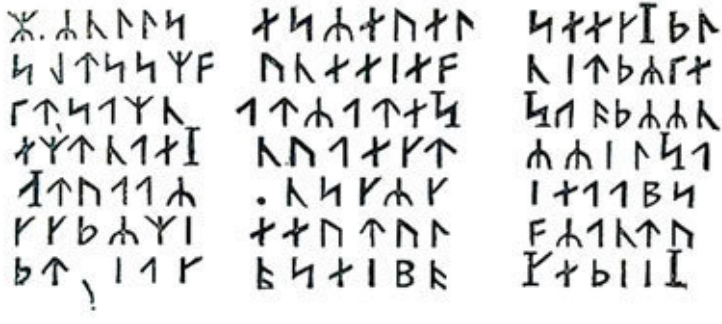
Я старался исполнить в угоду дядюшке все приказанное, как вдруг из рунического манускрипта выпал какой-то грязный документ.

Дядюшка неистово на него кинулся.

– Что это такое? Что это такое? – воскликнул он.

Он бережно разложил и расправил на столе небольшой лоскут пергамента, испещренный какими-то странными знаками.

Может статься, кто-нибудь полюбопытствует знать, что это были за знаки и потому я их здесь изображу.



Дядюшка поглядел несколько минут на письмена, потом приподнял очки на лоб и проговорил:

– Это руны! Эти знаки… Да, ни дать ни взять, как в манускрипте Снорра Турлетона! Но… чтобы это значило?

Дядюшка волновался все более и более.

– Однако, это древний исландский язык… бормотал он: Древний исландский… Да!

Дядюшка еще известен был, как полиглот. Разумеется, он не говорил бегло на всех двух тысячах языках и четырех тысячах наречиях, которые употребляются на земном шаре, но многие из них знал хорошо.

Он не только с волнением, но уже с раздражением и гневом повторял несколько раз:

– Это руны! Это руны – руны – руны!..

В эту самую минуту часы пробили два.

Только что бой затих, Марта распахнула двери и доложила:

– Суп подан!

– Черт побери суп, и ту, которая его варила, и тех, кто будет его есть! – с бешенством крикнул дядюшка.

Марта ударилась бежать. Я тоже следом за нею вьюркнул из кабинета и, сам хорошенько не знаю как, очутился на своем обычном месте за обеденным столом.

Я ждал несколько минут. Дядюшка не являлся.

– Что ж еще ждать? или начать без него?

Задав себе раз двадцать этот трудный вопрос, я наконец решился и принялся за обед.

– Никогда еще этого не бывало! Никогда! – говорила Мар-

та, покачивая головою.

– Чего не бывало, Марта?

– Как же это, обед подан, а г. Лиденброк думать про него забыл!

– Да, это что-то странно!

– Ну, вы попомните мое слово, г. Аксель: это не к добру! Уж что-нибудь да будет!

– Будет, пожалуй, изрядная мне баня, когда дядюшка вспомнит про обед и увидит, что обед съеден. Ну что ж! семь бед, один ответ: надо, по крайней мере, досыта напитать свою душу!

– Ох, не шутите, г. Аксель…

Вдруг раздался голос дядюшки. Я вскочил и в один прыжок очутился вновь в кабинете.

III

– Это руны! – говорил дядюшка: – это все непременно руны! Но тут есть тайна… Да, тайна! Я эту тайну открою… Да, или я ее открою, или…

Энергический жест закончил фразу.

– Садись к столу, Аксель, и пиши, что я буду диктовать! Смотри: у меня не ошибаться! Я буду тебе диктовать буквы латинской азбуки, соответствующие буквам исландским… Ну!

Он начал диктовать, а я усердно принялся писать, и скоро настрочил три столбца следующих, непонятных мне, слов:

m. rnls	esnemel	seecjde
sejssmf	unlsicf	nioclrke
ki, sumn	atrats S	Saodrru
emtnael	nnaest	rnlksn
Afvaar	nsrrc	iaaalis
ccdrmi	eantil	frnnln
dl, ise	oseilo.	Kedill

Дядюшка взял листок в руки и начал его разглядывать.

– Что ж бы это такое значило? – бормотал он: что ж бы это такое значило? Кажется, это то, что мы называем криптограммой, то есть формой письменной речи, в которой смысл в буквах, преднамеренно расположенных в рассыпную… А

поставьте вы буквы как следует и фраза будет яснее божьего дня… Творец мой! может здесь объяснение какого-нибудь великого открытия!

Он стал сличать пергамент с манускриптом.

– Писаны не одной рукой, это ясно! Криптограмма, это произведение новейшее. Это можно заключить из того, что в ней первая буква – двойной М, которого не встретишь в книге Турлетона, потому что он прибавлен к исландской азбуке позднее – уже в четырнадцатом столетии. Верно, кто-нибудь из владельцев манускрипта написал эту криптограмму. Нет ли тут где-нибудь его имени? Посмотрим, посмотрим…

Дядюшка снял очки, вооружился сильной лупой и стал перелистывать манускрипт.

На второй же странице оказалось какое-то темное пятно. Дядюшка наставил на него лупу и вдруг вскрикнул:

– Имя!

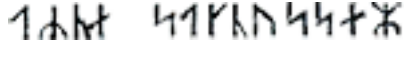
– Имя? – повторил я.

– Да, да, имя! Руническими буквами написано, видишь?

– Что написано?

– Арн Сакнуссем!

– Кто это такой? – спросил я.



– Кто такой? Ученый шестнадцатого века, знаменитый ал-

химик! Ты знаешь ли, что эти алхимики, Авиценна, Бекон, Лулли, Парацельс и Сакнуссем единственные ученые своего времени! Они сделали великие открытия… Под этой криптограммой Арн Сакнуссем, может, скрыл какое-нибудь тоже изумительное открытие… открытие первой важности… Иначе и быть не могло! Да, здесь непременно оно скрыто…

– Разумеется, дядюшка, разумеется. Но я только не понимаю, к чему скрывать такие вещи под криптограммой?

– К чему? А к чему Галилей скрывался со своим Сатурном? Да вот узнаем, узнаем: я не усну, я ничего в рот не возьму, пока не приберу ключа к этой задаче!

– О!

– И ты тоже, Аксель!

– Слава богу, что я догадался пообедать! – подумал я.

– Прежде всего, – продолжал дядюшка, – надо открыть язык шифр… Это, вероятно, не трудно. Сакнуссем был человек очень образованный для своего времени. Если он не писал на своем родном языке, то писал, значит, на самом употребительнейшем между учеными шестнадцатого века, то есть на латинском!

Затем полились целые потоки рассуждений, доводов и примеров.

Однако криптограмма все не открывала своего смысла!

– Это черт знает что! Это из рук вон! – восклицал дядюшка время от времени.

А я между тем задумался совсем о другом. Глаза мои

нечаянно остановились на портрете Гретхен, который висел в кабинете.

Гретхен в то время гостила у одной своей родственницы в Альтоне и я очень по ней тосковал. Мы вместе выросли и крепко любили друг друга.

Мне многое вспомнилось: и как мы играли детьми, и как вместе обметали пыль с минералов, и как пообещали друг другу неизменную любовь и надежную преданность.

Гретхен была у нас красавица: глаза голубые и такие ясные, а белокурые волосы мягки и блестящи, как шелк. А главное, Гретхен была умница, любила учиться и много знала.

Я вспоминал, как мы вместе учились, как ходили гулять вместе, как катались по Эльбе в лодке, когда вдруг дядюшка вскрикнул:

– Аксель! пиши! Я диктую! Ну! Попробуем брать первую букву каждаго слова! Ну!

Написали и вышло вот что:

Mmessunka Senr A. icef do K. segnittamurtn ecertserrette, rotaissadua, ednee sedsadne lacartnïilu Isiratrac Sarbmutabiledmek meretarcsi luce Isleffen Sn 1.

Дядюшка поглядел раз, поглядел другой и так неистово хватил кулаком по столу, что чернила разлились и перья разлетелись, как птицы, в разные стороны.

– Бессмыслица! – яростно вскрикнул профессор. – Это не то! Это…

И вдруг стремглав кинулся вон из дому.

IV

– Ушел? – вскрикнула Марта, вбегая в столовую.

– Ушел, – отвечал я.

– А обед то?

– Значит обедать не будет.

– А ужинать?

– Верно не будет и ужинать.

– Да как же это? – проговорила растерявшаяся старушка.

– Дядюшка сказал: «до тех пор не возьму куска в рот, пока не разберу этой книжки», а книжку то эту разобрать невозможно!

– Господи! Что ж это, с голоду придется помирать, что ли!

– Что будете делать с дядюшкой! Ведь вы сами знаете, каков он!

Марта покачала головой, вздохнула и удалилась в кухню.

– Однако куда ж это устремился дядюшка? – подумал я. Скоро ли он вернется? И какой вернется? Торжествующий или беснующийся?

Дядюшка не приходил. Я справил кое-какие свои работы, потом уселся в кресло и закурил трубку. Передо мной на столике лежали продиктованные мне слова. Я машинально взял исписанный листок и стал его рассматривать.

Мало-помалу я увлекся и уже с жаром и волнением старался добиться скрытого смысла.

Но я понапрасну ломал себе голову и мучился несколько часов сряду – ничего не выходило.

Кровь прилила к голове, в глазах у меня запрыгали искры, грудь стеснилась. Я поднялся с кресла и стал обмахиваться исписанным листком, так что листок показывался мне обеими сторонами, и той, где написаны были слова, и другой, оборотной…

Представьте вы себе мое изумление, когда листок вдруг повернулся ко мне оборотной стороной и я прочел совершенно ясно латинские слова «eraterem» и «terrestre»!

Я открыл закон этих шифр! Открыл!

Читать этот документ можно было не только через листок, повернутый буквами к свету, а и так, как он мне продиктован был дядюшкой, следовало только брать каждое слово с конца к началу!

Я разложил листок на столе, жадно пробежал его глазами. Сердце у меня стучало, как молоток…

Я прочел…

Прочел и ужаснулся. Несколько мгновений я стоял, как каменный.

Неужели человек дерзнул совершить подобное путешествие? Неужели кто-нибудь проник?…

– Ну, как дядюшка узнает? – вскрикнул я, несколько опомнившись. Он, чего доброго, тоже пожелает туда отправиться! Нет, нет, я ему ни за что на свете не скажу! Он пожалуй и меня с собой потащит! А как он сам откроет секрет?

Уж не бросить ли эти дьявольские бумаги в камин?

Я схватил манускрипт и документ и уже замахнулся, чтобы пустить их прямо в огонь, как вдруг дверь распахнулась и явился дядюшка.

V

Я поскорей сунул злосчастные бумаги на стол.

Профессор Лиденброк казался очень задумчив. Его очевидно совершенно поглощала какая-то мысль. Он, вероятно, и убегал из дому для того, чтобы на свободе получше все сообразить и обдумать.

Он сел в кресло, взял перо и принялся за какие-то алгебраические вычисления. Он работал битых три часа, не поднимая головы. Он не слыхал, как вошла Марта, не слыхал, как она сказала ему:

– Г. профессор будет ужинать?

Марта постояла, покачала головой и ушла.

Дядюшка вычислял целый вечер. Я все ждал, что вот-вот он кончит, и в этом ожидании уснул, сидя на кушетке.

Проснувшись на другой день, я увидал, что дядюшка все еще сидит за вычислениями. Оп был бледен, как платок, глаза у него покраснели, волосы растрепались. Мне стало жаль его. Я уже готов был открыть ему секрет, только меня удерживала мысль, что я этим погублю и его, и себя.

– Нет, нет! – думал я, не надо ему открывать этого! Нет, Боже сохрани! Он непременно захочет тоже туда отправиться. Я ведь его знаю: его ничем не удержать! Нет, я не скажу! Отгадает сам – ну, тогда делать нечего! Тогда, по крайней мере, я не буду себя упрекать, что я подвел его под беду!

Порешив таким образом, я скрестил руки на груди и опять стал ждать, скоро ли докончатся вычисления.

Марта между тем хотела отправиться, по обыкновению, на базар, за провизией, но оказалось, что дверь на улицу заперта и что ключ из замка вынут.

Очевидно, это дядюшка замкнул нас, когда воротился накануне с прогулки.

Что это могло значить? Запер он дверь нечаянно, или с умыслом?

Марта была огорчена почти так же, как и я, но спрашивать ключа мы не осмелились.

Настало время завтрака. Настало и прошло!

Дядюшка все вычислял!

К двум часам голод до того начал меня терзать, что я стал подумывать, не открыть ли дядюшке злополучный секрет. Может быть документ окажется просто мистификацией, которую дядюшка же мне и объяснит.

Я еще колебался, как вдруг вижу, что дядюшка встает, берет шляпу и собирается уходить.

Неужто он опять пас запрет? Нет, уж это чересчур!

– Дядюшка! – сказал я.

Он не слыхал.

– Дядюшка Лиденброк! – сказал я громче.

– А? Что такое? – спросил он, словно я его разбудил.

– Да вот… ключ…

– Какой ключ? От двери?

– Да нет! Ключ к документу!

Профессор поглядел на меня и, заметив вероятно по моему виду, что я знаю что-то необыкновенно важное, схватил меня за руку и сжал ее, как в тисках.

– Ну? Ну? – проговорил он наконец, задыхаясь.

– Да, да… ключ… случайно…

– Да говори же! говори же!

– Вот, возьмите… смотрите… читайте…

Я подал ему исписанный листок.

– Это ведь бессмыслица! – вскрикнул он и скомкал листок.

– Читайте не с начала, а с конца… читайте…

Я не окончил фразы. Профессор Лиденброк испустил крик, – не крик, а вернее сказать рев.

– О, великий Сакнуссем! О, великий Сакнуссем! – бормотал он, разглаживая листок дрожащими руками. Надо перечесть хорошенько, надо перечесть поосновательней…

Представляю здесь подлинные слова документа:

In Sneffels Yoculis craterem kem delibat umbra Seartaris Iulii intra calendas descende, audas viator, et terrestre centrum attinges. Kod feci. Arne Saknus– semm.

Перевод этой плохой латыни вот какой:

Сойди в кратер Иокула Снефельса, который тень Скартариса ласкает пред июльскими календами, отважный путешественник, и ты проникнет до центра земли. Я это сделал. Арн Сакнуссем.

Прочитав это «хорошенько», дядюшка так подпрыгнул, как будто нечаянно прикоснулся к лейденской банке.

Он себя не помнил от восхищения. Он кидался во все стороны, как угорелый, он хватал себя обеими руками за голову, перевертывал кресла, швырял стулья, разбрасывал книги, минералы – одним словом, он был вне себя.

Наконец, умаявшись, он упал в кресло.

– Который час? – спросил после нескольких минут молчания.

– Три часа, – отвечал я.

– Вот тебе на! Где ж обед? Я умираю с голоду. Скорей давайте есть! А потом…

– Что потом?

– Потом ты уложишь мой чемодан.

– Что? – вскрикнул я.

– И твой тоже уложишь, – добавил безжалостный профессор, направляясь в столовую.

VI

Меня от этих слов подрал мороз по коже, но я сохранил наружное хладнокровие. Я понял, что только научные доказательства могли остановить дядюшку; доказательства такие были, и я приберег их на после обеда.

Путешествие к центру земли! Да это такая дикая мысль, которую вероятно и дядюшка серьезно не задумает привести в исполнение. Он поговорит, покричит, побеснуется и тем дело и кончится…

Увидав, что стол не накрыт, дядюшка разразился криком и бранью, которые еще усилились, когда он узнал, что даже провизии в доме не имеется.

Наконец он поутих, отдал ключ от двери, и Марта побежала на базар.

Час спустя мы уже были сыты.

Во время обеда дядюшка был очень весел, шутил, смеялся и отпускал разные ученые невинные остроты.

Окончив обед, он сделал мне знак следовать за ним в кабинет.

Я повиновался. Он сел у рабочего стола, а я около него.

– Аксель, – сказал он ласковым голосом, – ты оказал мне большую услугу; услугу, которую я никогда не забуду… Я уже отчаивался, я уже хотел все бросить… Ты умный мальчик, Аксель, ты молодец! Я никогда не забуду этого и поде-

люсь с тобой славой…

– Теперь ты в хорошем расположении духа, – подумал я, – и теперь самое время подсечь тебе крылья!

– Только, знаешь, первое условие успеха – это тайна. Сохрани тебя Бог проболтаться! У меня ведь немало завистников в ученом мире. Многие, разумеется, очень не прочь бы воспользоваться этим открытием!

– Вы полагаете?

– Разумеется я полагаю! Кто ж, скажи на милость, не захочет славы? Опубликуй только этот драгоценный документ и целый полк геологов устремится по следам Арна Сакнуссема!

– Не думаю, дядюшка. Во-первых, как поручиться за подлинность документа?

– Что тут за ручательства! Мы его нашли в таком манускрипте…

– Хорошо. Положим, Сакнуссем действительно написал эти строки, но из этого еще не следует, что он совершил самое путешествие… Это, очень может статься, просто на просто одна мистификация.

Дядюшка было наморщил брови и я уже ожидал бури, но вдруг он прояснился и, улыбаясь, ответил:

– Увидим, увидим!

– Однако, дядюшка… позвольте мне сделать кое-какие возражения.

– Возражай, мой милый, возражай. Даю тебе полную сво-

боду возражать. Ведь ты теперь уж не племянник мне, а товарищ. Говори, говори!

– Позвольте вас спросить, дядюшка, что это такое Иокул, Снеффельс и Скартарис? Я о них отроду не слыхивал.

– Сейчас тебе объясню. Я как нарочно недавно получил карту от приятеля, – от Августа Петермана из Лейпцига. Вон она там, под литерою Z. Подай-ка ее сюда!

Я достал с полки означенную карту.

– Смотри! Это лучшая карта Исландии. В ней мы все найдем.

Я наклонился вместе с ним над столом и стал разглядывать.

– Видишь ты вот этот остров? – продолжал дядюшка. – Он весь состоит из вулканов и все эти вулканы окрещены одним именем Иокул – по-исландски значит ледник. Ведь ты знаешь, что под тою широтою, где лежит Исландия, большая часть извержений прорывается через слои снега. Поэтому и все огнедышащие горы окрещены там одним именем Иокул.

– А что такое Снеффельс?

Я надеялся, что на этот вопрос ответа не получу, но я ошибся.

– А вот, погляди-ка на западный берег Исландии. Видишь ты Рейкиавик? Рейкиавик, это ее столица. Видишь? Ну, и отлично! Подвигайся теперь вот сюда, за эти бесчисленные фиорды, которыми море изрезало берега, – видишь? Стой! Видишь, вот около 65° широты, видишь?

– Вижу что-то в роде полуострова, а на нем гора выдается в море.

– Отлично! Это и есть Снеффельс.

– Снеффельс?

– Он самый, мой друг, он самый. Это гора в 5,000 ф. высоты и считается одной из самых замечательных на острове. Скоро она будет считаться одной из самых замечательнейших на целом земном шаре.

– Почему?

– А если кратер-то ее достигает до центра земли!

– Да ведь это невозможно, дядюшка!

– Невозможно? Отчего ж это невозможно, позволь спросить?

– Не сердитесь, дядюшка, но… но ведь кратер этот завален лавою, раскаленными скалами и…

– А если кратер этот потухший?

– Потухший?

– Да, да, потухший! В настоящее время число действующих на земном шаре вулканов доходит до трехсот, но число потухших несравненно больше. Снеффельс принадлежит к последним. В исторические времена он порадовал ученых только одним извержением, именно в 1219 году. С тех пор деятельность его все слабела и слабела… Он давно уже совершенно погас.

– А что значит слово Скартарис, дядюшка? И зачем тут помянуты июльские календы?

– Тебе это кажется непонятным, темным, да? А ведь на деле-то оно совершенно ясно и только доказывает до какой степени точно Сакнуссем обозначил свое великое открытие… Да, да! На Снеффельсе несколько кратеров, значит надо было поименовать, который ведет к центру земли. О, великий исландский ученый! О, остроумнейший из смертных! Он заметил, что при приближении июльских календ, то есть около последних чисел июля, одна из многочисленных вершин горы бросила свою тень до отверстия кратера, который ведет к центру земли. Это вершина – Скартарис. Признайся, что удачнее, остроумнее этого придумать невозможно. Только бы нам добраться до вершины Снеффельса, а уж оттуда до центра земли как рукой подать!

У дядюшки на все был готов ответ! Я понял, что всякое непонятное слово он не задумается объяснить по-своему.

Я поднялся на хитрости: я прибег к научным опровержениям.

– Да, – сказал я, – приходится согласиться, что обозначения Сакнуссема очень ясны и не оставляют ни малейшего сомнения. Я даже не спорю на счет подлинности документа… Этот великий ученый спускался в кратер Снеффельса, видел тень, ласкающую края этого кратера пред июльскими календами… Все это так, но…

– Что «но»?

– Этот кратер…

– Достигает до центра земли, милостивый государь!

– Может быть и достигает, только проникнуть-то до этого центра никто не проник… Сакнуссем наслушался, вероятно, разных местных легенд… Он не мог предпринять подобного путешествия, нет! А если бы предпринял, так уж не воротился бы и некому бы было писать документ!

– Это почему ж ему бы не воротиться? – насмешливо спросил дядюшка.

– Да все научные теории показывают невозможность подобного путешествия!

– Все научные теории? Скажите, пожалуйста! Все научные теории! Ахти! какая беда!

– Вы насмехаетесь, дядюшка, а ведь первостепенные геологи принимают, что температура земного шара, по мере углубления внутрь, на каждые сто футов увеличивается на один градус. Земной радиус равняется почти что 21,000,000 футам. Допуская пропорциональное увеличение температуры, мы, значит, получим температуру… температуру, превосходящую двести тысяч градусов! При подобной температуре внутренность земного шара, значит, находится в парообразном состоянии, потому что ни один металл, ни золото, ни платина, ни даже самые твердые горно-каменные породы не могут противостоять такому страшному жару! Ну, как же, желал бы я знать, проникнете вы в этот ад?

– Так ты боишься жару, Аксель, а?

– Разумеется боюсь, дядюшка! Если мы проберемся на глубину десяти только лье, так уж и то очутимся в такой тем-

пературе, что вода кипит!

– Ты боишься свариться, Аксель, а?

– Я вам предоставляю, дядюшка, решить этот вопрос!

– Я решил. Слушай: ни ты, ни поученее тебя, никто не знает достоверно, что творится во внутренности земного шара. Ведь до сих пор людям удалось проникнуть в глубь земли менее чем на мили под поверхностью моря! Помни, что наука идет вперед и что одна теория заменяется другою! Разве не полагали до Фурье, что температура планетных пространств постепенно уменьшается? А вот теперь дознано, что самые большие холода в области эфира не превосходят 40° или 50° ниже нуля! Почему ж ты не хочешь допустить, что и относительно внутреннего жара земли не может быть промахов? Почему ты не хочешь допустить, что на известной глубине ты достигнешь до предела, дальше которого жар уже не увеличивается? Почему?

Я молчал.

– Ученые, настоящие ученые, – продолжал дядюшка, – и между ними Пуасон, доказывали, что при существовании необычайно высокой температуры внутри земного шара, расплавленная масса приобрела бы такую упругость, что земная кора не выдержала бы и лопнула. Да, лопнула, как лопается паровой котел от давления пара на стенки!

– Это мнение Пуасона, дядюшка, и только… Конечно, Пуасон замечательный ученый, но…

– Постой, постой! Заметь себе: не один Пуасон держится

этого мнения! Многие, – слышишь? многие геологи полагают, что внутренность земного шара не может состоять ни из газа, ни из воды, ни из самых тяжелых камней, которые нам известны, потому что в таком случае земля имела бы вдвое меньший вес.

– О, цифрами можно все доказать, что только пожелаешь!

– А фактами нельзя, а? Разве неизвестно теперь всякому, что число вулканов значительно уменьшилось? Из этого факта можно, мне кажется, безошибочно вывести, что если и есть внутренний жар в земле, то жар этот уменьшается.

– Дядюшка! как же я могу с вами спорить, когда вы говорите все одни только предположения!

– Предположения! Да ведь на моей стороне люди компетентные! Помнишь мое свидание с знаменитым английским химиком Гомфри Деви? Помнишь, он посетил меня в 1825 году?

– Не помню, дядюшка, и по очень резонной причине: я явился на свет девятнадцать лет спустя после этого посещения.

– Да, да! Ну, так Гомфри Деви посетил меня проездом в Гамбург. Мы давно толковали с ним о разных научных вопросах, в том числе и о теории, допускающей расплавлено жидкое состояние внутреннего шара. Мы долго обсуждали и оба пришли к тому, что подобной вещи не может быть. Мы решили это не наобум, разумеется, а представили такие доводы, которых наука не опровергнет!

– Какие же это доводы, дядюшка?

– А вот какие доводы: эта расплавлено жидкая масса подвергалась бы притяжению луны и следственно внутри земного шара бывали бы ежедневно по два раза приливы и отливы, которые бы вздымали земную кору и тем производили бы периодические землетрясения.

– Но ведь очевидно, что земля сначала была в огненно-жидком состоянии? Значит можно допустить, что хотя наружная ее оболочка охладела, внутри все еще существует очень высокая температура.

– Заблуждение, заблуждение! – перебил дядюшка. – Возгорение земли совершилось с поверхности, а не изнутри! Поверхность земная состояла из огромного количества таких металлов, как например потасий, содий, которые, как известно тебе, воспламеняются при первом соприкосновении с водою и воздухом. Когда атмосферные пары полились в виде дождя, на землю, помянутые выше металлы воспламенились, а затем, по мере того, как вода проникала в трещины земной коры, происходило новое возгорение с взрывами и извержениями. Поэтому-то в первоначальные времена и было такое множество вулканов.

– Вот замысловатая теория, так замысловатая! – сказал я.

– Гомфри Деви доказал мне ее очень простым опытом. Он составил шар из тех металлов, о которых я тебе упоминал, то есть из воспламеняемых, стал брызгать в этот шар мелким дождем и поверхность вздувалась, окислялась и образовыва-

лась горка, на вершине этой горки открывался кратер, а затем начиналось извержение, которое сообщало шару такую теплоту, что его невозможно было держать в руках. Вопрос о состоянии внутренности земного шара подал повод ко множеству предположений, но пока еще очень мало, что доказано положительно. Я так думаю, что этот внутренний жар одна фантазия… Впрочем увидим! Мы, как Арн Сакнуссем, узнаем это достоверно!

– Увидим! – сказал я, тоже невольно увлекаясь. – Увидим, если только там возможно что-нибудь увидать.

– Отчего ж нельзя? Мы можем рассчитывать на электрические явления, которые будут нам освещать путь и даже на атмосферу, которая при сильном давлении может, по мере приближения к центру, сделаться светящеюся.

– Да, да, – сказал я. – кто знает? Может быть, вы и правы! Может быть оно так и есть!

– Нет ни малейшего сомнения! Ни малейшего! Но… но молчание! Глубокое молчание – понимаешь? Иначе того и гляди кто-нибудь ухватится за эту мысль и прежде нас достигнет центра земли!

VII

Этим закончилась наша беседа. Я вышел из дядюшкина кабинета и, желая сколько-нибудь собраться с мыслями, отправился погулять по берегу Эльбы.

Меня начинало манить это фантастическое происшествие, хотя вместе с тем мороз подирал по коже при одной мысли очутиться в недрах земли, где мы могли бесследно погибнуть мучительною, страшною смертью.

Впрочем, мало-помалу я успокоился и стал обсуждать дело трезвее.

– Нет, это невозможно! – решил я наконец. Дядюшка поговорит и уходится!

Я повернул к городу по эльтонской дороге.

– Если бы встретить Гретхен! – подумал я.

И я ее встретил. Я скоро увидал ее, как она легко и бодро шла к Гамбургу.

– Гретхен! – крикнул я ей издали, – Гретхен!

Она вздрогнула и остановилась. Я кинулся бежать и в минуту был уже около нее.

– Аксель! – вскрикнула она. – Ты вышел мне навстречу! Вот это хорошо! Да что с тобой? Чем ты расстроен? Чем, скажи!

Я ей рассказал в чем дело.

Несколько минут она молчала, наконец проговорила:

– Аксель!

– Что, милая?

– Это будет удивительное путешествие!

Я так и подпрыгнул.

– Да, Аксель, удивительное! Я очень люблю, когда люди предпринимают что-нибудь трудное, великое…

– Так ты за путешествие к центру земли?

– Да, Аксель! Я бы сама с радостью с вами отправилась, если бы вы меня взяли.

– В самом деле? Ты не шутишь?

– Я говорю серьезно.

– Посмотрим еще, что ты завтра решишь!

– И завтра тоже, что сегодня, Аксель.

Мы оба замолчали.

– Впрочем, думал я, – идя рядом с задумавшейся девушкою, – июльские календы еще далеко! До тех пор дядюшка десять раз может образумиться!

Когда мы подошли к дому, уже совсем свечерело. Кругом все утихало.

Но у нас дядюшка поднял, как говорится, дым коромыслом. Он кричал и метался около рабочих, которые выгружали из тележки какие-то вещи.

– Что это вы выгружаете, дядюшка? – спросил я.

– Аксель! где ты пропадал? Ты ведь еще не уложился в дорогу, несчастный! Мои бумаги разбросаны по всем углам! От дорожного мешка не находим ключа!

– Дядюшка! да разве мы уже отправляемся?

– Разумеется отправляемся! Отправляемся послезавтра чем свет!

Меня это так поразило, что я поскорей убрался в свою коморку.

Кончено! Мы отправляемся!

Дядюшка уже запасся всем необходимым для путешествия: веревочные лестницы, узловатые веревки, факелы, тыквенные бутылки, железные крюки, палки с железными наконечниками, заступы, молотки были навалены повсюду.

Не могу похвалиться, чтобы я провел спокойно ночь.

Только что я начал перед светом забываться, как услыхал знакомый и дорогой мне ласковый голос:

– Аксель! Аксель!

Меня звала Гретхен.

Я поспешно оделся и вышел к ней.

Я был очень измучен и надеялся, что это произведет на нее впечатление и заставит ее переменить мысль на счет путешествия, но она поглядела на меня и сказала:

– Как я рада, милый Аксель, что ты успокоился и оправился.

– Успокоился и оправился! – вскрикнул я.

– Аксель, – продолжала она, – я долго говорила с крестным. Какой он смелый человек! Он мне рассказал свои мысли. Я наперед уверена, что все отлично ему удастся. Ах, Аксель! хорошо это, когда люди ничего не жалеют для науки!

– Твоя правда, милая, – ответил я. – Пойдем к дядюшке.

– Так решено, дядюшка, – спросил я, – мы отправляемся?

– А ты еще сомневался?

– Нет… но к чему так спешить?

– Как к чему спешить? Время-то ведь не стоит, мой дрожайший! Время летит!

– Да, у нас всего только 26 мая сегодня! До конца июня еще далеко.

– Так ты воображаешь, простота ты этакая, что добраться в Исландию легкое дело? Из Копенгагена в Рейкиавик можно отправиться только раз в месяц, 22-го числа.

– Так что ж?

– А то, что если мы станем ожидать 22-го июня, мы опоздаем! Мы явимся на место, когда уже «тень Скартарииса» перестанет «ласкать кратер Снеффельса». Теперь понял, что мы должны торопиться в Копенгаген? Иди, укладывайся! Да живо!

Рассуждать было уже нечего. Я пошел укладываться.

Гретхен стала мне помогать.

Ее маленькие ручки проворно и ловко работали; она разговаривала со мною очень спокойно и все восхищалась нашим путешествием.

Целый день дядюшке приносили разные физические инструменты, оружие, электрические аппараты и проч.

Марта не без ужаса глядела на все эти приготовления.

– Ох, царица небесная! – вздыхала она, – уж не сбрендил

ли г. профессор! Г. Аксель! скажите вы мне, он в своем уме?

Я покачал головою.

– И вас ведет с собой?

– Ведет.

– Да куда ж это?

Я указал пальцем на землю.

– В погреб? – вскрикнула Марта.

– Нет, поглубже!

Наступил вечер.

– Ну, до завтра, сказал дядюшка, – Иди спать. Завтра мы отправляемся в шесть часов утра. В шесть ровно!

Я повалился на постель, уснул как убитый и целехонькую ночь видел самые ужаснейшие сны. Я падал в бездонные пропасти, я кипел, я расплавлялся…

В пять часов я проснулся и скоро вышел в столовую. Дядюшка сидел за столом и пожирал завтрак. Я поглядел на него с завистью.

Гретхен тоже была тут.

Я ничего не сказал. Я было принялся за завтрак, он у меня стал в горле.

В половине шестого послышался стук колес. Подъехал экипаж и скоро был нагружен нашими вещами.

– Аксель! – крикнул дядюшка, – что ж ты стоишь? Ведь мы опоздаем на поезд!

Гретхен подошла к нему и простилась.

– Прощай, Гретхен! – крикнул я.

– Прощай, милый Аксель! – ответила она, – прощай!

Мы обнялись, я вскочил в экипаж и лошади быстро помчали нас на альтонскую железную дорогу.

VIII

Минут через двадцать мы уже были на Голштинской территории, а в половине седьмого экипаж наш остановился у станции железной дороги. Все дядюшкины тюки были выгружены, свешены, наклеены ярлыками и свалены в багажный вагон. Пар засвистал и поезд двинулся.

В вагоне были только мы с дядюшкой. Дядюшка не говорил ни слова, а только проворно осматривал и ощупывал захваченные с собой мешки.

Видно было, что он всем запасся!

Между разными бумагами, которые он вытаскивал, я заметил письмо датского консула, г. Христиензена, дядюшкиного приятеля. Письмо это было важно: оно могло доставить нам рекомендацию к губернатору Исландии.

Я заметил тоже и знаменитый документ, который дядюшка бережно перепрятывал из одного секретного кармана в другой.

– Проклятый документ! – подумал я, глядя со вздохом в окно.

Местность была не веселая, не интересная: все равнины, да равнины, однообразные, хотя довольно плодоносные, чрезвычайно удобные для проложения железных дорог.

Впрочем однообразие это не успело мне прискучить: через три часа поезд остановился в Киле, в двух шагах от моря.

Дядюшка впопыхах так отлично рассчитал время, что на деле нам привелось ждать здесь целых девять часов, пароход отходил только ночью.

В продолжении этих девяти часов дядюшка не находил себе нигде места, кипятился, бесился и посылал «ко всем чертям» все пароходные сообщения и компании.

Он пошел было к капитану и начал с ним довольно бурное объяснение, но капитан хладнокровно разделался с ним общими фразами.

Я предложил пойти погулять. Дядюшка послал «ко всем чертям» и все гулянья, однако согласился.

Мы долго бродили по зеленому берегу залива, при котором расположен Киль. Это городок небольшой и весь в лесу, что придает ему вид гнезда, ютившегося среди ветвей. Мы видели тут прехорошенькие виллы; при каждой вилле домик с холодными ваннами.

Любуясь Килем и посылая «ко всем чертям» мореходные компании, мы дождались наконец десяти часов вечера.

В четверть одиннадцатого мы уже отплывали на пароходе «Элленора».

Ночь была темная, дул довольно сильный ветер. Во мраке блеснули какие-то прибрежные огоньки, потом исчезли.

В семь часов утра мы прибыли в маленький городок Корзер, пересели тут опять на железную дорогу и понеслись в Копенгаген.

Дядюшка не смыкал глаз целехонькую ночь. Нетерпенье

просто его жгло. Он толкал ногами в стенки вагона, как будто хотел так его сунуть, чтобы сразу очутиться в Копенгагене.

Наконец блеснула полоса воды.

– Зунд! – вскрикнул дядюшка.

Слева виднелось огромное каменное здание.

– Это дом умалишенных, – сказал один из наших спутников.

– Вот где наше место! – подумал я. – Вот оно где!

Наконец в десять часов утра мы приехали в Копенгаген и остановились в гостинице Феникс.

Дядюшка наскоро переоделся, спросил у слуги, где музей северных древностей, побежал туда и потащил меня за собою.

Директором музея был ученый, приятель гамбургского консула, г. Томсен, к которому дядюшка привез рекомендательное письмо.

Г. Томсен принял нас очень любезно. Узнав, что мы желаем посетить Исландию в качестве путешественников (разумеется, дядюшка и не заикнулся о центре земли), он тотчас же предложил нам свои услуги, и мы вместе отправились разузнавать, не идет ли какое судно в Исландию.

Я надеялся: авось не идет, но надежды мои не сбылись. Маленькое датское судно «Валькирия» отправлялось 2-го июня в Рейкиавик.

Дядюшка был в восторге и тотчас же условился с капитаном.

– Во вторник, в семь часов утра, будьте на борте, – сказал нам капитан.

Мы поблагодарили г. Томсена и возвратились в гостиницу «Феникс».

– Отлично! отлично! – повторял дядюшка. – Все идет, как по маслу! Какое счастье, что мы напали как раз на это датское суденышко! Отлично! Ну, теперь давай завтракать, а потом марш осматривать город!

Я с большим удовольствием побродил по городу. Дядюшка был так занят центром земли, что почти ничего не видал. Он рассеянно оглядел королевский дворец, хорошенький мост через канал, могилу знаменитого Торвальдсена, парк, розенборгский замок, здание биржи, и проч. и даже не сказал ни слова.

Впрочем дядюшка таки встрепенулся при виде высокой башни; с платформы этой башни поднимался высокий шпиц с витой лестницей вокруг.

– Каков шпиц! – вскрикнул дядюшка. – Пойдем-ка взберемся туда!

И он повлек меня к башне.

– Дядюшка! а головокружение?

– Что за головокружение! Нашел причину! Из-за головокружения-то и надо взобраться!

– Не понимаю…

– А очень понятно: надо взобраться, чтобы к нему привыкнуть!

– Но…

– Иди, иди! Нечего тут рассуждать!

Я последовал за неумолимым профессором.

Пока мы поднимались внутри башни, все было благополучно, но когда мы добрались до площадки, когда свежий воздух пахнул мне в лицо и я глянул на наружную лестницу с плохими перильцами, я весь поледенел.

– Дядюшка, я не могу! – крикнул я.

– Лезь, лезь! Без рассуждений! – отвечал дядюшка, принимаясь карабкаться по хрупкой витушке.

Он карабкался легко, но я за ним сначала тащился на четвереньках, а потом просто-напросто пополз на животе. Я закрыл глаза… мне делалось дурно…

Наконец дядюшка схватил меня за шиворот и достиг купола.

– Гляди! – сказал он, – гляди хорошенько! Надо привыкать глядеть в бездну! Гляди, гляди!

Под нами в тумане чуть виднелись, словно раздавленные, расплющенные, городские дома. Над головами нашими проходили растрепанные обрывки облаков. Вследствие оптического обмана, облака эти представлялись мне неподвижными, между тем как башня, купол, я, дядюшка – все это неслось с фантастической быстротой. Вдали, с одной стороны расстилалась зеленеющая деревня, с другой сверкало море; там и сям мелькали паруса, как белые крылья чайки, а далеко-далеко, едва обрисовывались и чуть темнели берега Шве-

ции. Все это вертелось у меня в глазах…

Однако надобно было стоять прямо и глядеть. Мой «первый урок головокружения» продолжался целый час. Когда наконец мне было дозволено спуститься и я коснулся ногами мостовой, я почувствовал себя совершенно разбитым.

– Завтра мы повторим, – сказал мне дядюшка.

И точно мы «повторили». И повторили не раз. В продолжение пяти дней я, волей-неволей, должен был карабкаться на башню. Дорого мне это стоило, но я сделал значительные успехи в науке безбоязненно смотреть с высоты в бездну.

IX

Настал наконец день отъезда.

Накануне обязательный г. Томсен снабдил нас рекомендательными письмами к губернатору Исландии, г. Пиктюрсону, к епископу, и к г. Фиизену, рейкиавикскому градоначальнику.

2-го числа, в шесть часов утра, наш драгоценный багаж был уже сдан на «Валькирию».

Сами мы поместились не особенно уютно: каюты наши походили на душные, тесные ящики.

– Ну что, какова погода? – спросил дядюшка у капитана. – Попутный ветер?

– Попутный, – ответил ему капитан. – Мы лихо поплывем!

И мы поплыли. Час спустя столица Дании словно утопала в волнах.

Мне припомнился шекспировский Гамлет, и я пристально стал вглядываться, словно ожидал, не покажется ли около замка датских королей тень этого принца.

Но тень не показалась и скоро замок Кронборг и Гельзинборгская башня скрылись в тумане.

Наше суденышко вошло в Каттегат.

Суденышко это везло в Рейкиавик уголь, разную хозяйственную утварь, посуду, теплую одежду и хлебное зерно. Весь его экипаж состоял из пяти человек чистокровных дат-

чан.

– Как долог переезд? – спросил дядюшка у капитана.

– Деньков десять проплаваем, – отвечал ему капитан. – Разумеется, если только ветер будет попутный.

– А вам случается иногда запаздывать? И очень вы запаздываете?

– Не беспокойтесь, не беспокойтесь: авось приедем во время! – сказал капитан.

Переезд был благополучный. Я почти не страдал морской болезнью, но дядюшка, к его величайшему огорчению и смущению, все время находился в самом жалком положении, что помешало ему осаждать капитана нетерпеливыми расспросами о Снеффельсе, о способе передвижения по Исландии и проч. Усмиренный качкой, профессор Лиденброк лежал ниц в своей каюте и только тихо стонал.

Наконец, 13-го числа мы вступили в Факсифиорд, в залив, при котором расположен Рейкиавик.

Дядюшка вышел из каюты бледный, слабый, но очень довольный. Глаза у него так и бегали.

Рейкиавикское население толпилось на берегу. Прибытие судна видимо всех очень интересовало.

Мы сходили с своей «пловучей темницы», по выражению дядюшки, как вдруг он схватил меня за руку, увлек меня назад, на нос судна и указал на северную часть залива. Я увидал там высокую гору, с двойным конусом и покрытую снегом.

– Снеффельс! Снеффельс! – крикнул дядюшка с восторгом.

Затем, как бы спохватившись, сделал мне знак молчать и направился к лодке, которая уже нас ожидала.

Как только мы очутились на берегу, первым нашим делом было пустить в ход рекомендательные письма.

Фридриксон, профессор естественных наук в рейкиавикской школе, принял нас очень радушно. Этот ученый говорил только по-исландски и по латыни. Он сказал мне несколько приветствий, на языке великого Гомера, а я ответил ему, как сумел лучше, приправляя свои ответы улыбками и выразительными взглядами.

Это был единственный человек, с которым я мог сколько-нибудь объясняться.

Жил он очень скромно в трех комнатках, из которых мы заняли две.

Количество нашего багажа, по-видимому, не мало удивляло рейкиавикских жителей.

– Ну, Аксель, – сказал мне дядюшка, – дело идет отлично! Самое трудное мы уже перешли!

– Как самое трудное перешли? – вскрикнул я.

– Разумеется. Теперь ведь остается только спуститься.

– А подняться-то? Ведь я полагаю, что спустившись надо потом и подняться?

– Конечно, конечно… Мы и поднимемся… Я теперь побегу в библиотеку… Может попадется еще какой-нибудь ма-

нускрипт Сакнуссема… Это бы отлично!

– А я пойду осматривать Рейкиавик. Вас город интересует мало, дядюшка?

– Мало, Аксель. В Исландии не то любопытно, что на земле, а то, что под землею.

Я отправился осматривать город. Он весь состоит из двух улиц и заблудиться в нем нельзя.

Рейкиавик расположен на низменной, болотистой почве, между двумя холмами. С одной стороны почва, покрытая громадными потоками застывшей лавы, отлогими скатами спускается к морю, а с другой лежит обширный залив, ограничивающийся с севера величественным ледником Снеффельса. На всем пространстве этого залива в ту пору виднелось только доставившая нас «Валькирия». Обыкновенно здесь стоит много французских и английских рыболовных судов, но тогда все они находились у восточных берегов острова.

Самая длинная Рейкиавикская улица идет параллельно к берегу. Эта улица, так сказать, аристократическая; тут жили все негоцианты и торговцы в деревянных домиках. Другая улица, расположенная на запад, ведет к маленькому озерцу.

Природа не роскошная. Кое-где виднелась чахлая травка, похожая на обрывки старого истертого ковра. Попадались садики или лучше сказать огороды, где росли капуста, картофель и латук. Я видел даже несколько тощих, хилых цветков.

Достопримечательностей тут немного: дом губернатора,

церковь, построенная из обожженных камней, изверженных вулканом, кладбище и национальная школа, где, как я после узнал, преподаются еврейский, французский, английский и датский языки.

Часа в три я не только осмотрел весь город, но обходил и все городские окрестности. Виды все унылые. Почти не встречаешь деревьев, растительность самая скудная. Повсюду торчат остроконечные вулканические скалы.

Исландские хижины сооружаются из земли и торфа и издали они похожи не на хижины, а на крыши, поставленные прямо на землю. Крыши эти представляются какими-то островками зелени, потому что покрыты травою, которая растет на них хорошо, благодаря теплоте внутри хижин. На этих крышах, в свою пору, бывает покос.

Жителей я почти не встречал во время своей прогулки по окрестностям, но в торговой или аристократической

улице толпилась большая часть населения, занятая сушкою, соленьем и нагрузкою трески. Треска здесь важнейший продукт. Мужчины показались мне крепышами, неповоротливыми и угрюмыми.

Одежда их состоит из грубой черной матросской куртки, известной в скандинавских краях под именем вадмель, из широкополой шляпы, широких панталон с красной оторочкой и из очень незатейливой обуви.

У женщин лица печальные и довольно красивые. Они носят корсет и юбку темного цвета. Девушки надевают поверх

заплетенных кос маленькую коричневую вязаную повязку, а замужние повязывают голову цветными платками.

X

Я возвратился домой к обеду, которому дядюшка сделал честь, равно как и я. Хозяин наш, г. Фридриксон, угощал нас очень усердно.

Ученые завели разговор на туземном языке, но ради меня, время от времени, допускали немецкие и латинские фразы.

Г. Фридриксон спросил, между прочим, дядюшку, нашел ли он что-нибудь любопытное в их библиотеке.

– В библиотеке! – вскрикнул дядюшка. – В этой библиотеке всего на всего несколько разрозненных томов!

– Что вы! – вскрикнул в свою очередь г. Фридриксон, – да у нас там более восьми тысяч томов! У нас самые редкие, самые древние сочинения на старом скандинавском языке! У нас получаются ежегодно все современные издания, выходящие в Копенгагене!

– Не понимаю, г. Фридриксон, – возразил дядюшка, – не понимаю! Где ж они, эти восемь тысяч томов? Я их не видал!

– О, г. профессор, очень понятно: они в чтении. У нас очень любят читать. У нас нет ни одного фермера, ни одного рыбака, который бы не знал грамоты. Мы полагаем, что книги не на то печатаются, чтобы загнивать за железными решетками в библиотеке, а на то, чтобы по ним люди учились, и потому они у нас всегда в разброде.

– В разброде? – вскрикнул дядюшка.

– Да, они переходят из рук в руки, всегда их кто-нибудь читает или перечитывает. Иная книга гуляет очень долго и представляется года через два в библиотеку.

– Признаюсь! Ну, а иностранцам-то это каково, г. Фридриксон? Вы об иностранцах, кажется, не заботитесь?

– Что делать, г. Лиденброк! У иностранцев есть свои библиотеки, а мы прежде всего должны заботиться об образовании своих, а не чужих. Повторяю вам, у наших крестьян не только охота, у них страсть к чтенью. Вы знаете, в 1816 г. мы основали литературное общество, и оно идет отлично. Иностранные ученые почитают за честь называться членами этого общества. Оно издает книги для воспитания и оказывает очень большие услуги стране. Кстати, г. Лиденброк, не пожелаете ли и вы поступить в члены-корреспонденты?

Дядюшка, который уже принадлежал по крайней мере к сотне разных обществ, принял это предложение с удовольствием.

– Вам какие именно книги нужны в нашей библиотеке? – спросил г. Фридриксон. – Назовите какие, я справлюсь и, может быть, вам их раздобуду.

Дядюшка не сразу ответил, а подумал с минуту и наконец беспечно сказал:

– Я хотел посмотреть, нет ли у вас какого сочинения Арна Сакнуссема?

– Арна Сакнуссема? Вы говорите об ученом шестнадцатого века? О великом натуралисте, алхимике и путешествен-

нике?

– О нем именно.

– О, это необычайный человек! Это гений!

– Да, да! Так у вас есть какое-нибудь его сочинение?

– Ни единого.

– Как! В Исландии и нет его сочинений?

– Нет в Исландии, да и нигде нет.

– Это почему ж?

– Потому что Арна Сакнуссема преследовали как еретика и в 1573 г. все его сочинения были сожжены в Копенгагене рукой палача.

– Отлично! Прелестно! – вскрикнул дядюшка.

Изумленный рейкиавикский профессор поглядел на него большими глазами.

– То есть, что же это «отлично»? – спросил я.

– Да, теперь я все понимаю! Да, теперь мне все ясно! – вскрикивал дядюшка, не помня себя от восторга. – Я понимаю теперь, почему Арн Сакнуссем, преданный проклятию, преследуемый за свои открытия, скрыл тайну под формой криптограммы!

– Тайну? Какую тайну? – вскрикнул встрепенувшийся в свою очередь г. Фридриксон:

– Тайну, которую… которая… которой…

Дядюшка сконфузился и начал заикаться.

– У вас имеется какой-нибудь важный документ? – спросил г. Фридриксон.

– Нет… нет… О, нет! Я просто… Простое предположение…

Г. Фридриксон заметил смущение гостя и переменил разговор.

– Наш остров еще мало исследован, – сказал он. – Надеюсь, что вы тут найдете для себя много интересного.

– Разумеется, разумеется, – отвечал дядюшка. – Только я немножко опоздал! Наверное здесь уже были многие ученые исследователи?

– Да, были, но все-таки многое, очень многое еще совсем не тронуто.

– Вы думаете?

– Уверен. Сколько еще у нас гор, ледников, вулканов совсем неизвестных! Да, вот поглядите на гору, что возвышается прямо перед нами. Видите? Это Снеффельс.

– А! Это Снеффельс?

– Да. Вулкан этот прелюбопытный, а между тем заброшен. Кратера никто не посещает.

– Он ведь потух?

– О, потух уже лет сто!

Дядюшка весь вспыхнул и чуть не подпрыгнул под потолок, но сдержал себя и сказал хладнокровно:

– Ну, вот и прекрасно! Я начну свои геологические исследования с этого Сефеля… Фесселя… как вы его называете?

– Снеффельс, – поправил его добродушный г. Фридриксон.

– Да, да, – продолжал коварный профессор Лиденброк – ваш совет… Я последую вашему совету: попробуем взобраться на этот Снеффельс. Может, мы даже заглянем и в кратер.

И он поглядел невинными глазами на своего бесхитростного собрата.

– Я очень жалею, что занятия мои не позволяют мне сопутствовать вам, – сказал г. Фридриксон.

– О, нет, нет! – вскрикнул с испугом дядюшка, – О, зачем же! Я не хочу вас беспокоить… О, нет! Благодарю вас от всего сердца. Присутствие такого ученого как вы, разумеется, неоцененно, но ваши обязанности прежде всего.

– Начинайте с вулкана Снефельса, г. Лиденброк. Поверьте мне, жалеть не будете. Только скажите, вы как думаете пробраться на Снефельский полуостров?

– Морем. Переедем залив и кончено! Ведь это, я полагаю, самый краткий путь?

– Самый краткий, разумеется, но этим путем вы не проберетесь.

– Почему?

– Потому что в Рейкиавике нет ни единой лодки.

– Черт возьми! как досадно!

– Надо будет идти берегом. Путь долгий, но зато интересный.

– Делать нечего! Отправимся берегом. Надо поискать проводника.

– Я вам укажу отличного проводника.

– Человека надежного, толкового?

– Да, и жителя полуострова. Это охотник за гагачьим пухом. Он хорошо говорит по-датски. Вы будете им довольны, за это я ручаюсь.

– А когда его можно увидеть?

– Завтра, если хотите.

– Завтра, непременно завтра! – вскрикнул дядюшка. – Зачем откладывать. Завтра мы с ним покончим уговоры!

XI

На другой день, рано поутру, меня разбудил дядюшки голос. Дядюшка громко с кем-то беседовал на датском языке.

Я проворно оделся, вошел к нему и увидал человека очень высокого роста, здорового, крепкого и сильного с живыми смышлеными глазами.

Длинные рыжие волосы густой гривой падали на его атлетические плечи. Он казался, не взирая на свою массивность, чрезвычайно проворным и ловким. Вся его осанка обличала твердость, энергию, спокойствие и мужество. Можно было сказать, наверное, что он не испугается ничего на свете и ни пред чем на свете не отступит.

Дядюшка вскрикивал, размахивал руками, ходил, а лучше сказать, кидался по комнате, осыпал его вопросами, а он безмятежно его слушал, сложив руки на груди, только изредка наклоняя голову в знак согласия, или качая ею в знак отрицания.

Таков был Ганс Бьелке, охотник за гагачьим пухом.

Охота эта не легкая. Гага вьет гнезда на скалах фиордов. (Фиордами называются узкие заливы в скандинавских странах). Когда гнездо свито, самка выщипывает у себя на грудинке пух и устилает им гнездо. Является охотник, или точнее, промышленник, и берет этот пух.

Гага опять начинает щипать себя и опять выкладывает

гнездо пухом. Охотник опять является и опять все похищает.

Дело продолжается таким образом до тех пор, пока гага-самка выщиплет у себя весь пух.

Тогда гага-самец, в свою очередь, принимается выщипывать у себя на груди пух и выкладывать им гнездо.

Но пух самца сравнительно груб и малоценен, поэтому охотник на него не льстится, оставляет в покое гнездо, которое таки доканчивается, самка кладет яйца и выводит птенцов.

Каждый год повторяется та же самая история.

Гага не выбирает для своих гнезд каких-нибудь крутых и неприступных скал, а скорее ютится на отлогих утесах, которые теряются в море; охотник за гагъячим пухом, значит, не подвергается особой опасности. Он даже не трудится, как земледельцы, – он не пашет, не сеет, а только сбирает жатву.

Наш важный, флегматический и молчаливый проводник Ганс Бьелке явился по рекомендации г. Фридриксона.

Трудно было подобрать людей более непохожих друг на друга, чем мой почтенный дядюшка, профессор Лиденброк и Ганс Бьелке, однако они очень скоро сговорились в цене.

Ганс обязался провести нас в деревню Стапи, расположенную на южном берегу полуострова Снеффельса, у самой подошвы вулкана.

По дядюшкиному расчету нам приходилось сделать около двадцати четырех миль сухим путем, – значит, употребить на это путешествие два дня.

Но когда мы узнали, что такое датские мили, и здешние дороги, так увидали, что нам придется пропутешествовать дней семь или восемь.

Мы наняли четверку лошадей; на двух должны были ехать мы, я и дядюшка, а две были назначены под дорожный багаж и кое-какие припасы. Ганс, по своему обыкновению, отправлялся пешком. Он отлично знал эту часть берега и обещал избрать самый кратчайший путь.

По условию, он не должен был оставлять нас в прибытии нашем в деревню Стапи, а оставаться в покинутой деревне все время, пока мы пробудем в своей экскурссии и там ожидать нас. За это дядюшка обязывался ему платить в неделю четыре риксдалера, которые должны были ему выдаваться каждую субботу аккуратно. Неаккуратность в выдаче недельной платы влекла за собой нарушение условия и с его стороны.

Отбытие наше было назначено 16-го июня.

Дядюшка хотел было дать проводнику задаток, но проводник отказался.

– Efter, – сказал он.

– После, – перевел мне дядюшка.

Покончив дело, Ганс тотчас же удалился.

– Прелесть, что за человек! – вскрикнул дядюшки. Только он и не ожидает, какая славная роль ожидает в будущем!

– Разве он тоже пойдет с нами к…

– Да, Аксель, да! Он тоже пойдет с нами к центру земли!

До отъезда оставалось еще 48 часов. К величайшему моему прискорбию, я должен был все эти часы употребить на дорожние сборы.

Мы таки поломали себе порядком головы, пока уложили все, как следует.

Наконец, укладка окончилась. Мы взяли с собой:

1) Стоградусный термометр,

2) Манометр,

3) Хронометр,

4) Компас склонения и компас наклонения,

5) Зрительную трубку,

6) Два снаряда Румкорфа, которые давали свет посредством электрического тока.

Кроме инструментов, мы забрали с собой два отличных карабина и два револьвера.

Оружия собственно и незачем было брать, потому что нам не предстояло встреч ни с дикими животными, ни с разбойниками. Но дядюшка имел, кажется, такое же пристрастие к своему арсеналу, какое имел к своим инструментам.

Он захватил тоже огромное количество гремучей хлопчатой бумаги, на которую сырость не действует и которой разрывательная сила превосходит даже силу пороха.

Мы еще взяли две кирки, два заступа, шелковую лестницу, три палки с железными наконечниками, топор, молот, с

дюжину железных клиньев и пробоев и длинные узловатые веревки.

Запаслись и провизией.

Этот последний узел был не очень велик, но я знал, что мы им можем прокормиться по крайней мере месяцев шесть, – он весь состоял из сухарей, из сушеного мяса в порошке и из можжевеловой водки.

Воды мы вовсе не брали, но дядюшка рассчитывал на источники и ключи по дороге и захватил тыквенные бутылки.

У нас были тоже припасены хирургические инструменты и некоторые лекарства.

Не забыл тоже дядюшка упаковать потребное количество курительного табаку, трута, пороха и опоясался широким кожаным поясом, в котором имелась достаточная сумма серебром, золотом и ассигнациями.

Непромокаемой обуви мы взяли с собой шесть пар.

16-го числа, рано поутру меня разбудило фырканье лошадей под окнами.

Я проворно оделся и вышел на улицу.

Ганс почти уже навьючил лошадей багажом.

Я подивился, с какой ловкостью и вместе с каким спокойствием он все это делает.

Дядюшка, по своему обычаю, суетился, метался, вопил и выходил из себя.

К шести часам все было готово.

Г. Фридриксон дружески пожал нам руки, дядюшка рас-

сыпался перед ним в благодарностях на исландском наречии, а я угостил его очень плохой латынью, которая должна была выразить ему мою признательность.

Мы уселись па лошадей и двинулись в путь.

Г. Фридриксон крикнул нам в след стих Вергилия:

Et quacumque viam dederit fortuna sequamur.

XII

Погода была пасмурная, но очень приятная, – теплая и тихая.

Мы, оставив Рейкиавик, направились по берегу моря.

Мы проезжали по тощим пастбищам. Вдали, в тумане, обозначались высокие горы.

Очень часто голые, бесплодные утесы, так сказать, вдвигались в берег и так суживали дорогу, что мы ехали словно по какому-нибудь коридору.

Лошадки нам попались очень бодрые и сильные. Даже нетерпеливый дядюшка, и тот не имел случая на них прикрикивать или их подгонять.

Я невольно улыбался, глядя на посадку почтенного профессора: верхом на малорослой лошадке, он походил на шестифутового центавра.

– Что за лошади! – вскрикивал он время от времени – Нигде на свете нет таких лошадей, как в Исландии. Ум-то какой, ум-то! Снега, метели, пропасти, утесы, ледники, – ничто их не останавливает! Встретится река – реку переплывут, как рыбы! Вот ты увидишь, мы сделаем десять лье в день, как ни в чем не бывало!

– А проводник-то?

– Проводник? О, этот человек не уступит даже исландской лошади в неутомимости! Впрочем, коли надо будет, так я

ему уступлю свое место. Ведь я тоже не высижу всю дорогу в седле, у меня ноги онемеют…

Мы пробирались вперед и благополучно, и быстро. Местность была пустынная. Изредка попадалась какая-нибудь убогонькая ферма или крестьянская бедная избенка.

Однако эта часть провинции считалась одной из самых населенных в Исландии.

Каковы же были прочие, ненаселенные?

Мы проехали полмили и не встретили ни души человеческой. Только раз попалось стадо баранов, да несколько коров, которые паслись без всякого присмотра.

Спустя два часа после выезда из Рейкиавика, мы ехали в Аоалькиркь, или Главную Церковь.

Эта деревушка не представляла ничего особенно замечательного; она вся состояла из нескольких хижин.

Ганс остановился здесь на полчаса и разделил с нами наш скудный завтрак.

За завтраком Ганс не отличился говорливостью. На вопросы дядюшки, он отвечал только «да» и «нет».

– Где мы будем ночевать? – спросил дядюшка.

– В Гардаре, – ответил он.

Я взял карту и стал отыскивать, где этот Гардар.

Я нашел небольшое село в четырех милях от Рейкиавика и указал его дядюшке.

– Только четыре мили! – вскрикнул дядюшка, – Только четыре мили!

Он попробовал было вступить в прения по этому поводу с Гансом, но Ганс, не отвечая ему ни слова, шел вперед.

Через три часа мы обогнули залив и прибыли в другое селение.

Если бы на здешней колокольне были часы, они пробили при нашем въезде двенадцать, потому что был как раз полдень. Но здесь часов нет ни на колокольнях, ни у жителей.

В этой деревне мы покормили лошадей, отдохнули немного и снова пустились в путь.

В четыре часа пополудни мы останавливались опять в селении, на южном берегу залива.

Фиорд в этом месте был шириною по крайней мере в полмили. Волны с шумом разбивались и брызгали по острым утесам. Иные утесы возвышались тысячи на три футов.

Как дядюшка ни превозносил понятливость исландских лошадей, а я все-таки не намерен был переплывать такие опасные места на спине четвероногих.

– Коли они сунутся сюда, – думал я, – так я все-таки их примеру не последую!

Но дядюшка прямо полетел к воде.

Его лошадь ступила в волны и стала.

Дядюшка начал понукать, подпрыгивать на седле, кипятиться, но лошадь только понурила голову и не трогалась с места.

Дядюшка принялся колотить ее пятками, осыпать проклятьями и хлестать кнутом.

Лошадь начала брыкаться, но потом, как бы одумавшись, согнула колена, приняла к земле и вылезла из-под почтенного профессора, оставив его на двух камнях, в позиции колосса родосского.

– А! проклятое животное! – вскрикнул сконфуженный дядюшка, – проклятое животное!

Ганс дотронулся до его плеча и сказал ему какое-то слово.

– Плот? – вскрикнул опять дядюшка, только другим тоном. – Где плот?

– Вон, – указал Ганс.

– Да, да! – вскрикнул я, – вон плот.

– Так следовало бы так и сказать, Ганс Бъедке, – вскрикнул дядюшка. – Отлично! Ну, в путь!

– Надо ждать прилива, – сказал Ганс.

Дядюшка бешено топнул ногою, но понял однако, что прилива дождаться надо.

Мы ждали до шести часов вечера.

В шесть часов дядюшка, я, проводник, два перевозчика и четверка лошадей уместились на чем-то в роде плоского шаткого парома.

Мы больше часу употребили на переезд и наконец благополучно вышли на берег.

Еще полчаса спустя, мы прибыли в Гардар.

XIII

Уже должна бы по-настоящему быть ночь, но было еще очень светло, потому что в Исландии в июне и июле месяцах солнце не заходит.

Становилось свежо. Я прозяб, кроме того, проголодался и очень обрадовался, когда мы подъехали к гостеприимной избушке, где положено было ночевать.

Хозяин вышел к нам на встречу, пожал нам руки и пригласил войти.

Избушка была построена из торфа. Мы вошли в узкий, длинный, темный коридор; по обе стороны этого коридора были расположены коморки. Всех коморок было четыре, а именно: кухня, прядильная, «бадстофа» или хозяйская спальня и комната, для путников, чужих пришельцев, путешественников и гостей. Эта последняя комната была самая лучшая в доме.

При постройке избушки, разумеется, никто не подумал о росте достопочтенного профессора Лиденброка и он не раз стукнулся головой о потолочные балки.

Хозяин проводил нас в комнату путников. Пол тут был земляной и окно, зятянутое пузырем, пропускало мало свету. Не деревянной кровати, выкрашенной красной краской и испещренной изречениями исландских поэтов, была постлана, постель из сухого сена.

Я, по правде говоря, не ожидал такого комфорта и с удовольствием подумал, какую я тут задам высыпку.

Только во всей избушке царил такой едкий запах сушеной рыбы, квашеного мяса и кислого молока, что я едва мог дышать.

Едва мы успели снять с себя дорожные доспехи, как послышался голос хозяина, который звал нас в кухню.

Какие бы ни были холода, здесь огонь разводят только в кухне.

Дядюшка поспешил на этот зов, я тоже.

Кухня служила и столовой. Очаг здесь был сложен из камней, а вверху, в крыше, виднелась дыра, сквозь которую проходил дым.

При нашем появлении хозяин снова приветствовал нас: словами «будьте благополучны» и поцеловал нас в щеку.

После него произнесла те же слова его жена и также удостоила нас поцелуем в щеку; затем оба они, положив руку на сердце, низко нам поклонились.

Спешу прибавить, что исландка была мать девятнадцати детей, которых я сначала не заметил в клубах дыма.

Дядюшка и я, кажется, понравились этому выводку, потому что скоро трое или четверо вскарабкались к нам на колени, столько же на плечи, а остальные уцепились за наши ноги. Кто из них умел говорить, те очень бойко твердили свое «сельветрю», то есть будьте благополучны, на все тоны и лады. Кто не умел говорить, те брали криком и мычаньем.

Этот концерт был прерван приглашением приступить к ужину.

В эту минуту вошёл Ганс Бъелке, который «опорадил» лошадей, то есть пустил их пастись на плохой тощей траве, что росла по скалам, и тоже произнес свой «сельветрю».

И спокойно, флегматически он приложился сначала к щеке хозяина, потом к щеке хозяйки, потом к щекам всех девятнадцати детей.

По окончании этой церемонии все сели за стол. Нас было ровно двадцать четыре души и мы сидели буквально друг на друге. У самых счастливых было только по трое птенцов на коленях.

Ужин состоял из похлебки с исландским мохом, из сушеной рыбы, плавающей в прогорклом масле, которое на исландский вкус несравненно вкуснее свежего, из кислого молока с сухарями и с можжевельными ягодами.

Суп был вовсе не противен. Впрочем, я так проголодался, что не очень-то разбирал. Питье состояло из сыворотки, разведенной водой. На десерт подали гречневую кашу, которую я тоже уписывал, как нельзя лучше.

Как только ужин окончился, дети исчезли, а взрослые уселись около большого очага, где вместо дров и каменного угля горел торф, вереск, коровий навоз и сухие рыбьи кости.

Посидев у очага и согревшись, все разошлись спать.

Хозяйка, по исландскому обычаю, предложила собственноручно снять с нас обувь и панталоны.

Мы ужаснулись, но она, слава Богу, не настаивала, покорилась нашему отказу и ушла.

Я прыгнул в сено и заснул, как убитый.

На другой день, в пять часов утра, мы простились с хозяевами. Дядюшка насилу уговорил их взять хотя безделицу за постой.

Не успели мы отъехать и сотни шагов от Гардара, как почва начала меняться и стала болотистее. На право виднелась целая цепь гор; часто встречались на пути ручьи, через которые мы переправлялись в брод без особых затруднений.

Местность становилась все пустыннее и пустыннее впрочем, время от времени какие-то человеческие фигуры торопливо убегали в даль.

Когда извилины дороги заставляли нас вдруг круто поворачивать в бок, мы натыкались на эти фигуры.

Несчастные люди были ужасны. Распухшая голова была совершенно лишена волос и блестела, как полированная! отвратительные раны проглядывали сквозь дырявые лохмотья.

Несчастные не протягивали рук за подаянием, а напротив, опомнившись, бросались бежать.

Ганс, однако, все-таки успевал послать им, вслед свое «сельветрю».

– Spetalok! – говорил он.

– Прокаженные! – переводил дядюшка.

Проказа очень обыкновенна в Исландии. Эту болезнь не считают здесь прилипчивой, но наследственною и потому

браки запрещены прокаженным.

Местность и без того была печальна, а подобные явления не могли, разумеется, придать ей веселости и приятности.

Да, не весело и не цветуще было вокруг. Даже трава почти исчезла. Попадались только, и то изредка, малорослы: березы.

Пришлось переехать не мало ручьев и речек и даже один настоящий залив.

Ввечеру мы остановились в какой-то заброшенной избенке и тут провели ночь.

В следующий день не случилось ничего особенного. Все та же болотистая почва, тоже однообразие.

19-го июня мы целую милю ехали по обломкам лавы, там и сям поднимался пар от горячих источников.

Скоро почва опять сделалась болотиста и стали беспрестанно попадаться маленькие озерца.

Мы направлялись к западу, обогнули большой залив и увидали перед собой белую вершину Снеффельса, возвышавшуюся всего милях в пяти от нас.

Лошади везли отлично и, казалось, ни чуть не изморились, но я начинал чувствовать сильную усталость. Я с завистью поглядывал на дядюшку, который сидел бодро, и словно только что выехал из дому, и на Ганса, который считал это путешествие за прогулку.

В субботу, 20-го июня мы добрались до Будира.

Это селение расположено на берегу моря.

Здесь Ганс потребовал, по условию, недельную плату и дядюшка тотчас же с ним расплатился.

Мы остановились ночевать у родных Ганса.

Я бы охотно передохнул денек-другой у этих радушных людей, но дядюшку, словно кто пришпоривал и на другой день, рано поутру, пришлось опять садиться на лошадей и отправляться в дальнейший путь.

Мы огибали громадное подножье вулкана.

Дядюшка поминутно восклицал:

– Вот он! вот он! Ну, теперь ты мой!

Наконец, после четырехчасового пути, лошади остановились сами у дверей священникова дома в Стапи.

XIV

Все селенье Стапи состоит из тридцати избушек, и расположено у подошвы вулкана, посреди лавы, под лучами солнца, отражающегося от горы.

Стапи приютилось в углублении фиорда, который вдается в базальтовую стену самого странного вида.

Известно, что базальт камень темного цвета и разложен удивительно правильными группами. Тут природа работала словно геометр, вооруженный циркулем, конусом и отвесом.

Если природа, в большей части случаев, громоздила свои постройки беспорядочно, неправильными конусами, закопченными пирамидами, причудливыми зигзагами и очертаниями, то здесь она как будто хотела представить образец правильности и создала все в удивительно строгом порядке, который далеко оставляет за собой великолепные здания Вавилона и Греции.

Я много слышал о Мосте Гигантов в Ирландии и Фингаловой пещере на Гебридах, но собственными глазами я еще не видывал ничего подобного.

Тут, в Стапи, я мог вдоволь любоваться этими чудесами.

Скала фиорда, равно как и весь берег полуострова, стоит из ряда вертикальных колонн; колонны эти вышиною футов в 30 и совершенно правильной формы.

Невозможно рассказать, как причудливо красивы эти про-

буравленные силой морских волн скалы и что за чудесный вид открывается сквозь них на волнующееся, пенистое море.

Кое-где колонны навалены кучею и представляются как бы развалинами античнаго храма.

Подъехав к избе священника, которая ничем не отличалась от прочих в селеньи, я увидал человека в кожаном переднике, с молотком в руке, который подковывал лошадь.

– Сельветрю! – сказал Ганс.

– Здравствуйте, – ответил кузнец по-датски.

– Kyrkoherde, – сказал Ганс.

– Ректор! – перевел дядюшка. – Слышишь, Аксель? Этот кузнец – ректор!

Ганс, между тем, объяснял, откуда мы явились.

Когда священник его выслушал, то бросил подковывать и крикнул, словно погонял лошадь.

На этот крик тотчас же явилась какая-то исполинша.

Я испугался, что она тоже угостит нас исландским приветственным поцелуем, но она не только этого не сделала, но и в дом проводила не особенно ласково.

Комната путников была здесь самая жалкая из всех остальных, – грязная, тесная и вонючая. Нечего делать, надо было ею удовольствоваться.

Священник не отличался особою приветливостью.

Впрочем, во-первых, по наружности нельзя всегда судить, а во-вторых, участь исландских священников вовсе не завидна. Они получают от датского правительства самое ни-

чтожное жалованье, а от своих приходов доход у них еще ничтожнее. Поэтому они принуждены заниматься рыболовством, охотою, кузнечным ремеслом и проч. в этом роде.

Дядюшка, увидав, что придется иметь дело не с ученым, а с простым поденщиком, тотчас же порешил отправиться поискать в горах более гостеприимного приюта.

Мы наняли трех исландцев для переноски багажа.

Дядюшка объявил Гансу, что он намерен исследовать кратер до последней невозможности.

На это заявление Ганс кивнул головою.

Казалось ему было решительно все равно ходить по своему острову, по земле пли под землею.

Что касается до меня, то я опять стал призадумываться. Меня было развлекло путешествие, но теперь опять нападали на меня прежние страхи.

Что если в самом деле этот Сакнуссем правду пишет? думал я. Ведь мы заблудимся в подземных галереях вулкана! А самое ужасное то, что ведь нельзя поручиться, что вулкан совершенно потух! Кто знает, может в настоящую минуту уже готовится извержение! Правда, вулкан не действует с 1229 г., но ведь это ничего еще не значит! Не действовал и вдруг начнет действовать! Что тогда будет с нами?

Чем дальше, тем эти мысли тревожили меня сильнее. Стоило мне хоть на минуту заснуть, и мне тотчас же снились извержения.

Наконец я не выдержал и решился сообщить свои страхи

дядюшке.

Он выслушал все и спокойно мне ответил:

– Я уж об этом думал. С самого прибытия нашего в Стапи, я все об этом думал. Осмотрительность необходима.

– Необходима! необходима! – вскрикнул я.

– Но бояться нечего. Ты, я полагаю, знаешь, что извержениям всегда предшествуют известные явления. Я расспрашивал здешних жителей, я исследовал почву и могу тебе наверно сказать, что извержения не будет.

Я ничего не отвечал.

– Ты сомневаешься в моих словах, Аксель? – сказал дядюшка. – Иди же за мной!

Я машинально повиновался.

Мы вышли из деревни и дядюшка отправился прямо сквозь трещину в базальтовой скале.

Мы удалились от моря и скоро очутились в открытом июле, если только можно дать это название местности, загроможденной вулканическими извержениями.

Земля, казалось, была подавлена дождем громадных камней, базальта, гранита, и других каменных пород.

Кое-где почва дымилась, и белый пар поднимался из горячих источников.

– Смотрите, дядюшка, – сказал я.

– Что такое? – спросил дядюшка.

– Видите, как дымится? Видите, беловатый пар выходит из горячих источников? Ведь это доказывает очень ясно вул-

каническое состояние почвы.

– Ты указываешь на эти столбы дыма, Аксель, да? Но они только и доказывают, что извержения нечего бояться.

– Как так? – вскрикнул я.

– Запомни хорошенько, мой дружок, что пред извержением, деятельность в этих трещинах, откуда выходит пар, усиливается, а во время извержения совершенно прекращается. Прекращается потому, что упругие жидкости, не имея более необходимого напряжения, вместо того, чтобы проникать сквозь трещины почвы, устремляются прямо в кратер. Значит, если эти пары находятся в обыкновенном своем состоянии, если деятельность их не усиливается, если, кроме того, ветер и дождь не сменились теплым и покойным состоянием атмосферы, то извержения быть не может.

– Но…

– Довольно. Раз как наука произносит свое решение, остается молчать и верить!

Я прикусил язык и не возражал.

Однако я не успокоился. Всю ночь мне опять снились страшные извержения, я попадал в кратер и оттуда извергался вместе с раскаленной лавой, – одним словом кошмары мучили самые ужасные.

23-го июня Ганс во время явился с тремя исландцами, с инструментами и провизией. Кроме того, Ганс запасся теперь и водой на восемь дней.

Было восемь часов утра, священник и его великая стояли

у дверей. Мы думали, что они вышли с нами проститься, но они, вместо прощального привета, потребовали с нас за постой, и потребовали дорогонько.

Дядюшка не спорил, расплатился и мы отправились.

XV

Хотя высота Снеффельса 5000 футов, но из Стапи виднелась только громадная куча снега, увенчивающая вершину вулкана.

Мы подвигались гуськом. Ганс шел впереди.

Дорога была до того узка, что мы едва пролезали и вести разговоры не было никакой возможности.

За базальтовыми стенами фиорда пошла почва, состоящая из вулканического торфа. Некоторые торфяные ямы достигали семидесяти футов в вышину и представляли слои обугленных обломков, разделенных пластами пемзоватого туфа.

Как истый племянник профессора Лиденброка, я, не взирая на все свои тревоги, внимательно рассматривал все минералогические особенности.

Вместе с этим я в уме проходил всю историю возникновения Исландии.

Этот любопытный остров, очевидно, поднялся из воды не в особенно отдаленную эпоху. Очень может статься, что он и до сих пор продолжает нечувствительно подниматься.

Если это так, то его происхождение можно только приписать действию подземнаго огня.

В таком случае теория Деви, документ Сакнуссема, притязательные замыслы моего почтенного дядюшки, – все это

идет прахом.

Эти размышления заставили меня еще внимательнее приглядываться к почве, и скоро я пришел к следующим выводам:

В Исландии нет осадочных пластов и весь остров, состоит из вулканического туфа, то есть из накопления каменных пород ноздреватого состава.

Действием внутреннего огня остров постепенно поднимался, а поднявшись выше поверхности моря, прорвал почву диагонально с юго-запада на северо-запад и на поверхность острова вылилась трахитовая масса.

Этот переворот совершался без потрясений. Расщелина была громадная и расплавленная масса, вытекавшая из внутренности земли, покрыла остров ноздреватою корою.

В эту же самую эпоху появились сиениты и порфиры.

Благодаря этому излиянию расплавленной массы, толщина острова очень значительно увеличилась, следовательно, увеличилась и сила сопротивления. Можно себе представить, какое количество упругой жидкости скопилось внутри, когда трахитовая масса охладилась и закрылись для нее все выходы на поверхность. Наконец наступило время, когда уже сила скопившихся внутри газов достигла до такой степени, что подняла во многих местах тяжелую кору в виде конусов, а на вершине этих конусов прорвала себе выход.

С этого времени началась вулканическая деятельность. Из вновь образовавшихся кратеров сначала выкинуты были ба-

зальтовые соединения, а когда кончилось базальтовое извержение, началось выбрасыванье лавы, пепла и шлаков, которые лежали по бокам горы словно гигантские пряди каких-то чудовищных волос.

Дорога между тем становилась все труднее и труднее; почва все поднималась, осколки скал шатались и колебались.

Надо было подвигаться с величайшей осмотрительностью, потому что каждый шаг грозил опасным падением.

Ганс шел так же спокойно, как другие ходят по усыпанной песком аллее; время от времени он скрывался от нас за выступами скал и тогда резкий свист давал нам знать, какого направления мы должны держаться. Он часто останавливался, и сбирал мелкие осколки в кучи для того, чтобы обозначить путь, по которому мы поднимались и по которому нам придется спускаться.

Три часа утомительнейшей ходьбы не далеко нас подкинули; мы только пришли к подошве горы.

Здесь Ганс подал знак остановиться. Мы остановились и стали завтракать:.

Дядюшка поглотал свои порции как акула, но это ничуть не ускорило дела, потому что Ганс положил, что отдых будет продолжаться час и час отдых продолжался, не взирая ни на какие доводы почтенного профессора.

Три исландца в молчаливости не уступали Гансу Бъелке; они ели и не сказали ни единого слова.

Отдохнув, мы снова двинулись в путь.

Мы теперь взбирались по склонам Снеффельса.

Снежная вершина вулкана, вследствие оптического обмана, как это не редко случается в горах, казалась мне гораздо ближе, чем была на самом деле.

Много еще часов трудного, утомительного пути, предстояло нам до этой вершины!

Камни сыпались из-под наших ног и катились вниз с быстротой лавины.

Иногда вдруг представлялись такие крутые выступы, что карабкаться на них было невозможно, а приходилось огибать их, что тоже было не безопасно.

Мы пускали тогда в ход палки с железными наконечниками и посредством этих палок кое-как помогали друг дружке взбираться.

Тут я должен сказать, что дядюшка очень обо мне заботился: он не выпускал меня из виду, и много раз его рука вовремя поддерживала меня.

Сам дядюшка карабкался хотя не грациозно, но очень деятельно и искусно.

Исландцы взбирались легко и быстро, как настоящие горцы.

Я время от времени поглядывал на снежную вершину Снеффельса и говорил себе, что никогда нам до нее не докарабкаться, если все пойдет такая же крутизна.

Но к счастью, после пяти часовых трудов, нам встретилось что-то вроде ступенчатой лестницы, по которой мы ста-

ли уже без труда взбираться.

Лестница эта образовалась из камней, изверженных вулканом.

Если бы эти камни не были остановлены неровностями горного склона, они бы попадали в море и пожалуй образовали бы новые островки.

Всход становился все круче и круче, но эти ступени очень нам помогали.

Мы подвигались так быстро, что остановись передохнуть на одну минутку, я чуть не потерял из виду товарищей, которые продолжали взбираться.

К семи часам вечера мы уже перешли две тысячи ступенек и достигли того места, откуда начинался самый конус.

Море расстилалось под нами; мы были на 3200 футов над его поверхностью. Мы уже миновали границу вечных снегов – эта граница лежит в Исландии довольно низко, по причине постоянной сырости и суровости климата.

Холод был жесточайший, ветер чуть не валил с ног.

Я просто изнемогал.

Нетерпеливый дядюшка понял, что уж ноги меня не несут и, скрепив сердце, решился приостановиться.

Он сделал знак Гансу.

Но Ганс отрицательно качнул головой и сказал:

– Ofvanfor.

– Он, кажется, велит дальше идти, – обратился ко мне дядюшка.

Затем он обратился за объяснением к Гансу.

– Mistour, – ответил Ганс.

– Mistour! – повторил один исландец не без испуга.

– Что значит это слово mistour? – спросил я у дядюшки.

– Гляди! – ответил мне дядюшка.

Я взглянул в ту сторону, куда он указывал.

Над долиной кружился, подобно тромбу, огромный столб песку, пыли и мельчайших камней. Ветер гнал этот столб на тот бок Снеффельса, где мы находились.

– Hastigt, hastigt! – говорил Ганс.

Хотя я и не понимал по-исландски, но догадался, что это значило бежать как можно скорее.

Мы все последовали за Гансом, который начал огибать конус несколько наискось, чтобы облегчить путь.

Скоро тромб опрокинулся на гору и гора затряслась от этого удара. Камни, подхваченные ветром, посыпались дождем, как при извержении.

По счастью, мы уже были на противоположном склоне горы и вне всякой опасности.

Не будь наш Ганс Бъелке так предусмотрителен и осторожен, нас бы разорвало, расщепило и уничтожило в этом страшном вихре.

Ганс счел небезопасным ночевать на склоне конуса, а потому пришлось снова отправиться в путь.

Для того чтобы пройти 1500 футов, которые еще оставались до кратера, потребовалось целых пять часов. Я про-

сто-напросто падал из изнурения, голода и холода.

Воздух становился все реже и реже; дышать было трудно.

Наконец, к 11 часам ночи, в темноте, мы добрались до вершины Снеффельса и прежде, чем мы нашли себе убежище внутри кратера, я успел увидать «полуденное солнце», которое бросало свои бледные лучи на остров, как бы заснувший у моих ног.

XVI

Мы наскоро поужинали и всякий расположился, как мог лучше.

Постель была не мягкая, убежище ненадежное, – вообще говоря, нельзя было похвалиться особым комфортом.

Однако я спал эту ночь удивительно спокойно. Мне даже ничего не снилось.

По утру меня пробрал холод и я проворно вскочил.

Солнце ярко светило.

Я отправился побродить на южную вершину Снеффельса.

Отсюда мне виден был почти весь остров. На больших высотах берега крайние линии горизонта всегда кажутся выше, нежели средина обозреваемого пространства, которая как бы углубляется.

Подо мной пересекались во всех направлениях глубокие долины, пропасти представлялись колодцами, озера прудами, реки – ручейками.

Направо тянулись бесчисленные ледники и горные вершины; некоторые из этих вершин чуть заметно курились. Волнообразные очертания гор напомнили мне поверхность бурного моря.

Я обернулся на запад и увидал величественный, безбрежный океан.

Где кончалась земля, где начинались волны, глаз не раз-

личал.

Каждая из этих отдушин имела около сотни футов в диаметре. Все три разверзались теперь под нашими ногами и у меня, признаюсь, не хватило храбрости заглянуть в их глубину.

Профессор Лиденброк, напротив, с жадностью вытаращил на них глаза, метался из стороны в сторону, махал руками и лепетал какие-то непонятные слова.

Ганс и три исландца сидели на кусках лавы и глядели на почтенного ученого во все глаза. Они, очевидно, считали его за полоумного.

Вдруг дядюшка вскрикнул.

Я вздрогнул; мне представилось, что он оступился и летит в бездну.

Но этот страх был напрасный. Оглянувшись, я увидал его на ногах. Он стоял перед гранитной скалой, возвышавшейся в центре кратера, и был, казалось, полон изумлением, начинавшим уже переходить в безумную радость.

– Аксель! Аксель! – крикнул он, – скорей, скорей сюда!

Я кинулся к нему.

Ганс и исландцы не тронулись со своих мест.

– Посмотри! – сказал мне дядюшка задыхающимся голосом, – посмотри!

Я взглянул на указанное место, на обломок скалы.

Я увидал начертанное на ней рунами.

– Арн Сакнуссем! – вскрикнул дядюшка. Ты видишь? Ты

видишь? Что ж, ты и теперь еще сомневаешься?

Я ничего не ответил и в отчаянии сел на выступ скалы.

Очевидно, Арн Сакнуссем был здесь!

Не умею сказать, долго ли я оставался неподвижен, погруженный в свои думы, знаю только, что когда я поднял голову, что увидал дядюшку и Ганса в глубине кратера, а исландцы уже были рассчитаны и быстро сходили по наружному склону Снеффельса, по направлению селенья Стапи.

Ганс преспокойно спал у подножия утеса, а дядюшка перепрыгивал из стороны в сторону, и, видимо, что-то исследовал.

Я не имел ни малейшего желания заниматься исследованиями, и потому последовал примеру проводника. Я улегся кое-как между застывшей лавой, в ямке, и скоро заснул тревожным, болезненным сном.

Целую ночь мне все мерещилось извержение, горячие потопи лавы и прочее, тому подобное.

Так прошла первая ночевка в кратере.

На другой день небо было серое, облачное. У нас в кратере царил полумрак.

Дядюшка бесился на погоду.

Я, разумеется, отлично понял причину его бешенства и мне вздохнулось несколько полегче.

Дело в том, что из трех дорог, разверзавшихся под нами, Арн Сакнуссем шел по одной, а по какой именно, узнать можно было только по тени, которую в последних числах

июня месяца бросал на нее Скартарис.

В самом деле, эту острую вершину можно было принять за громадную стрелку чудовищных солнечных часов, тень которой в определенный день указывает, по уверению Сакнуссема, дорогу к центру земного шара.

Но солнце не показывалось, не было следственно и тени, а без тени и указания.

Мы проснулись в кратере 25 июня. Значит, если только небо будет еще в продолжении шести дней покрыто лучами, то дядюшке придется отложить свое предприятие да будущего года.

Я, разумеется, не могу изобразить слабым пером моим ярость достопочтенного профессора Лиденброка.

Прошел день, и солнце ни разу не выглянуло.

Ганс не двигался со своего места и не говорил ни слова, но если невозмутимый исландец задавал себе когда-нибудь какие-нибудь вопросы, то, без сомнения, он спрашивал себя, чего мы тут ждем.

Дядюшка тоже молчал и не сводил глаз с неба.

26-го, целый день шел дождь, перемешенный со снегом. Ганс построил из обломков лавы что-то вроде конуры, где и я приютился.

Из этого убежища я не без удовольствия глядел, как дождевые каскады лились по стенам конуса.

Дядюшка был вне себя. Да и признаюсь, ему было от чего придти в отчаяние и неистовство, – добрался до цели и вдруг

такая помеха!

На другой день опять тучи, опять солнце не показывается.

Наконец, 28 июня солнце яркими лучами залило кратер. Каждое возвышеньице, каждая скала, каждый выступ осветились и бросили свою тень.

Тень Скартариса ложилась всего заметнее и двигалась вместе с солнцем.

Дядюшка не спускал с нее глаз.

В полдень тень эта чуть-чуть заметно коснулась краев центральной пропасти.

– Тут! – вскрикнул дядюшка, – тут!

– Вперед! К центру земли! – прибавил он по-датски.

Я взглянул на Ганса Бъелке.

– Forut! – спокойно проговорил Ганс.

– Вперед! – повторил дядюшка.

Было сорок семь минут второго.

XVII

Началось настоящее нисхождение. До сих пор было больше усталости, чем трудностей, но теперь препятствия росли на каждом шагу.

Я еще ни разу не решился взглянуть на бездонный колодезь, долженствовавший поглотить нас. Я мог бы еще отказаться от страшного путешествия, но Ганс так безмятежно, так спокойно принял приглашение отправиться с нами, что я покраснел за свою трусость. Я даже довольно храбро подошел к центральной трубе.

– Прощай Гретхен! – подумал я, скрепя сердце, – прощай!

Я уже сказал, кажется, что центральная труба имела около ста футов в диаметре, и триста футов в окружности.

Я нагнулся над выступавшей скалой и стал смотреть в глубину.

Волосы у меня стали дыбом. Меня охватило что-то странное, – пустота, так сказать. Я чувствовал, что теряю центр тяжести, что голова у меня кружится, как у пьяного, что пропасть меня втягивает… втягивает… втягивает…

Я бы непременно упал, но Ганс поддержал меня.

Очевидно, я взял недостаточное число «уроков головокружения» на копенгагенской башне.

Как ни кратковременно смотрел я в пропасть, я однако мог дать себе отчет о ее форме. Ее почти отвесные шпи-

ки представляли многочисленные выступы, которые должны были очень облегчать нахождение.

Но хоть лестница была готова, перил не доставало. Можно бы вместо перил провести веревку к верхнему отверстию.

Но как отвязать эту веревку, когда уже спустимся до нижнего конца?

Дядюшка устранил это затруднение очень простым манером. Он взял веревку, толщиною в палец, а длиною в четыреста футов, размотал ее наполовину, обернул около выступавшей глыбы лавы и бросил другой конец в пропасть. Таким образом, каждый из нас мог спуститься, ухватив оба конца веревки, а спустившись футов на 200, нам легко было снять веревку, стоило только один конец бросить, а за другой потянуть. Затем, тот же самый маневр можно было повторять до бесконечности.

– Теперь, – сказал дядюшка, окончив вышеописанные приготовления, – теперь надо подумать о багаже. Мы разделим его на три части, и каждый навьючится. Ганс пусть возьмет инструменты и часть съестных припасов, ты Аксель, бери другую часть съестных припасов и оружие, а я заберу остальную провизию и хрупкие инструметы.

– Позвольте, дядюшка, – возразил я, – а кто же спустит все эти веревки и лестницы?

– Они сами спустятся.

– Это как же?

– Увидишь как.

Дядюшка имел пристрастие к так называемым «сильным средствам».

Нимало не колеблясь, он приказал Гансу собрать не ломкие вещи и бросить их в пропасть.

Ганс исполнил это с обычной своей невозмутимостью.

Я прислушивался к шуму, производившемуся от передвижения слоев воздуха.

Дядюшка, наклонясь над бездною, довольным взором следил, как летел багаж и выпрямился только тогда, когда связка исчезла из виду.

– Отлично! – сказал он, – отлично! Ну, теперь наш черед!

Я спрашиваю всякого читателя, который хоть сколько-нибудь дорожит жизнью, возможно ли было услыхать это распоряжение без сердечного замиранья?

Почтенный профессор привязал себе на спину связку с инструментами, Ганс взял свой вьюк, я тоже.

Мы стали спускаться.

Мы молчали; тишина прерывалась только падением каменных осколков, низвергавшихся в пропасть.

Я, так сказать, скользил, держась одной рукой за веревку, а другою опираясь на палку с железным наконечником.

У меня была только одна мысль: я боялся потерять равновесие.

Веревки вещь такая ненадежная!

Я старался цепляться за попадавшиеся выступы, и творил разные чудеса руками и ногами.

Когда случалось, что нога моя скользила, то Ганс говорил мне своим спокойным голосом:

– Gif akt!

– Осторожней! вниманье! – переводил дядюшка.

Через полчала мы достигли поверхности утеса во внутренности центральной трубы.

Ганс дернул веревку за один конец, другой, в следствие этого, взвился на воздух, перелетел через скалу и упал, пустив в нас целый град мелких камней.

Я наклонился над бездной и поглядел, – дна еще видно не было.

Мы опять принялись спускаться тем же самым манером и благополучно достигли еще на 200 футов ниже.

Во время подобного спуска у самого страстного геолога отпадет охота изучать свойства почвы. Я не заботился ни о каких формациях, будь они какие угодно: плиоценовые, чиоценовые, хоценовые, меловые, юрские, триасовые, пермские, каменно-угольные, девонские, силурийские или первичные, но почтенный профессор Лиденброк изучал несомненно, потому что при отдыхе он сказал мне:

– Чем дальше мы идем, тем я становлюсь увереннее! Расположение этих вулканических пластов как нельзя положительнее подтверждает теорию Деви. Мы теперь находимся в первобытной почве, в которой произошло химическое образование металлов, воспламенившихся от прикосновения воздуха и воды. Я решительно отвергаю теорию нейтрально-

го жара. Впрочем, мы это увидим.

Ужасный дядюшка! Он все сводил к одному концу.

Я разумеется не возражал ему. К чему тут были возражения?

Опять начали спускаться.

Прошло три часа, а все еще конца не было видно.

Подняв голову, я заметил, что верхнее отверстие, заметно суживалось; стенки, вследствие своего легкого склонения, как бы сдвинулись. Темнота понемногу увеличивались.

Мы все спускались.

Мне казалось, что звук от падения камней становился все глуше и глуше, – что, следственно, эти камни скорее достигали дна пропасти.

Я внимательно считал все маневры с веревкой и потому мог дать себе отчет, до какой глубины мы спустились и сколько времени на это употребили.

Мы повторили маневр четырнадцать раз, и на каждый маневр у нас шло по получасу. Значит, всего семь; положим к этому четырнадцать четвертей часа отдыха, то есть три с половиною часа и будет вместе десять с половиною часов. Мы начали спускаться в час, значит, теперь должно было быть одиннадцать часов.

Что касается до глубины, на которую мы спустились, то она должна была доходить по этому расчету до 2800 футов.

В эту минуту раздался голос Ганса:

– Стой!

Я мгновенно остановился и чуть-чуть не задел ногой дядюшкину голову.

– Мы пришли, сказал дядюшка.

Я скатился к нему и спросил:

– Куда пришли?

– На дно перпендикулярной трубы.

– Значит другого выхода нет?

– Есть. Я вижу что-то в роде узкого коридорчика – вон там направо. Завтра рассмотрим получше, а теперь поужинаем и заснем.

Еще не совсем стемнело. Мы распаковали мешок с провизией, поужинали и улеглись, как Бог послал, на камнях и осколках лавы.

Растянувшись на спине, я взглянул в верх и увидал над собой блестящую точку. То была звезда без всякого мерцания и по моему расчету из группы Малой Медведицы.

Затем я уснул крепким сном.

XVIII

В восемь часов утра нас разбудил солнечный луч. Тысячи граней лавы на стенах пропасти отражали этот луч и рассыпали его словно дождь искр. Света этого было очень достаточно для того, чтобы различать окружающие нас предметы.

– Ну что, Аксель? что скажешь? – вскрикнул дядюшка, потирая руки. – Ведь такой спокойной ночи ты не проводил даже дома! Тут ни стука телег, ни крика разносчиков, ни ругательств лодочников! Тут божественная тишина!

– Конечно, тишина, дядюшка, – отвечал я, – только в этой тишине есть что-то страшное.

– Полно! Если ты с самого начала пугаешься, что же будет дальше-то? Мы ведь не вошли и на дюйм во внутрь земли.

– Вы что этим хотите сказать?

– Я хочу сказать, что мы добрались только до почвы острова. Эта длинная, вертикальная труба кончается у кратера Снеффельса, а прекращается почти наравне с уровнем моря.

– Вы в этом уверены?

– Очень уверен. Глянь на барометр, сам увидишь.

Я взглянул и точно ртуть, поднимавшаяся в трубочке.

по мере того, как мы спускались, остановилась на 29 дюймах.

– Ну, что, видишь? – сказал дядюшка. – А здесь давление только одной атмосферы! Хотелось бы мне скорей сменить

барометр манометром!

Действительно, барометр становился нам ненужным, так как им можно измерять атмосферное давление только до поверхности океана.

– А вы не опасаетесь, что это постоянно увеличивающееся давление будет очень тяжело? – спросил я.

– Нет, нет! Мы ведь будем спускаться медленно, и наши легкие постепенно привыкнут вдыхать более сжатый воздух. Ты знаешь, что воздухоплаватели, которые поднимаются в высшие слои атмосферы, обходятся почти совсем без воздуха? У нас, напротив, воздуха будет чересчур много. Впрочем, лучше много, чем ничего. Ну, к делу! Жаль терять время даром. Где связка, которую мы сюда сбросили?

Тут я вспомнил, что мы накануне ввечеру очень долго искали эту связку.

– Ганс! где связка? – спросил дядюшка.

Ганс осмотрел своими зоркими глазами стенки трубы и ответил:

– Там!

Связка, действительно, зацепилась за выступ скалы на расстоянии сотни футов над нашими головами.

Ловкий исландец вскарабкался туда как кошка, схватил связку и скинул ее вниз.

– Теперь позавтракаем, – сказал дядюшка. – И помните, завтракайте поплотнее, как люди, которые сбираются в дальний путь.

Мы подкрепились сухарями и сушеным мясом и выпили по нескольку глотков воды с водкой.

После завтрака дядюшка достал из кармана записную книжку, взял нужные инструменты и отметил следующее:

Понедельник, 1-го июля.

Кронометр: 8 ч. 17 м. утра.

Барометр: 29 дюйм. 7 лин.

Термометр: 6°.

Направление ВЮВ.

Последняя отметка относилась к направлению темной галереи и была показана компасом.

– Теперь, Аксель, – вскричал профессор восторженно, – теперь мы вправду начнем спускаться во внутрь земли! Теперь начало славного путешествия!

С этими словами дядюшка схватил одной рукой прибор Румкорфа, другою привел в соприкосновение электрический ток с трубкою фонаря и довольно сильный свет озарил темную галерею.

Ганс нес другой прибор, который тоже был приведен в действие.

Это удачное применение электричества позволяло нам, даже среди легко воспламеняющихся газов, очень далеко идти при искусственном освещении.

– В путь! В путь! – крикнул дядюшка.

Каждый из нас взял свою ношу. Ганс, кроме того, взялся толкать перед собою пук веревок, лестниц и одежды.

Мы вступили в галерею.

В ту самую минуту, как мы двинулись в темный проход, я поднял голову и в последний раз увидал сквозь отверстие центральной трубы исландское небо, которое уже больше мне видеть не пришлось.

И так, мы вступили в галерею или в туннель.

Во время последнего извержения, в 1229 г. лава пробила себе путь через этот тунель и покрыла внутренность его густым и блестящим составом; электрический свет, отражаясь на ней, удесятерял свою силу.

Вся трудность пути заключалась в том, чтобы не слишком скоро скользить по плоскости, наклоненной под углом в 45 градусов. К счастью, беспрестанно встречались неровности и выпуклости, которые заменяли собой ступени.

Спускаться было легко. Багаж мы привязали на веревку и он катился себе отлично впереди нас.

По стенам галереи попадались сталактиты; в иных местах лава образовала маленькие, округленные, пузыри; кристаллы непрозрачного кварца, украшенные прозрачными камнями стекла висели, словно какие люстры, на своде и, казалось, вспыхивали при нашем приближении.

Я невольно вскрикнул:

– Великолепно! Дядюшка, поглядите-ка, что за прелесть! Поглядите, какия оттенки лавы, поглядите, как они незаметно переходят из темно-красного в ярко-желтый! Поглядите на кристаллы! Как светятся-то! Просто чудо!

– Ага, Аксель! Начинаешь наконец входить во вкус, дружище! – отвечал дядюшка. – Погоди, погоди, еще не то увидишь! Вперед, вперед!

Мы опять принялись скользить по скату. Это было что-то похожее на iacilis descensus Атена Вергилия.

Стрелка компаса, на которую я частенько поглядывал, постоянно показывала на юго-восток. Поток лавы ни мало не повертывал ни в ту, ни в другую сторону, а шел неуклонно по прямой линии.

Между тем теплота нисколько не увеличивалась, что сильно подтверждало теорию Деви. Я с изумлением взглядывал на термометр.

Спустя два часа после того, как мы двинулись в путь, он показывал всего 10°, то есть, возвысился, значит, всего на 4°!

Я из этого заключал, что мы спускаемся больше в горизонтальном, чем в вертикальном направлении.

Узнать пройденную глубину было легко. Дядюшка самым тщательным образом вымерял углы отклонения и наклонения пути: но не показывал мне своих вычислений.

Ввечеру, часов около восьми, дядюшка подал сигнал остановиться.

Ганс тотчас же сел.

Мы повесили лампы на выступах лавы и осмотрелись.

Мы находились в пещере, где не только не было недостатка в воздухе, но даже дул откуда-то ветерок.

Откуда?

Какое атмосферическое колебание производило этот поток воздуха?

Я задал себе этот вопрос, но не долго ломал себе над ним голову: мне было не до размышлений, потому что меня мучил голод и я выбился из сил. Нисхождение, продолжающееся семь часов кряду, хоть кого понадсадит.

Я очень обрадовался передышке.

Ганс разложил провизию на обломки лавы, и мы с большим аппетитом поели.

Одно меня тревожило: у нас оставался очень малый запас воды. Дядюшка рассчитывал на подземные источники, но таковых источников мы еще не встречали.

Я не утерпел и обратил его внимание на это невеселое обстоятельство.

– Ты удивляешься, что нет источников? – сказал почтенный профессор.

– Конечно, удивляюсь, дядюшка, и даже беспокоюсь! Ведь у нас воды всего дней на пять!

– Будь покоен, Аксель. Вода будет!

– Когда же будет?

– Когда мы выйдем из лавы. Как же ты хочешь, чтобы источники пробивались сквозь эти стены!

– Да, может этот проход тянется бог весть на какую глубину, дядюшка! Мне кажется, что мы немного прошли в вертикальном направлении.

– Это же почему тебе так кажется?

– Потому, что если бы мы спустились на значительную глубину, так теплота бы усилилась.

– По твоей теории, Аксель, по твоей теории, мой друг! А что показывает термометр?

– Едва 15°, что составляет увеличение всего на 9° от того времени, как мы начали спускаться.

– Ну, ну! Что ж дальше-то?

– По самым точным наблюдениям известно, что температура, по мере углубления внутрь земного шара повышается на каждые сто футов на один градус. При некоторых условиях местности, эта цифра, разумеется, может изменяться. Говорят, в Сибири, именно в Якутске, заметили, что температура возвышается на градус на глубину тридцати шести футов. В соседстве потухшего вулкана замечали, напротив, что температура возвышается только на каждые 125 футов глубины. Возьмем 125, как цифру наиболее достоверную и рассчитаем. Девяти раз 125 составляют 1,125 глубины, так ли?

– Так, так.

– Значит?

– По моим наблюдениям, мы значит, теперь достигли глубины 10,000 футов ниже уровня океана.

– Не может быть!

– Так есть. Цифры не лгут.

Вычисления профессора были верны. Мы уже прошли на целые 6,000 футов глубже самых глубоких рудников, таких, как например Китц-Бальские в Тироле и Вюртембергские в

Богемии.

По теории, которую я поддерживал, температура должна бы уже доходить здесь до 81°, а между тем, она доходила всего до 15°.

Я призадумался.

XIX

На другой день, во вторник, 2-го июля, в шесть часов, мы опять начали спускаться.

Мы все скользили по той же галерее из лавы.

Так продолжалось до 17 минут первого, когда Ганс вдруг остановился.

– А! – вскрикнул дядюшка, – мы дошли до конца галереи!

Я осмотрелся кругом. Мы стояли на перекрестке, а к этому перекрестку прилегали две дороги. Обе дороги были темные и узкие.

По которой идти?

Может, дядюшка и колебался, и смущался, но он этого не хотел обнаружить ни перед Гансом, ни передо мной и решительно указал нам на восточный туннель.

Мы вошли в него.

Впрочем, колебание тут ни к чему бы не повело, так как не было решительно никаких признаков, по которым бы хоть сколько-нибудь можно было предпочесть один проход другому.

Новая галерея отличалась почти нечувствительные склоном. Перед нами иногда развертывался целый ряд готических арок, а иногда мы принуждены были склонять головы под сводами, которые опирались на массивные столбы. В иных местах встречались низкие подземные постройки,

напоминающие работу бобров, и мы проползали как ужи сквозь эти узкие отверстия.

Температура была сносная, но я невольно подумывал, какова она была в то время, когда лава из Снеффельса лилась по этой самой дороге. Я воображал себе, как огненные потоки разбивались об углы этой галереи и каковы пары скоплялись в узких проходах.

– Смотри, вулкан, не вздумай же опять чудить! – думал я. – Потерпи, пока счастливая звезда выведет нас пять на божий свет!

Я, разумеется, не сообщал этих размышлений почтеннейшему дядюшке и профессору, потому что он бы их не понял. У него в голове засело одно: идти вперед и конец. Он шел, полз, скатывался, падал, и на лице его неизменно было написано все одно злополучное: вперед! вперед!

К шести часам вечера мы прошли два лье к югу. Но на глубину мы едва подвинулись на четверть мили.

Дядюшка подал сигнал остановиться. Мы поужинали без особых разговоров и улеглись спать.

Мы устроились на ночь очень просто: каждый завернулся в одеяло и был готов. Нам нечего было бояться здесь ни холода, ни какого-нибудь неприятного посещения. Путешественники, которые углубляются в африканские степи или в первобытные леса нового света, караулят друг дружку во время сна, но здесь совершенное одиночество и безопасность: ни дикари, ни хищные звери не могли нарушь нашего покоя.

На следующее утро мы чувствовали себя свежее и бодрее и опять отправились дальше.

Невозможно было отличить свойства пластов, в которых проходила галерея. Мне казалось, что она, вместо того, чтобы уходить внутрь земли, принимала совершенно горизонтальное направление. Я даже иногда подумывал, что она поднимается к поверхности земли.

К десяти часам утра я уже не сомневался в этом, последнем обстоятельстве. Мы словно всходили па гору, устал ужасно и остановился.

– Что ты, Аксель? вскрикнул дядюшка. – Чего ж, останавливаешься?

– Изморился, дядюшка!

– Что ты! Тебе это так кажется! Дорога превосходнейшая, идем всего три часа! Ведь это прогулка!

– Очень только утомительная прогулка!

– Утомительная, Аксель? Да, ведь мы идем все под гору!

– Извините, дядюшка: на гору!

– На гору? Полно городить чушь, Аксель! На гору!

И дядюшка пожал плечами.

– Разумеется, на гору, – продолжал я. – Уже с пол часа как мы все поднимаемся, и коли мы все пойдем этому направлению, так непременно выберемся на землю Исландии.

– Вздор какой мелешь!

– Как же вздор, дядюшка. Вы только…

Но дядюшка замотал головой, как будто отбивался от до-

кучной мухи и подал знак идти вперед.

Нечего было делать. Я пошел за Гансом, который следовал за дядюшкой.

– Ну, Аксель, – говорил я себе, – смотри, не отстань от них! Держи ухо востро, дружище: если ты потеряешь их из виду, так твое дело совсем скверное будет!

Меня то утешало, что этот трудный путь ведет на поверхность земли. Каждый шаг удостоверял меня в этом.

В полдень вид стен галереи изменился. Я это по тому заметил, что стены стали гораздо меньше отражать электрический свет.

Вместо лавы теперь показалась простая горно-каменная порода; пласты ее были расположены то наклонно, то вертикально. Мы, очевидно, находились среди переходной эпохи, в полном силурийском периоде.

– Дядюшка, – сказал я, – ведь очевидно, что водяные осадки образовали во вторую эпоху жизни земли все эти сланцы, известняки и песчаники. Мы удаляемся от гранитных масс и похожи на тех ганноверцев, которые, желая попасть в Любек, отправляются через Ганновер.

– Что ты пустяки говоришь!

– Да поглядите, поглядите!

И я указывал ему на разнообразные ряды известняков, песчаников и первые следы сланцевых пластов.

– Ну?

– Мы дошли до периода, во время которого показались

растения и первые животные.

– А! ты полагаешь?

– Да посмотрите вы хорошенько, – сами убедитесь!

Я заставил его осветить лампой стены галереи и ждал какого-нибудь выразительного возгласа с его стороны.

Но почтенный профессор не издал ни малейшего звука и отправился дальше.

Понял он меня или нет? Вероятно, понял, но из самолюбия ученого и дяди не хотел признаться передо мной в своем промахе.

Или он, может, хочет до конца исследовать этот восточный проход?

Было ясно, что мы уже оставили путь лавы и что эта дорога не приведет нас к очагу Снеффельса.

Я впрочем, и себе не совсем доверял. Точно ли мы проходили по каменным породам, лежащим на верху гранитных масс?

– Если так, – думал я, – то нам непременно попадутся хоть какие-нибудь остатки первобытных растений и дядюшка волей неволей должен будет сдаться. Поищем!

Я не сделал и сотни шагов, как уже моим глазам представились неотразимые доказательства.

Так и должно было быть, потому что в силурийскую эпоху в морях заключалось больше полторы тысячи растительных и животных пород.

Ноги мои, уже привыкшие к твердой почве лавы, вдруг

почувствовали под собой пыль, образовавшуюся из останков растений и раковин. На стенах галереи ясно обозначались отпечатки водорослей и плаунов.

Профессор Лиденброк не мог уже находиться в заблуждении; он, кажется, просто закрывал свои ученые глаза и все тем же шагом шел вперед.

Упрямство было вовсе не кстати и меня сильно возмущало.

Наконец я не выдержал. Я поднял отлично сохранившуюся раковину и показал ему.

– Дядюшка, – сказал я, – поглядите-ка!

– Что ж тут смотреть! – ответил дядюшка. – Это раковина ракообразного животного из исчезнувшего уже теперь порядка трилобитов.

– Но ведь из этого следует…

– Знаю, что следует. Отлично знаю. Мы оставили гранитные массы и путь лавы. Очень может быть, что я ошибся, но я в своей ошибке тогда только уверюсь, когда мы дойдем до конца галереи.

– Оно, конечно, дядюшка, вы лучше знаете, что делаете, но ведь нам угрожает опасность!

– Какая это опасность?

– Недостаток воды, дядюшка!

– Недостаток воды? Что ж, разделим запас воды на порции, Аксель! потерпим!

XX

И точно пришлось разделить воду и беречь ее, как зеницу ока. Нашего запаса могло еще хватить дня на три ни как не больше. Я заметил это еще во время ужина. К довершению бедствия, в этих переходных пластах надежда на живой источник была очень плоха.

Весь следующий день мы шли молча. Перед нами все развертывались нескончаемые арки галереи.

Дорога не поднималась, по крайней мере, не поднималась чувствительно. По временам мне даже казалось, будто она идет наклоном.

Но это не могло меня успокоить, потому что пласты не изменялись, и переходный период обнаруживался все больше и больше.

Электрический свет великолепно сверкал в сланцах, известняках и старых песчаниках. Мы находились в девонской формации, которая получила свое название от Девоншейра в Англии. Какие великолепные образчики мрамора покрывали стены! Одни были серого агатового цвета, причудливо изборожденные белыми жилами, другие – цвета яркого красного или желтого, с красными пятнами, дальше виднелись куски крапчатого мрамора темных цветов, перед которыми еще ярче выдавался известняк.

Большая часть этих мраморов носила на себе отпечаток

первобытных животных, но миротворение уже сделало шаг вперед и вместо первобытных трилобитов попадались остатки форм более совершенных. Попадались, между прочим, рыбы из породы ганоид и те остатки, в которых глаз палеонтолога мог открыть первичные формы пресмыкающегося.

Девонские моря были населены бесчисленным множеством животных этого рода, и они тысячами отложились на пластах новой формации.

Становилось как нельзя яснее, что мы поднимаемся по ступеням животной жизни, творившей из простых форм формы более сложные и законченной человеком.

Но профессор Лиденброк все-таки не хотел этого замечать.

Он ожидал одного из двух: или что под нашими ногами вдруг откроется вертикальный колодезь, по которому мы опять спустимся, или что какое-нибудь препятствие загородит путь.

Но наступил и вечер, а надежды профессора не оправдались.

Ночью меня начала терзать мучительная жажда.

В пятницу утром мы опять двинулись по извилинам галереи.

После десятичасовой ходьбы, я заметил, что отражение наших ламп на стенах как-то странно уменьшилось. Мрамор, сланец, известняк, песчаник начали сменяться темною массою без всякого блеска.

В одном, очень узком месте туннеля, я прислонился к стене и когда глянул на свою руку, то увидал, что она вся черная.

Я всмотрелся повнимательнее. Мы находились среди каменноугольной формации.

– Каменноугольная копь! – вскрикнул я.

– Копь без рудокопов! – ответил мне дядюшка.

– Кто знает!

– Я знаю! – ответил дядюшка отрывисто и резко, – Я головой ручаюсь, что эта галерея прорыта сквозь каменноугольные копи не рукою человека. Впрочем, дело это природы или нет, все равно. Пора ужинать.

Ганс приготовил ужин. Я немного съел и выпил несколько капель воды, приходившихся на мою долю.

Воды у нас оставалось всего полфляжки.

После ужина счастливые мои спутники растянулись на одеялах и преспокойно заснули, а я спать не мог и считал часы до самого рассвета.

В шесть часов утра в субботу, мы опять двинулись в путь.

Минут через двадцать мы достигли обширной пещеры, и я убедился, что человеческая рука не могла вырыть эту угольную копь. Вырой ее человек, он бы подпер ее своды, чтобы она не обвалилась, а тут ничего подобного не было и своды держались сами собою, словно каким чудом.

Пещера имела сто футов ширины и около полутораста вышины. Почва была страшно взрыта подземным сотрясени-

ем. Земная масса, уступив какому-то сильному толчку, раздалась и оставила эту громадную пустоту, куда впервые проникали земные обитатели.

На этих темных стенах можно было прочитать всю историю каменноугольного периода, и геолог легко бы проследил все его фазисы.

Угольные слои разделялись слоями плотного песчаника или глины и были словно сдавлены верхними слоями.

В период жизни земли, предшествовавший вторичной эпохе, земля покрылась громаднейшей растительностью под влиянием двух причин – действия тропическаго жара и постоянной влажности. Атмосфера, сильно насыщенная парами, окружала земной шар со всех сторон и не пропускала к нему солнечных лучей. В то время не было еще различия климатов, и сильный жар господствовал на всей земной поверхности, как у экватора, так и у полюсов.

Откуда брался этот жар?

Из внутренности земного шара.

Наперекор теории почтеннейшего профессора Лиденброка, в недрах сфероида скрывался страшный огонь и сила его чувствовалась во всех пластах земной коры. Растения, лишенные благодетельного солнечного света, не имели ни запаха, ни цвета, но корни их черпали могучую жизнь в почве первых дней.

Деревьев было мало; тогдашние растения принадлежали большею частью к низшему разряду тайнобрачных, папорот-

ников, лепидодендрон, цикадей, сигиллярий, остерофилитов.

Благодаря этой могучей растительности, и явился каменный уголь.

Земная кора тогда еще недостаточно окрепла, и внутренний огонь поднимал то одну ее часть, то другую. Отсюда произошли трещины и расселины. Растения, увлеченные под годы, осели и, мало-помалу, образовали то, что мы теперь называем каменным углем.

Так образовались эти огромные пласты угля, которых хватит еще на много веков, не взирая на то, что люди деятельно разрабатывают их и постоянно употребляют как превосходный горючий материал.

Так размышлял я, рассматривая богатства каменноугольных копей, скопленных в этой части темной массы. По всей вероятности их никогда не откроют. Разработка таких глубоких копей потребовала бы чересчур больших и пожертвований и жертв.

А мы, между тем, все подвигались вперед. Температура была все та же, что и в галерее из лавы и сланца. Только обоняние мое очень страдало от сильного запаха углеводородного газа. В этой галерее скопилось значительное количество того опасного газа, который рудокопы называют рудниковым, и взрыв которого уже причинил столько ужасных несчастий.

К счастью мы освещали себе путь не факелами, а прекрас-

ным снарядом Румкорфа и потому с этой стороны нам нечего было опасаться.

Мы до самого вечера пропутешествовали по каменноугольным копям. Дядюшка едва сдерживал свое нетерпенье. Темь была такова, что в двадцати шагах ничего не было видно. Я уже начинал думать, что галерея эта без конца, как вдруг – это случилось в шесть часов – перед нами воздвиглась стена.

Никакого прохода ни справа, ни слева, ни сверху, ни внизу!

Мы наконец дошли, значит, до конца.

– Что ж, отлично! – вскрикнул дядюшка. – Теперь я по крайней мере знаю, что мне делать! Мы шли не по той дороге, по которой шел Сакнуссем и надо возвращаться назад. Отдохнем, заснем, и в обратный! Через три дня мы опять будем на том самом месте, где дорога раздваивается.

– Да, будем, – ответил я, – если только у нас хватит сил!

– А почему ж это сил не хватит?

– Потому, что завтра у нас уж не будет воды!

– И мужества тоже не будет? – строго спросил профессор, глядя мне в глаза.

Я ничего не посмел ему ответить.

XXI

На следующее утро мы пустились в дорогу очень рано. Следовало торопиться. До перекрестка, где расходились дороги, было по крайней мере дней пять пути.

Я не стану описывать подробно наши мученья.

Дядюшка кипятился и выходил из себя, Ганс молчал и пребывал невозмутим, я приходил в отчаяние и горько жаловался.

Вся вода вышла к вечеру первого же дня пути. У нас, правда, оставалась еще водка, но она жгла мне горло, и я не мог даже смотреть на противную спиртную жидкость. Мне было душно; я падал от усталости. Несколько раз мне делалось дурно. Тогда дядюшка и Ганс останавливались и поддерживали меня, как могли.

Я видел, что и дядюшке приходится плохо.

Наконец, во вторник, 8 июля мы, полумертвые, ползком дотащились до перекрестка, где находились две галереи, и я свалился, как мешок.

Было десять часов утра.

Ганс и дядюшка прислонились к стене и пытались грызть остатки сухаря. Я стонал и скоро впал в какое– то забытье.

Спустя некоторое время, дядюшка подошел ко мне, приподнял меня на руках и прошептал:

– Бедняжка!

Я не был приучен к нежности суровым профессором и эти слова меня невыразимо растрогали. Я схватил его дрожащие руки. Он не вырывал их. На глазах у него были слезы.

Он взял фляжку, висевшую у него с боку, поднес ее к моим губам и тихо проговорил:

– Пей!

Я не верил своим ушам. Что делалось с дядюшкой? Я поглядел на него с изумлением.

– Пей! – повторил он.

И, подняв фляжку, опорожнил ее мне в рот.

О, что за наслаждение! Этот глоток воды оживил меня.

– Я берег для тебя! – сказал он. – Да, дитя мое, для тебя!

– Дядюшка! дядюшка! – проговорил я со слезами.

– Да, мое бедное дитя, я видел, что ты изнемогаешь и боялся за тебя.

– Спасибо, спасибо! – проговорил я.

Хотя жажду мою нельзя было утолить глотком воды, но я все-таки опомнился.

– Дядюшка, – проговорил я, – теперь остается одно: вернуться назад.

Дядюшка отвернулся.

– Надо вернуться, – продолжал я, – и отыскать дорогу к Снефельсу. Если бы только хватило у нас сид подняться до вершины кратера!

– Вернуться! – повторил дядюшка.

– Да, вернуться, не теряя ни единой минуты!

С минуту длилось молчание.

– Так эти капли воды не оживили тебя, Аксель? Не придали тебе энергии и бодрости? – спросил наконец дядюшка странным тоном.

– Бодрости, дядюшка?

– Ты отчаиваешься точно так же?

– Дядюшка, неужели вы все еще не хотите отказаться…

– Отказаться!? Никогда!

– Вы не хотите вернуться?

– Вернуться, когда все обещает успех!

– Так вы решаетесь идти прямо на гибель? Значит, нам остается только приготовиться…

– Нет, Аксель, нет! ты уходи. Я не хочу твоей гибели! Ганс тебя проводит.

– А вы?

– Я останусь.

– Бросить вас я…

– Полно, Аксель, полно! Я начал это путешествие и я доведу его до конца. Вернусь я или нет – это уж мое дело… А ты иди… Иди, Аксель, иди… Я тебя не удерживаю.

Дядюшка опять заговорил резко и раздражительно.

Что сделать? Как быть?

Оставить его одного мне было до смерти жалко, а с другой стороны чувство самосохранения тоже говорило довольно громко.

Ганс глядел на нас со своим обычным равнодушием. На-

ши жесты были довольно выразительны и, вероятно, он понимал, что мы спорили о том, какой путь избрать, но ему все пути, казалось, были равны.

Однако я попробовал привлечь его на свою сторону.

Я подошел к нему, взял его за руку и указал на дорогу к кратеру.

Он не шевельнулся.

Он, между тем, понимал меня, потому что вся фигура моя выражала жестокое страдание.

Я еще крепче сжал его руку.

Он покачал головою и, спокойно указав на дядю, проговорил:

– Master!

– Господин! – вскрикнул я. – Нет! ни один господин не имеет права на нашу жизнь! Надо его увести отсюда! Понимаешь ты это?

Я забыл все и тянул Ганса за руку.

– Полно, Аксель, полно! – вмешался дядюшка. – Ты понапрасну только кипятишься: ты от него ничего не добьешься. Послушай лучше, что я тебе предложу.

– Говорите!

– Недостаток воды ты считаешь единственным препятствием к осуществлению нашего предприятия, так ли: Эта галерея вся состоит из лав, сланцев и угольный пластов, поэтому мы здесь не нашли ни капли воды. Пойдем по западному туннелю, – там мы, статься может, будем счастливее.

Я только наклонил голову. Предложение это, разумеется, не могло меня утешить.

– Выслушай до конца, Аксель! – продолжал дядюшка, возвышая голос. – Пока ты лежал без чувств, я осматривал устройство этой галереи. Галерея эта углубляется во внутрь земного шара и всего в несколько часов непременно приведет нас к гранитной массе. Там мы встретим источники, в этом не может быть никакого сомнения. Да, мы встретим источники и источники обильные! Природа скал требует этого. Я предлагаю тебе, как Колумб предложил своему экипажу, дать только один день сроку. Если по прошествии этого дня, мы не встретим источника, я возвращаюсь на поверхность земли, клянусь тебе в этом.

Не взирая на все мое раздражение, эти слова меня тронули.

– Хорошо! – вскрикнул я. – Делайте, как знаете, как желаете! Да наградит судьба вашу нечеловеческую энергию! В путь!

XXII

Мы начали спускаться по новой галерее. Ганс шел, как всегда, впереди.

Едва мы сделали сотню шагов, дядюшка, приблизив лампу к стене, вскрикнул:

– Вот первозданная почва! Мы на отличной дороге! Вперед, вперед!

В первые дни существования мира, когда земля мало-помалу охладилась, уменьшение ее объема произвело в коре трещины, щели и рассеянны. Галерея, по которой мы пробирались, именно принадлежала к расселинам такого рода. Когда-то через нее выбрасывался расплавленный гранит и так избороздил своими волнами первобытную почву, что теперь образовался какой-то извилистый безвыходный лабиринт.

По мере того, как мы спускались, выказывались яснее ряды пластов, составлявших первичную формацию.

Геология принимает эту первичную почву за основание земной коры и признает, что она состоит из трех различных слоев, сланцев, гнейса и слюдяного сланца, лежащих на непоколебимой гранитной породе.

Никогда, вероятно, минералоги не находились в таких благоприятных условиях для изучения природы, как мы. Мы могли изучать на месте, видеть своими глазами, щупать своими руками то, что бурав, грубый и неразумный инструмент,

не может вынести на поверхность земли.

Между пластами сланца, окрашенного прекраснейшими зелеными цветами, извивались металлические жилы меди и марганца, виднелись бороздки платины и золота.

– Боже мой! – думал я, – сколько богатств зарыто в недрах земли. И никогда этими богатствами не воспользуются люди. Перевороты первых дней зарыли их на такую глубину, что ни бураву, ни заступу их не достать.

За сланцами следовали гнейсы слоевого строения; они были замечательны правильностью и параллельностью слоев. За гнейсами пошли слюдяные сланцы, расположенные большими пластами, которые бросались в глаза сверканьем белой слюды.

Свет наших ламп отражался в мелких гранях илистой массы и перекрещивал свои лучи под всеми углами. Мне чудилось, что я путешествую в пустом бриллианте, в котором лучи разбивались на тысячи сияний и отблесков.

К шести часам вечера, свет этот начал значительно ослабевать; стены приняли темный кристальный оттенок; слюда сливалась плотнее с полевым шпатом и кварцем, и образовала настоящую каменную породу, до такой степени твердую, что она выдерживает на себе четыре формации земного шара.

Мы находились в громадной гранитной темнице.

Было восемь часов вечера. Воды не осталось ни капли. Я страдал невыразимо. Дядюшка шел впереди. Он не хотел ни

на минуту останавливаться. Он все прислушивался; прислушивался, вероятно, к журчанью чаемого источника.

Но ничего не было слышно.

Ноги уже отказывались мне служить. Я перемогал себя, как только мог. Остановка привела бы дядюшку в отчаяние, потому что день, – последний день по уговору – уж приходил к концу.

Наконец силы меня совсем оставили. Я вскрикнул и упал.

Дядюшка воротился, стал около меня, посмотрел и проговорил глухим голосом:

– Все кончено!

Он сделал сильный жест.

Больше я ничего уже не видал и не слыхал. Я впал в беспамятство.

Сколько пролежал я в этом положении – не знаю. Когда я, наконец, пришел в себя, я увидал, что спутники мои лежали неподвижно, завернувшись в одеяла.

Спали они или нет?

Я не мог уснуть. Мученья мои все увеличивались. Я терзался мыслью, что уж некому и нечем мне помочь. Последние слова дядюшки раздавались у меня в ушах.

Да! «все кончено!» все кончено.

Да, никогда уж не выйти мне на поверхность земли! Нас отделяла от божьего света земная кора в полтора мили толщиною. Мне казалось, что эта масса придавливает меня всего своею тяжестью. Я силился повернуться, двинуться и не

мог.

Прошло несколько часов. Кругом царила мертвая, могильная тишина.

Я опять начал впадать в забытье.

Вдруг я услыхал шорох. В туннеле уж было ночи совсем темно. Я всмотрелся получше.

Ганс, с лампой в руке, уходил от нас.

Куда? Зачем? Хочет он нас тут покинуть? Дядюшка спал. Я хотел вскрикнуть, но у меня не было голосу.

Стало совсем темно и все опять стихло.

– Он нас хочет покинуть!

Но скоро подозренья мои исчезли. Ганс не бежал. Он не поднимался по галерее, а спускался вниз.

Это меня успокоило.

Но куда он пошел? Что заставило двинуться невозмутимого Ганса? Верно уж есть у него какая-нибудь важная на то причина. Может, он отправился на розыски? Может, услыхал какой шум, журчанье воды?

XXIII

Прошел целый час. Какой то был час!

Наконец, в глубине пропасти раздались шаги. Ганс возвращался. Слабый свет от лампы начинал скользить по стенам, и потом показался в отверстии галереи.

Ганс подошел к дядюшке, взял его рукой за плечи и разбудил.

Дядюшка поднялся.

– Что? – спросил он. Что тебе надо?

– Vatten, – ответил проводник.

Во время сильных страданий всякий язык, надо полагать, делается понятен. Я ни единого слова не знал по-датски, однако понял в чем дело.

– Вода! вода! – вскрикнул я.

Я просто обезумел от радости.

– Вода? – повторил дядюшка. – Где вода?

– Где? – спросил он по-исландски.

– Nedat! – отвечал Ганс.

– Внизу! – перевел дядюшка.

– Где? где?

Я схватил Ганса за руки, я тискал их…

А он глядел на меня со своим обычным спокойствием.

Сборы наши были не долги. Мы ринулись в темный проход.

Покатость этого прохода достигала до двух футов на каждую сажень.

Мы шли целый час, сделали около тысячи сажень и спустились, значит, на две тысячи футов.

Тут мы очень ясно различили звук, выходивший из стен гранитной массы, – звук, похожий на глухой шум, напоминающий отдаленные раскаты грома.

– Правда! правда! – вскрикивал дядюшка. – Это рев потока! Да, да! это поток!

– Поток! Неужто поток? – вскрикнул я.

– Разумеется. Ни малейшего сомнения. Вокруг нас течет подземная река!

Как оживила нас эта надежда!

Мы ускорили шаги. Я чувствовал, что усталость мою как рукой снимает. Самый этот шум уже освежал меня.

И шум постепенно усиливался. Сначала он все раздавался над нашими головами, а потом послышался за левою стеною.

Я пробовал рукой стены, нет ли где влажности, но влажности нигде не оказывалось.

Еще полчаса шли. Еще сделали полмили.

Ясно, что Ганс не мог в короткое свое отсутствие сходить так далеко, как мы теперь зашли.

Он, как «горный» житель, движим был только инстинктом и «почувствовал» поток в стенах, но не видал его и не утолил жажды.

Скоро мы совершенно убедились, что, продолжая идти

вперед, мы только удаляемся от потока. Шум воды стал заметно ослабевать.

Мы вернулись назад. Ганс остановился на том месте, где всего явственнее слышен был шум.

Я сел у стены и слушал, как бежала вода. Быстро-быстро она бежала! Но меня от нее отделяла гранитная стена!

Я уже не думал, не старался приискивать средств, я просто начал приходить в отчаяние.

Вдруг Ганс на меня глянул, и мне показалось, что на губах у него мелькнула улыбка.

Он взял лампу, подошел к стене, приложил к ней ухо и, медленно передвигаясь, стал прислушиваться.

Я понял, что он ищет места, где шум всего явственнее.

Наконец, он такое место нашел в левой боковой стене, на три фута от земли.

Господи! до чего замирало у меня сердце!

Я угадывал замысел Ганса, но не смел еще надеяться на успех.

Наконец, он взял свою кирку и стал долбить ею в стену.

– Мы спасены! спасены! – вскрикнул я!

– Да! да! – закричал дядюшка с восторгом, – Молодец Ганс! Молодец, молодец! Без него мы бы не догадались!

Да, как ни было просто это средство, а мы бы не догадались. Нет ничего опаснее как ударять заступом в этот остов земного шара. Мог вдруг сделаться обвал, который бы расплющил нас, как три вишни.

А что если поток прорвется и зальет, поглотит нас?

Разумеется, все это не шутка и забыть таких опасностей мы не могли.

Но все эти соображения не в силах были нас остановить: жажда до того терзала нас, что мы готовы были пробуравить и дно океана.

Принялся за дело Ганс. Я и дядюшка, мы были в таком волнении, что могли только довести до беды каким-нибудь неловким судорожным ударом.

Ганс, спокойный и хладнокровный как всегда, тщательно и осторожно проламывал отверстие, в полфута шириной.

Я слышал все увеличивающийся шум потока. Мне казалось уже, что я испытываю благотворное его действие, что свежая вода уже каплет на мои воспаленные губы.

Скоро кирка углубилась фута на два в гранитную стену. Работа уж длилась больше часу.

Я просто сходил с ума от нетерпенья.

Дядюшка уже решился употреблять сильные средства и схватил свою кирку, как вдруг раздался свист.

Струя воды вырвалась из отверстия и ударила в противоположную стену.

Ударила она так сильно, что Ганс почти опрокинулся и вскрикнул.

Я опустил руку в бьющую струю и понял причину его крика, – я тоже вскрикнул: источник был горячий.

– Вода в сто градусов! – вскрикнул я.

– Так что ж? – вскрикнул дядюшка, – она остынет!

Галерея наполнилась парами, образовался целый ручей и побежал по подземным извилинам.

Мы зачерпнули первый глоток воды.

Создатель! какое наслаждение!

Какая это вода? Откуда?

Мы не разбирали, нам было все равно.

Вода была еще тепла, но уже действовала оживляющим образом.

Я пил не отрываясь, не замечая вкуса.

Только насладившись вполне, я заметил, что вода железистая.

– Дядюшка! – вскрикнул я, – да это железистая вода!

– Для желудка это прелесть что такое! – ответил восторженно дядюшка, – Прелесть! В высшей степени насыщена железом! Вот бы куда ездить лечиться, а не в Спа и не в Теилиц!

– Ах, что за вода! – восхищался я. – Великолепная!

– Еще бы не великолепная! Разве может быть не великолепна вода, которая зачерпнута на глубине двух миль под землею? Знаешь, она вкусом несколько смахивает на чернила. Да, на чернила. Что ж? Чернильный вкус отличный! Ай да Ганс Бъелке! Какову штуку открыл! Надо назвать этот благодетельный источник его именем!

– Да, да! – вскрикнул я, – назовем его Гансбахом!

Ганс этим нисколько не возгордился. Утолив жажду, он

по-прежнему спокойно пристроился в уголке.

– Теперь надо быть поосмотрительней, – сказал я, – не терять этой воды.

– Это почему ж? – возразил дядюшка. – Я полагаю, что источник этот неиссякаем.

– Очень может быть, дядюшка, а все-таки не мешает наполнить мехи и фляжки, а затем попробуем замкнуть отверстие.

Мой совет был принят благосклонно. Ганс, с помощью гранитных обломков, попытался заложить пробитое в стене отверстие. Но это было не очень-то легко. Вода жгла руки и выбрасывала вложенные в отверстие, камни.

Напор был слишком силен и все наши старания оставались тщетными.

– Судя по силе потока, – сказал я, – начало его находится на большой высоте.

– Не подлежит сомнению, – ответил дядюшка. – Давление громадное. Но знаешь, мне пришла одна мысль…

– Какая?

– Послушай: зачем заделываем мы это отверстие?

– Да потому… потому…

Я не мог одного прибрать, почему именно.

– Ведь мы не уверены, что еще встретим источник, так или нет?

– Не уверены.

– Ну, в таком случае пусть эта вода течет себе с богом.

Она потечет вниз, а не вверх, следственно, послужит нам и путеводною нитью и станет освежать нас.

– Вы, дядюшка, придумали отлично! – вскрикнул я. – Отлично! Если только вода будет, так дело в шляпе! Нечего бояться неудач!

– А! наконец-то ты начинаешь верить!

– Верю! верю!

– Ну и прекрасно! А теперь отдохнем немножко.

Я совершенно забыл, что уже ночь: хронометр это показывал, однако, ясно.

Мы улеглись и скоро погрузились в крепкий сон.

XXIV

На другой день все предыдущие страдания были уже нами забыты.

Мы встали, позавтракали и напились славной железистой воды. Я чувствовал себя бодрым и весело готовился в дальнейший путь. Предложи мне в ту минуту кто-нибудь воротиться назад, отказаться от опасного путешествия, я бы с негодованием отвернулся от подобного предложения.

Но, разумеется, об этом не было и речи.

– Идем! идем! – кричал я, – идем вперед!

Эхо повторяло мои восторженные крики.

В четверг, в восемь часов утра мы пустились в путь.

Гранитная галерея изгибалась излучисто, представляла неожиданные повороты и походила на лабиринт. Впрочем, главное направление все-таки постоянно было к юго-востоку.

Дядюшка внимательно смотрел на компас.

Галерея уходила почти горизонтально, с наклонением дюйма в два на сажень, никак не больше. Ручей журчал под нашими ногами и бежал не шибко.

Я сравнивал этот ручей с благодетельным гением, ведущим нас по трудному пути.

Дядюшка, поклонник «вертикальных линий», проклинал горизонтальное наклонение галереи.

– Это только удлиняет путь! – вскрикивал он, – Это только удлиняет путь! Мы двигаемся не по радиусу, а по гипотенузе!

Но делать было нечего – выбора не было. Хорошо уж и то, что все-таки мы подвигались, а не стояли на месте.

Впрочем, время от времени наклонение усиливалось, ручей начинал пениться, и мы спускались быстрее.

Вообще в этот день, равно как и в следующий, мы много подвинулись по горизонтальному пути и мало по вертикальному.

В пятницу вечером, 12 июля, мы были, по нашему расчету, на тридцать миль к юго-востоку от Рейкиавика, на глубине двух с половиною миль.

Вдруг под нашими ногами открылся глубокий колодезь.

Дядюшка с радости захлопал в ладоши.

– Отлично! – вскрикнул он. – Отлично! Тетерь мы начнем спускаться на славу! Это превосходная лестница!

Ганс расположил веревки как следует, чтобы предупредить несчастье, и мы начали спускаться.

Этот колодезь образовался, вероятно, во время сжатия земной коры, в эпоху ее охлаждения.

– Если прежде им выходили вулканические извержения в Снефельс, – думал я, – то почему же они не оставили никакого следа?

Мы спускались по круглому, словно вырубленному рукою человека ходу.

Мы должны были останавливаться каждую четверть часа, чтобы дать отдых ногам. Мы усаживались на выступах, спускали ноги, разговаривали, ели и запивали еду из источника.

Само собой разумеется, что попав в колодезь, источник Гансбах превратился в водопад и потому воды стало меньше, но все-таки достаточно для утоления нашей жажды.

12 и 13 июля, следуя по извилинам колодца, мы проникли еще на две мили в земную кору, что вместе с прежними двумя слишком милями составляло уже около пяти миль ниже уровня моря.

Но 14-го, около полудня, колодезь принял вдруг юго-восточное направление, с более легким наклоном, около сорока пяти градусов.

Дорога сделалась гораздо удобнее и однообразнее.

Наконец, в среду, 15-го, мы были на глубине семи миль под землею и на расстоянии пятидесяти миль от Снеффельса.

Не взирая на утомление, здоровье наше было в отличном состоянии и нам ни разу не пришлось прибегать к дорожной аптеке.

Дядюшка каждый час записывал показания компаса, хронометра, манометра и термометра, и потому мог давать себе отчет в нашем положении очень легко.

– Знаешь, где мы? – сказал он мне.

– Где?

– По горизонтальному направлению мы в пятидесяти ми-

лях от Снеффельса!

– Неужто? – вскрикнул я. – Ах, боже мой!

– Что такое?

– Да мне пришло в голову, что если ваши вычисления верны, то мы уж не под Исландией!

– А!

– Ведь в этом можно убедиться! Вот я прикину ваши измерения на карте!

Я прикинул.

– Да, да! Мы уже прошли мыс Нортланд и теперь идем под открытым морем!

– Под открытым морем, под открытым морем! – повторял дядюшка, потирая руки.

– Дядюшка! океан над нашими головами!

– Разумеется, над нашими головами, Аксель, что ж тут удивительного, а? Разве нет в Нью-Кестле каменноугольных копей, которые простираются далеко под водою. Это очень просто, мой друг, и естественно!

Достопочтенный профессор Лиденброк мог считать наше положение «простым и естественным, но мысль, что мы прогуливаемся под массами воды, все-таки несколько меня тревожила.

Впрочем, стояли ли над нашими головами пустыни и горы Исландии или катились волны атлантического океана, в сущности это было для нас все равно, так как гранитная оболочка была тверда и прочна.

Я скоро привык к этой мысли и перестал беспокоиться. Колодезь, или проход, или провал, – назовите его как хотите, – шел то прямо, то извилисто, наклоны его были очень непостоянны. Но он все-таки направлялся к юго-востоку и быстро вел нас в глубину.

Спустя четыре для, в субботу, 18 июля, ввечеру, мы пришли к довольно обширной пещере.

Тут дядюшка отдал Гансу его еженедельную плату и решил, что завтрашний день будет днем отдыха.

XXV

В воскресенье я проснулся рано и не без удовольствия подумал о том, что целый этот день мы будем отдыхать, хотя бы то и на дне глубокой пропасти.

Я уже совершенно освоился с нашим подземным существованием и не думал ни о солнце, ни о звездах, ни о месяце, ни о деревьях, ни о домах, ни о городах, одним словом ни о чем, к чему так привык подлунный человек и что для него доставляет существенную необходимость. В качестве ископаемых мы пренебрегали всеми этими чудесами.

Пещера образовывала обширную залу, наш верный ручей спокойно протекал по ее гранитной почве. Вода теперь приобрела уже температуру окружающего воздуха и мы без всяких затруднений могли ее пить.

После завтрака, дядюшка возымел намерение посвятить несколько часов на то, чтобы привести в порядок свои ежедневные заметки.

– Прежде всего, – сказал он, – я сделаю выкладки, чтобы точно определить наше положение, а по возвращении на поверхность земли, я непременно издам карту нашего путешествия, которая будет изображать вертикальный разрез земного шара.

– Это будет очень интересно, дядюшка, только совершенно ли точны ваши заметки?

– Еще бы несовершенно точны! Я тщательно записывал все углы и наклонения и голову прозакладую, что не ошибся. Посмотрим-ка, где мы теперь. Возьми компас и скажи, куда показывает стрелка.

– Восток-юго-юго-восток, дядюшка!

– Отлично! Мы прошли восемьдесят пять миль от Снеффельса.

Говоря это, достопочтенный профессор проворно делал выкладки и записывал.

– Так мы путешествуем теперь под волнами Атлантического океана?

– Да, да, под волнами Атлантического океана, Аксель!

– И может быть, в эту самую минуту над нашими головами свирепствует буря, волны вздымаются и ураган опрокидывает корабли?

– Очень может быть, Аксель, очень может быть!

– И киты бьют хвостами о стены нашей тюрьмы, а?

– Пусть их себе бьют, Аксель: им не удастся даже поколебать ее. Однако, возвратимся к вычислениям. Мы достигли глубины шестнадцати миль.

– Шестнадцати миль!

– Да.

– Но ведь это крайняя граница, определенная наукою для толщины земной коры!

– Верно!

– И здесь, по закону увеличения температуры, должна бы

быть температура в тысячу пятьсот градусов!

– «Должна бы быть», мой друг!

– И весь этот гранит должен бы находиться в расплавленном виде!

– «Должен бы», мой друг, но ты видишь, что факты очень часто противоречат теориям.

– Приходится с этим согласиться, но я очень удивлен.

– Что показывает термометр?

– Двадцать семь градусов и шесть десятых.

– Ученые ошиблись, значит, на 1474 градуса 4/10! Значит увеличение температуры вместе с глубиною – ошибка. Значит Гомфри Деви не заблуждался. Значит, я поступал основательно, признавая его теорию! Ну, что ты на это скажешь!

– Ничего.

По правде то я мог бы еще много кое-чего сказать. Я не допускал ни в каком случае теорию Деви и верил в теорию центрального жара, хоть и не чувствовал его действия. Я только допускал, что мы находимся в жерле потухшего вулкана, в жерле, которое лава покрыла плотною и трудно плавящеюся массою, не пропускавшею высокой температуры сквозь стены.

Я не стал заводить по этому поводу спора с дядюшкой, но принял намерение побить его же собственными вычислениями.

– Дядюшка, я считаю ваши вычисления совершенно верными, – сказал я, – и потому позволю себе сделать из них

неизбежные выводы.

– Катай, дружище!

– На том месте, где мы теперь стоим, под широтой Исландии, земной радиус имеет около 1583 лье – так!

– 1583 1/4

– Для круглого счета положим 1600 лье. Значит из 1600 лье, которые нам предстоит пройти, мы прошли всего-навсего двенадцать, – так?

– Совершенно верно, мой друг.

– Для того чтобы пройти эти двенадцать лье по радиусу, мы должны были пройти восемьдесят пять в диагональном направлении, да?

– Да.

– Мы положили на это около двадцати дней?

– Да.

– Хорошо. Шестнадцать лье составляют сотую часть земного радиуса, следовательно, продолжая путешествовать таким образом, мы должны положить две тысячи дней или пять с половиною лет на то, чтобы добраться до земного центра!

Профессор ничего не ответил.

– Но если еще посчитать, что на вертикальную линию, шестнадцать лье приходится проходить по горизонтальной семьдесят, то это составит восемь тысяч лье к юго-востоку и мы, таким образом, скорее очутимся на какой-нибудь точке окружности, чем достигнем центра.

– Убирайся к черту с этими вычислениями! – вскрикнул дядюшка. – На чем они основаны? Ну, говори, на чем! Кто тебе сказал, что этот проход не ведет нас точнехонько к цели? Кто? Ну, говори же! То, что я теперь делаю, ведь уже было сделано другим, так или нет? И если это другому удалось, так почему ж мне не удастся?

– Разумеется, дядюшка, однако все-таки позволительно…

– Позволительно замолчать тебе, если ты хочешь рассуждать таким образом!

Я понял, что дальше вести разговор бесполезно и замолчал.

После нескольких минут безмолвия, дядюшка сказал:

– Посмотри, что показывает манометр.

– Показывает значительное давление.

– Хорошо. Видишь ты теперь, что, спускаясь понемногу, понемногу привыкая к плотности этой атмосферы, мы нисколько не страдаем, – видишь? понимаешь?

– Да, страданий нет, только вот маленькая боль в ушах.

– Это пустяки! И если ты хочешь, чтобы не было этой боли, так ты дыши почаще, т. е. приводи быстрей в сообщение наружный воздух с воздухом, заключенным в легких.

– Хорошо, – ответил я, решившись больше не раздражать почтенного профессора противоречиями. – А знаете что? Даже ощущаешь какое-то особое удовольствие в этой плотной атмосфере! Вы заметили, с какою силою здесь распространяется звук?

– Разумеется, заметил! Здесь и глухой стал бы слышать отлично!

– Но ведь эта плотность еще без сомнения увеличится.

– Да, увеличится, если верить закону, – закону еще во всяком случае очень мало исследованному.

– А скажите, этот воздух не достигнет наконец плотности воды?

– Под давлением 710 атмосфер достигнет.

– А ниже?

– Ниже плотность еще увеличится.

– Как же мы будем тогда спускаться?

– Как? насыплем в карманы камешков да и спустимся.

– Ну, дядюшка! у вас на все ответ готов!

Я не посмел пускаться в дальнейшие рассуждения, чтоб не раздражить и без того сильно возбужденного профессора.

Однако было очевидно, что воздух, под давлением нескольких тысяч атмосфер, перешел бы наконец в твердое состояние и тогда, допустив даже, что наши уши это вынесут, все-таки нам придется остановиться.

Но я ничего не сказал об этом дядюшке. К чему? Он бы ответил мне своей вечной ссылкой на Сакнуссема.

Я считал путешествие этого Сакнуссема вздором. Даже допуская, что ученый исландец действительно совершил это путешествие, можно было возразить, что в XVI веке не были еще изобретены ни манометр, ни барометр, следственно, почем же Сакнусем мог убедиться, что он точно достиг цен-

тра земли?

Я оставил это возражение про запас.

Остаток этого дня мы провели в вычислениях и в разговорах.

Я выдержал себя и не противоречил дядюшке.

Время от времени я поглядывал на Ганса Бъелке и думал:

– Вот завидное хладнокровие и невозмутимость! Идет себе, куда ни ведут его, и совершенно безмятежен!

XXVI

Надо признаться, что до сих пор все нам преблагополучно сходило с рук и, собственно, серьезно жаловаться мне было не на что.

Я и не жаловался, я даже иногда подумывал, что если дела и дальше так пойдут, то мы, пожалуй, доберемся до пресловутого центра земли.

То-то славы тогда!

В продолжение нескольких дней мы все спускались по довольно крутому наклону. Иногда этот наклон становился страшно вертикальным. Мы ушли далеко в глубину земли. В иные дни мы, пройдя мили две, приближались на полторы мили к центру.

Спуски бывали очень опасные и тут нам очень помогали хладнокровие и ловкость Ганса. Бесстрастный исландец жертвовал сотню раз своей жизнью с непередаваемой простотой. Благодаря ему, мы благополучно выбрались из таких опасностей, из которых бы без него ни как не могли выйти.

Молчаливость Ганса увеличивалась с каждым днем и мало-помалу сообщалась и нам.

Внешние предметы положительно имеют влияние на мозг. Человек, который запирается в четырех стенах, кончает тем, что теряет способность связывать мысли и слова. Сколько людей, осужденных на одиночное заключение, оду-

рели, отупели, а то и совсем помешались вследствие недостатка упражнения мыслительной способности.

Прошло две недели после последнего вышеприведенного разговора. В эти две недели ничего особенного с нами не случилось.

В памяти у меня сохранилось только одно, чрезвычайно важное, происшествие.

7 августа мы были на глубине тридцати миль, другими словами, над нашими головами лежало тридцать миль каменных пород, океана, материка, городов. От Исландии мы уже удалились миль на двести.

В этот день туннель шел по малонаклонной плоскости.

Я шел впереди. Дядюшка нес один прибор Румкорфа, я другой. Я шел и спокойно разглядывал гранитные массы.

Вдруг обертываюсь и вижу, что я один.

– Эка я разбежался как! – подумал я. Или дядюшка и Ганс приостановились? Надо вернуться к ним. К счастью, дорога не круто поднимается.

Я воротился назад. Иду. Иду четверть часа, смотрю, – никого нет! Я окликнул. Нет ответа. Голос мой теряется среди эха пещер.

Меня подрал морозец по коже.

– Трусить нечего! – сказал я громко. – Я их отыщу! Ведь здесь только одна дорога, а не десять, значит заблудиться невозможно.

Я шел еще полчаса. Я прислушивался, не зовет ли кто, –

ничего, никого!

Необыкновенная, ужасная тишина царствовала в подземной галерее.

Я остановился. Я не хотел верить своему одиночеству. Я допускал, что можно заблудиться, но потеряться – нет, нет! потеряться нельзя!

Если я заблудился, думал я, то могу отыскать дорогу. Ведь дорога всего одна здесь. Ведь они непременно пойдут по этой самой дороге! Значит, надо только догнать их. Надо идти назад. Может, они приостановились и ждут меня? Или уже ушли далеко вперед? Так надо торопиться, и я их догоню.

Я пошел опять вперед, но скоро остановился. Мысли как-то совсем у меня были в разброде. То мне казалось, что следует повернуть назад, то спешить вперед.

Сомнение меня жестоко мучило.

Точно ли я шел впереди дядюшки и Ганса?

Конечно шел впереди, за мной шел Ганс, а за Гансом дядюшка. Ганс даже останавливался на несколько минут, чтобы поправить багаж, – я это очень хорошо помнил. Именно в эту-то минуту они должно быть и отстали от меня.

– Впрочем, – думал я, – ведь у меня есть путеводная нить, которая выведет меня из этого лабиринта и которая порваться не может. Нить эта – наш благодетельный ручей. Следует только идти вверх по течению и я всенепременно найду товарищей.

Я наклонился, чтобы освежить пылающее лицо водою.

Каково же было мое изумление и ужас, когда лицо мое припало к сухому, шероховатому грунту!

Ручья не было! ручей исчез!

XXVII

Описывать свое отчаяние я не стану. Никакие слова не могли бы передать того, что я в ту минуту испытывал.

Я был заживо погребен. Мне предстояла мучительная смерть от голода и жажды.

Но как я потерял ручей?

Мне стало понятна страшная тишина, которая поразила меня, когда я прислушивался, не зовет ли меня кто из товарищей. Когда я пошел по этой дороге, я забыл про ручей. Вероятно, галерея незаметно раздвоилась, Гансбах побежал по другому скату и скрылся вместе с моими спутниками.

Я мог бы возвратиться назад. Но как возвратишься? На граните не осталось следов.

Я ломал себе голову, придумывая, как бы разрешить эту задачу.

Погиб! погиб!

Да, погиб на неизмеримой глубине. Какой страшной тяжестью давили меня эти тридцать миль земной коры!

Я попытался думать о тех, кто был мне всего на свете дороже, но мысли как-то путались, представления были не ясные. Гамбург, дом на Королевской улице, моя бедная Гретхен, весь этот мир, под которым я заблудился, промелькнул в моем расстроенном воображении, как молния. Я как в бреду видел все подробности нашего путешествия: море, Ислан-

дию, г. Фридриксона, Снеффельс.

Потом я сказал себе, что в моем положении питать себя какими-либо надеждами на спасение – безумно и лучше сразу прямо сказать себе: все для тебя кончено.

Какая человеческая сила могла теперь раздвинуть эти громадные своды, скрепленные надо мною так плотно, и возвратить меня на поверхность земного шара? Кто мог указать мне настоящую дорогу и свести меня с моими спутниками?

– О, дядюшка! – вскрикнул я в отчаянии.

Это был единственный упрек, который у меня вырвался. Я понимал, как должен был страдать в эти минуты и сам бедный профессор.

Я упал на колени и зарыдал.

Слезы несколько облегчили меня и успокоили.

У меня припасов было еще дня на три, фляжка была полна водою.

Что теперь делать? Оставаться на одном месте я не мог: одиночество невыносимо гнело меня.

Но куда ж идти: вверх или вниз? Спускаться или подниматься?

Конечно вверх! Все вверх!

Надо было опять дойти до того места, где я потерял источник, где встретил погубившее меня разветвление галереи. Если только я найду ручей, то я могу добраться до вершины Снефельса. Да, могу!

Как же это прежде не пришло мне в голову? Ясно, что есть

еще средство к спасению. Надо только отыскать ручей и я спасен!

Надежда эта оживила меня. Я встал и, опираясь на палку с железным наконечником, побрел вверх по галерее.

Подъем был довольно крутой, но я шел бодро и смело.

Я шел так с полчаса. Ничто меня не останавливало по пути. Я пытался узнавать пройденную дорогу по форме туннеля, по выступам скал, по расположению извилин. Но ни единая особенность не бросалась мне в глаза. Скоро я увидал, что галерея эта без выхода. Я ударился о крепкую стену и упал на каменный пол.

Никогда я не буду в силах изобразить тогдашнего моего отчаяния и ужаса. Я был совершенно уничтожен. Последняя моя надежда разбилась об эту гранитную стену.

Нечего было искать, некуда было идти! Извилины подземного лабиринта перекрещивались по всем направлениям – где ж тут найти какой-нибудь выход? Оставалось одно – оставалось умереть самою ужасною смертью!

И – странное дело! вдруг мне пришло в голову, что если когда-нибудь будет найдено мое ископаемое тело, то эта находка, на глубине тридцати лье под землею, возбудит прежаркие споры между учеными и подаст повод к самым удивительным выводам.

Я хотел крикнуть, пытался громко заговорить, но из моих высохших губ выходили какие-то глухие звуки. Я задыхался.

Ко всем этим мучениям прибавилось новое. Вместе со

мною упала лампа, испортилась, и я не мог поправить ее. Ее свет делался все бледнее и бледнее, – она погасала.

На потемневших стенах замелькал ряд движущихся теней. Я не смел моргнуть, я боялся потерять малейшую искру исчезавшего света.

А свет с каждым мгновением угасал. Темнота начинала окружать меня.

Вот задрожал и последний луч в лампе. Я следил за ним, я пожирал его взором, я сосредоточил на нем всю силу зрения, и вдруг погружен был в совершенный мрак.

У меня вырвался страшный крик. На земле, даже в самые темные ночи, свет не исчезает совершенно; он бывает слаб, ничтожен, но как ни мало его остается, сетчатая оболочка глаза все же таки его ощущает. А здесь! Здесь и признака света не было. Как я ни напрягал свое зрение-все напрасно: мрак был полный, совершенно ничего не было видно. Я ослеп, ослеп во всем значении этого слова!

Тогда я потерялся. Я протянул руки вперед, поднялся, ощупал стены и вдруг бросился, как безумный бежать.

Меня словно подталкивала какая-то сила. Без всякой мысли, так наудачу, я шагал в безвыходном лабиринте, спускался все вниз, кричал, выл, до крови ударялся о выступы скал, падал, поднимался весь в крови, глотал эту кровь и каждую минуту ожидал, что вот-вот встречу каменную стену, о которую в дребезги разлетится моя голова.

Наконец, совершенно истощенный, я упал и без чувств

растянулся на каменной плите.

XXVIII

Когда я очнулся, то почувствовал, что лицо мое мокро от слез. Сколько времени пролежал я в обмороке, не знаю.

Я чувствовал большую слабость от потери крови. А как я жалел тогда, что не умер, что смерть еще предстояла впереди!

Я не хотел ни о чем думать и обессиленный лег у стены.

Я чувствовал приближение нового обморока, как вдруг сильный шум поразил мой слух. Шум этот походил на продолжительные раскаты грома, звучные его волны мало-помалу терялись в глубине далекой пропасти.

Откуда этот шум? Вероятно, его производит какое-нибудь явление, совершающееся внутри земной массы. Может быть это взрыв газа, или падение какого-нибудь земного пласта.

Я все прислушивался, повторится ли этот шум или нет. Прошло четверть часа. Тишина царствовала в галерее. Я слышал биение своего сердца.

Вдруг мое ухо, которое я случайно приложил с стене, уловило неясные далекие слова. Я вздрогнул.

Это обман воображенья! подумал я.

Но нет! Я действительно слышал голоса! Слабость не позволяла мне различать, что говорилось, однако я был совершенно убежден, что где-то говорили. На одно мгновение у меня промелькнула мысль – не мои ли это собственные сло-

ва, повторяемые эхом. Может быть, я кричал, сам того не подозревая.

Я крепко сжал губы и снова приложил ухо к стене.

Да! говорят, говорят!

Я прополз немного дальше и стал слышать еще яснее. Мне даже удалось схватить какие-то неясные странные слова. Слова эти произнесены были тихим голосом с выражением грусти. Слово «forlorad» было повторено несколько раз.

Что означало это слово? Кто произносил его?

Разумеется, или дядя, или Ганс!

Но если я их слышу, то значит и они могут меня услыхать!

– Сюда, сюда! – закричал я. – Ко мне, ко мне!

И я слушал, я ловил ответный крик, хотя вздох!

Ничего не было слышно.

Прошло несколько минут. Я дрожал от страха, что мой ослабевший голос не долетал до них.

– Это они! – повторял я. – Это непременно они! Какие же другие люди могут быть здесь на глубине тридцати миль под землею!

Я снова стал прислушиваться. Я прикладывал ухо, то в одном, то в другом месте и попал наконец на такую точку, где голоса раздавались явственнее. Слово «forlorad» опять мне послышалось, а вслед за ним совершенно такой же раскат грома, какой вывел меня из оцепенения.

– Нет, сказал я, нет! Эти голоса проходят не через массивную гранитную стену, – такая стена не пропустила бы и

самого сильного звука – голоса раздаются из самой галереи! Тут должно быть совершается какое-то особенное акустическое явление.

Я опять насторожил уши и убедился – да, вполне убедился, что произносится мое имя!

Его произносил дядюшка. Он разговаривал с проводником и слово «forlorad» было датское.

Я все понял! Для того, чтобы слова мои могли достигать их слуха, надо было произносить их вдоль стены, которая проведет мой голос подобно тому, как железная проволока проводит электричество.

Времени терять было нельзя. Стоило моим спутникам удалиться всего на несколько шагов и акустическое явление могло исчезнуть.

Я подошел к стене и произнес, как мог отчетливее:

– Дядюшка Лиденброк!

И стал ждать ответа.

И как я его ждал!

Звук распространяется не с особенною скоростью.

Большая плотность воздуха не увеличивает скорости звука, а только придает ему большую силу. Прошло несколько секунд, показавшихся мне целыми веками. Наконец следующие слова достигли моего слуха:

– Аксель! Аксель! Это ты?

– Да, да! отвечал я.

– Бедное мое дитя, где ты!

– Заблудился… в страшной темноте!

– Где ж твоя лампа?

– Погасла.

– А ручей?

– Исчез.

– Не отчаивайся, Аксель!

– Погодите немного! Я изнемог, не могу больше говорить? Говорите вы!

– Ободрись! Не говори, а только слушай. Мы тебя искали и вверху, и внизу галереи. Наконец мне пришло в голову стрелять из пистолета. Мы обязаны чисто акустическому явлению, что голоса наши слышны. Не унывай, Аксель! хоть мы и не можем подать друг другу руки, но мы друг друга слышим! Не унывай!

Надежда ко мне возвращалась. Я прижался к стене и сказал:

– Дядюшка!

– Что? – послышалось через некоторое время.

– Надо сначала узнать, как велико расстояние, которое разделяет нас.

– Это очень легко сделать.

– Хронометр с вами?

– Да.

– Так возьмите его. Кликните меня и заметьте точно секунду, в которую произнесете мое имя. Я повторю его, когда услышу, и вы также точно заметите секунду, в которую мой

ответ дойдет до вас.

– Хорошо. Значит половина времени, которое пройдет между моим вопросом и твоим ответом покажет время, какое необходимо звуку для того, чтобы дойти до тебя.

– Да, дядюшка, да!

– Готов ты?

– Готов.

– Ну, слушай, я сейчас тебя окликну.

Я приложил ухо к стене и, как только слово Аксель постигло моего слуха, я немедленно повторил его и стал ждать.

– Сорока, секунд! – сказал дядя. Сорок секунд прошло между двумя словами, следовательно, звук доходит до тебя в двадцать секунд. А считая, что звук в каждую секунду пробегает тысячу двадцать футов, получим двадцать тысячъ четыреста футов, или немного более полутора лье.

– Полтора лье! – проговорил я.

– Что ж, Аксель! Полтора лье можно пройти.

– Но как идти, вверх или вниз?

– Непременно спускаться, Аксель. Мы подошли к обширному пространству, к которому прилегает множество галерей. Та галерея, по которой ты заблудился, неизбежно приведет тебя сюда же, потому что все эти рассеянны и трещины земного шара, кажется, расположены лучеобразно вокруг громадной пещеры, в которой мы теперь находимся. Вставай же и пускайся в путь! Иди, ползи, если надо, скользи по крутым скатам… Мы будем ждать тебя… Иди, дитя мое, иди!

Эти слова меня оживили.

Я вскрикнул:

– Прощайте, дядюшка! Я иду. Мы уж не будем слышать друг друга, когда я оставлю это место. Прощайте!

– До свиданья, Аксель, до свиданья!

Этими словами окончился наш разговор, – странный разговор, в продолжение которого мы могли слышать друг друга, хоть и были удалены один от другого на полторы мили.

Это удивительное акустическое явление объяснялось очень просто физическими законами: оно зависело от формы галереи и от проводимости каменной породы. Есть не мало примеров такого распространения звуков, слышных только в известных местах. Подобное явление замечено, между прочим, во внутренней галереи собора Св. Павла в Лондоне и особенно среди любопытных Сицилийских пещер, находящихся близ Сиракуз. Самая чудесная из этих пещер известна под именем Дионисьева уха. Когда все это пришло мне на ум, я сообразил, что, следуя по пути звука, я непременно дойду до товарищей, если только силы мне не изменят. Я встал и пошел, или точнее говоря, потащился.

Скат становился все круче и круче. Я скользил с необычайною быстротою. Я не имел сил остановиться.

Вдруг почва исчезла у меня под ногами. Я чувствовал, что лечу, ударяясь о выступы вертикальной галереи, или вернее, настоящего колодца. Я ударился головою об острый утес и лишился чувств.

XXIX

Я очнулся. Кругом царствовал полумрак.

Я лежал на толстых одеялах, а дядюшка сидел возле меня. Когда я открыл глаза, он радостно вскрикнул:

– Он жив! Он жив!

– Да, – проговорил я, – да, я жив.

– Милое мое дитя, – сказал дядюшка, и прижал меня к своей груди. – Теперь ты спасен!

Эти слова, эта нежная заботливость совсем меня растрогали.

В это время вошел Ганс, увидал, что я очнулся и в глазах его, смею сказать, выразилось большое удовольствие.

– God dag, – сказал он.

– Здравствуйте, здравствуйте, – проговорил я. – Дядюшка, скажите ж, где мы теперь?

– Завтра, скажу Аксель, завтра. Ты еще слишком слаб сегодня. Не сдергивай компрессов! Усни, усни теперь! Завтра узнаешь все!

– Да вы хоть скажите, который теперь час и какой день сегодня?

– Одиннадцать часов вечера, воскресенье, 9 августа. Ну баста! Раньше 10 числа не изволь ни о чем расспрашивать!

Я действительно был очень слаб, и глаза мои невольно смыкались. Мне необходимо надо было успокоиться.

На другой день, пробудясь, я осмотрелся кругом. Ложе мое, устроенное из всех дорожных одеял, помещаюсь в прелестном гроте, украшенном великолепными сталактитами, а пол был усыпан мелким, блестящим песком. В гроте царствовал полумрак. Не было зажжено ни факела, ни лампы, а между тем какой-то необъяснимый свет проникал из вне сквозь узкое отверстие пещеры. Я слышал тоже какое-то неопределенное, глухое журчание. Это журчание походило на шум волн, разбивающихся о песчаный берег. Я даже чувствовал, время от времени, дуновение ветерка. Я спрашивал себя:

– Что это? Я проснулся или сон вижу? Не чудится ли моему, поврежденному во время падения, мозгу, этот странный шум?

Однако зрение и слух не могут обманываться так сильно.

– Это солнечный луч! – Думал я. Это он скользит сквозь щель скалы! Вот и ропот волн! Вот дуновение морского ветерка! Неужто я не ошибаюсь? Господи! Неужто вы вернулись на поверхность земли? Значит дядюшка отказался от экспедиции? Или может, он ее благополучно свершил?

Я еще задавал себе эти вопросы, когда вошел дядюшка.

– Здравствуй, Аксель! – сказал он весело. – Бьюсь об заклад, что ты отлично себя чувствуешь!

– Да, дядюшка, – отвечал я, – да.

С этими словами я приподнялся на постели.

– Так оно и следует, потому что ты спал спокойно. Мы с

Гансом поочередно сидели у твоей постели и своими глазами видели, как ты выздоравливаешь.

– Да, я чувствую себя очень хорошо. Как я есть хочу! Вы ведь дадите мне что-нибудь закусить?

– Дадим, дадим, дружище. Лихорадки уже нет. Ганс лечил твои раны какою-то исландскою мазью, и их отлично затянуло. Теперь ты молодцом!

Говоря это, дядюшка проворно приготовил мне поесть и подал.

– Только ты будь повоздержаннее, Аксель, – сказал он.

Но я не мог следовать его мудрому совету и с жадностью пожирал поданную еду.

В то же время я забрасывал дядюшку вопросами.

Я узнал от него, что мне посчастливилось слететь к самому краю перпендикулярной галереи, вместе с грудой камней. Я упал на руки почтенному профессору, весь в крови и без малейшего признака жизни.

– Не понимаю, как ты не разбился вдребезги, – говорил дядюшка. – Теперь уж ты, пожалуйста, не беги вперед и не отставай, а то еще стрясется такая беда, что и подумать скверно! Уж теперь не надо разлучаться.

– Не надо разлучаться? Так значит наше путешествие еще не кончено?

И я вытаращил глаза на дядюшку.

– Что ты, Аксель? Что с тобой?

– Дядюшка, я хочу вас спросить!

– Спрашивай.

– Вы говорите, что я цел? что я здрав и невредим?

– Да.

– Члены у меня не повреждены?

– Нет.

– И голова не повреждена?

– Нет. За исключением нескольких ушибов, она находится совершенно в нормальном положении.

– Ну, так значит мой мозг поврежден!

– Мозг поврежден?

– Да! Разве мы не воротились на поверхность земли?

– Разумеется, нет!

– Что же значит этот дневной свет, этот шум волн? Я с ума сошел, что ли?

– Это-то тебя смущает?

– Да, это, это! Объясните мне, Бога ради…

– Я не могу тебе объяснить, потому что это необъяснимо. Но ты увидишь и поймешь, что геология знает еще очень, очень мало!

– Выйдем из грота, поглядим, – сказал я, быстро вставая. – Я хочу поглядеть…

– Нет, Аксель, нет! свежий воздух может повредить тебе!

– Свежий воздух?

– Да, ветер довольно силен. Рисковать не следует.

– Да ведь я совершенно здоров!

– Терпенье, дружище, терпенье! Если ты опять захвора-

ешь, так ведь это нас поставит черт знает, в какое затруднительное положение! Нам теперь время очень дорого, потому что плаванье будет долгое.

– Плаванье!?

– Да, плаванье. Сегодня отдохни, а завтра мы и поплывем.

– Поплывем?

Это «поплывем» заставило меня подпрыгнуть от удивления.

Что ж это, разве в самом деле внутри земли есть река, озеро или море к нашим услугам? Приготовлены лодки и корабли? Любопытство мое было возбуждено до последней крайности. Дядюшка напрасно старался меня удержать; наконец, увидав, что нетерпение может принести больше вреда, чем удовлетворение желания, он уступил. Я схватил одеяло, завернулся в него, и вышел из пещеры.

XXX

В первую минуту я ничего не видал.

Глаза мои, отвыкнувшие от света, быстро сомкнулись. Когда же наконец я открыл их, я был совершенно поражен представившимся зрелищем.

– Море? – вскрикнул я.

– Да, да море! – отвечал с восторгом дядюшка. – Море Лиденброк! Я льщу себя надеждой, что ни один мореплаватель не станет оспаривать у меня чести этого открытия и права назвать его моим именем!

Перед моими глазами блестела поверхность вод, начало озера или океана. Глубоко вогнутый был берег усеян мельчайшим, золотистым песком и маленькими раковинками, в которых когда-то жили первые создания мира.

Волны со звучным шумом разбивались о берег; дуновением тихого ветерка уносилась легкая, белая пена; несколько брызг попали мне в лицо.

В иных местах п берегу возвышались скалы, утесы и даже целые горы. Эти горы, то отступая от берега, то выдвигаясь вперед, острыми ребрами образовывали мысы и островки, разъеденные по краям бурунами.

Далее, на туманном фоне горизонта, глазам представлялась ясно очерченная масса всех этих гор и скал.

Да, перед нами был настоящий океан со всеми причуд-

ливыми береговыми очертаниями, но океан пустынный и страшно дикий. Благодаря совершенно особенному свету, озарявшему мельчайшие подробности картины, я мог далеко видеть. То не был свет солнца с блестящими, великолепными лучами; не бледный, мягкий и тихий свет месяца освещал это громадное водное пространство. Нет! Какое-то особенное, дрожащее сверкание этого света, ясная и сухая его белизна, незначительное возвышение температуры, блеск, далеко превосходящий свет месяца, – все это доказывало чисто электрическое происхождение. Свет этот походил на северное сияние.

Над головой моей висел свод, – небо, если хотите. Свод этот покрыт был большими облаками, двигающимися и изменяющимися, парами, которые, сильно сгустившись, должны были превращаться в дождевые потоки.

Я думал, что под таким сильным давлением температуры испарение воды невозможно, однако же, вследствие какого-то неизвестного мне физического закона, в воздухе носились облака.

Но «погода» была прекрасная. На очень высоких облаках электрические слои производили удивительную игру света. На их нижних клубах рисовались живые тени, и часто, в промежутке между двумя разорванными облаками прорывался луч, доходивший до нас с изумительною силою.

Но луч этот не был луч животворного солнца. Он был холоден и грустно на меня действовал. Я чувствовал, что вме-

сто звездного небосклона, сияющего и сверкающего, за этими облаками скрывается гранитный свод.

Этот гранитный свод давил меня своей тяжестью. Всего этого пространства, как громадно оно ни было, недостаточно было бы для обращения даже самого незначительного небесного светила.

Мне вспомнилась теория одного английского капитана, который уподоблял землю обширному пустому шару, внутри которого воздух светится вследствие давления земной коры, а два светила, Плутон и Прозерпина, описывают в этом пустом пространстве свои таинственные орбиты.

Уж не прав ли капитан? Мы были заключены в какой-то громадной пещере. О ширине этой пещеры судить было нельзя, потому что берега, постепенно расширяясь, терялись из виду, о длине тоже нельзя, потому что горизонт рисовался неопределенною линией. Что же касается до высоты, то высота, по-видимому, простиралась на несколько миль.

Где этот свод опирался на гранитные горы – глаз не видел. В воздухе висело облако, на высоте приблизительно около двух тысяч сажень, то есть выше, чем стоят пары над поверхностью земли. Высота, на которую поднимались пары в этой пещере, вероятно, зависела от значительной плотности воздуха.

Слово «пещера» не дает ясного понятия об этом громадном пространстве. Я даже не знал, каким геологическим переворотом можно объяснить существование подобной пеще-

ры. Произвело ее охлаждение земного шара?

По рассказам путешественников я знал кое-что о знаменитых пещерах, но ни одна из них не представляла таких громадных размеров.

Хотя Гумбольдт, посетивший Гуахарскую пещеру в Колумбии, и не мог всю ее исследовать, а осмотрел ее только на пространстве двух тысяч пятисот футов, однако можно предположить, что она не особенно обширна. Громадная Мамонтова пещера в Кентукки, правда, размеров гигантских, потому что она возвышается на пятьсот футов над поверхностью глубокого озера, и путешественники проходят более десяти лье и все-таки не достигают конца, но даже и это чудо ничего не значило в сравнении с тем, которым я теперь любовался.

Долго я любовался этим облачным небом, электрическим светом и сверкающим морем. Мне казалось, что я вдруг очутился на какой-то планете, на Уране или Нептуне и земной мой организм отказывается понимать происходящие тут явления. Я глядел на все с изумлением и восторгом, близко подходящими к ужасу.

Однако неожиданность такого зрелища подействовала на меня очень хорошо: на лице у меня выступил румянец, свежесть плотного воздуха, доставляя моим легким более кислорода, оживила меня.

Очень легко себе представить, каким наслажденьем было для меня вдыхать этот морской ветерок, пропитанный влажными соляными испарениями после сорокавосьмидневного

заключения в тесной, темной, безвыходной галерее.

Дядюшка уже на все нагляделся прежде и теперь довольно равнодушно стоял около меня.

– Что у тебя хватит сил немножко прогуляться? – спросил он.

– Разумеется, хватит, – отвечал я, – И с каким удовольствием я погуляю!

– Ну так давай руку и пойдем по берегу.

Мы пошли.

Круглые скалы, нагроможденные друг на дружку, высились слева и образовывали исполинскую массу самого странного вида. Бесчисленные прозрачные водопады с шумом стремились по бокам этих скал; там и сям легкие пары переносились с одного утеса на другие, указывая этим на присутствие горячих источников; ручьи, тихо и глухо журча, сливались в общий бассейн.

Между этими ручьями я распознал и нашего верного спутника в галерее, Гансбаха, который спокойно вливался в сверкающее море.

– Уж теперь Гансбах не потечет с нами! – сказал я с сожаленьем.

– Ба! – ответил профессор. – Не потечет Гансбах, потечет другой! Это решительно все равно.

– Ну, дядюшка не из благодарных людей! – подумал я.

В эту самую минуту внимание мое было привлечено неожиданным зрелищем. За мысом, шагах в пятистах, мы

увидали высокий, густой, тенистый лес. Лес этот состоял из деревьев средней высоты, и все они имели вид правильных зонтиков; атмосферные течения не оказывали, казалось, никакого влияния на их листву и при дуновении ветра они оставались неподвижны, словно окаменелые кедры.

Я не знал, как назвать эти деревья. Что, принадлежали они к тем двумстам тысячам видов растительного царства, которые известны теперь? Следовало их причислить к флоре морских растений?

Нет. Когда мы подошли ближе, изумление мое перешло в восторг.

Я увидал произведения земли, но произведения, выкроенные по гигантскому образцу.

– Это грибы! – сказал дядюшка.

Дядюшка не ошибался: то был лес грибов.

Что за громадное развитие приобрели здесь эти растения!

Я знал уже, что «Lycoperdon giganteuin» достигает, по свидетельству Бюлиара, восьми и десяти футов в окружности, но здесь шло дело о белых грибах, имеющих от тридцати до сорока футов вышины и такого же диаметра шляпки.

Грибов этих было тут целые тысячи. Сквозь их густую сень свет не проникал; совершенная темнота господствовала под куполами, разросшимися наподобие круглых крыш африканского города.

Мне хотелось пройти подальше под эти мясистые своды.

Мы целые полчаса бродили в сырых потемках. Не скажу,

чтоб это было особенно приятно. Я выбрался снова на берег моря с большим удовольствием.

Растительность этих подземных стран не ограничивалась одними только грибами. Далее возвышались еще группы деревьев с бесцветными листьями.

Эти распознать было не трудно, – то были простые, но исполинских размеров, кустарники, плауны вышиною в сто футов, гигантские сигиллярии, древовидные папоротники, лепидодендроны с раздвоенными цилиндрическими ветвями, на которых висели длинные листья, покрытые грубыми ворсинками.

– Удивительно! Отлично! Великолепно! – вскрикнул дядюшка. – Вот вся флора первой эпохи мира! Вот скромные растенья наших садов: посмотри, какие они были прежде! Посмотри, полюбуйся! Никогда еще ни единый ботаник не имел счастья видеть подобные чудеса!

– Правда, дядюшка, правда! В этой пещере словно нарочно кто сохранил все допотопные растения, которые так точно воспроизведены учеными. Это своего рода оранжерея!

– Да, мой друг, да! Но ты можешь еще прибавить и зверинец!

– Зверинец!

– Да. Погляди-ка на эту пыль, что мы попираем ногами, – видишь? Ведь это кости, разбросанные по земле!

– Кости?

– Да, кости допотопных животных!

Я кинулся на эти вековые остатки. Они состояли из неразрушимого минерального вещества, – фосфорнокислой извести и, не запинаясь, назвал по имени гигантские кости, походившие на стволы высохших деревьев:

– Нижняя челюсть мастодонта – вот она! А вот коренные зубы динотериума. Вот бедренная кость мегатериума. Да, это настоящий зверинец! Эти кости не могли быть сюда занесены наводнением; животные, которым они принадлежат, жили здесь, на берегах этого подземного моря, под сенью этих древесных растений! Смотрите, смотрите, вот целые скелеты! Однако…

– Что однако? – спросил дядюшка.

– Я не могу себе никак объяснить присутствия подобных четвероногих в этой гранитной пещере.

– Почему ж это ты не можешь объяснить?

– Потому, дядюшка, что животная жизнь развилась только в эпохи, когда образовались наносные осадочные пласты поверх расплавленных горнокаменных пород первичной эпохи.

– А ведь сомненье это очень легко разрешается: это осадочный пласт.

– Как, дядюшка? На такой-то глубине!

– Что ж тут удивительного, мой друг? Геология может объяснить этот факт очень удовлетворительно. В известную эпоху земля состояла только из упругой коры, подвергавшейся, вследствие закона тяготения, колебаниям сверху

и снизу, причем, вероятно происходили оседания почвы и часть осадочных пластов провалилась в глубину внезапно разверзшихся пропастей.

– Да, да, пожалуй… Но ведь значит допотопные животные жили здесь, дядюшка! Кто ж поручится, что и теперь какой-нибудь такой зверь не прогуливается в этих темных лесах, за этими крутыми обрывистыми утесами, – а?

И я невольно оглянулся кругом, – оглянулся, признаться, не без некоторого страха.

Но никого, ничего живого не видно было на диких пустынных берегах.

Я устал и потому присел отдохнуть на выступе острой скалы, о которую с глухим шумом разбивались волны.

Отсюда взор мой мог обнять всю бухту. Бухта эта образовалась выемкою берега. В глубине ее, между двумя пирамидальными утесами, находилась маленькая гавань. Ветер не возмущал ее тихих, спокойных вод. В ней легко могли бы поместиться бриг и две-три шхуны.

Я ждал, что вот-вот из этой гавани выйдет какое-нибудь судно и на всех парусах пустится в открытое море.

Но мечта эта, разумеется, рассеялась очень скоро. Кроме нас не было, не могло здесь быть ни единого живого существа. Когда ветер стихал, наступала такая полная тишина, какой никогда не бывает даже в пустынях.

Я старался вглядеться в далекий горизонт. Где же наконец кончалось это море? Куда вело оно? Откроем мы когда-ни-

будь его противоположные берега?

Дядюшка нимало не сомневался, что откроем. Я и желал этого, и боялся.

Мы провели целый час в созерцании этого чудесного зрелища, затем снова отправились по песчаному берегу обратно к гроту, где я скоро уснул под обаянием самых необычайных мечтаний.

XXXI

На другой день я проснулся совершенно здоровым и бодрым. Я подумал, что ванна была бы мне очень полезна, и решил, что сегодня же искупаюсь в нашем «средиземном».

Оно ведь вполне заслуживало название «средиземного»!

Завтракал я с отличным аппетитом. Ганс Бъелке был мастер готовить. За десертом он даже угостил нас кофе и никогда «на земле» мне этот напиток не был так приятен.

– Ну, – сказал дядюшка, – теперь начинается час прилива. Надо воспользоваться счастливым случаем и изучить это явление.

– Как час прилива? – вскрикнул я. – Здесь прилив?

– Да, друг мой, прилив.

– Неужто влияние луны и солнца простирается даже до этих мест?

– Простирается. Ведь все тела подвержены всемирному тяготению, следственно и эта масса воды не может быть исключением из общего закона. Хоть здесь атмосферное давление на поверхность воды гораздо больше, ты все-таки увидишь, что и здесь вода поднимается, как в Атлантическом океане.

Мы шли по мелкому береговому песку; волны тихонько поднимались и подвигались к нам.

– Прилив начинается, – сказал я.

– Да, начинается, – отвечал дядюшка. – По отложениям волн можно судить, что море здесь поднимается почти что на девять футов.

– Чудеса, да и только!

– Какие ж чудеса? Это очень естественно.

– Да для вас все естественно, дядюшка! Но по мне это чудеса и я едва верю своим собственным глазам. Мог ли я себе вообразить, что под земной корой существует целый океан с приливами, с отливами, с ветрами и с бурями!

– Да почему бы и не вообразить, мой друг? Разве это противоречит какому-нибудь физическому закону?

– Разумеется, если отвергать теорию центрального жара…

– Что теория центрального жара! Ты лучше обрати внимание на теорию Деви! Она оправдывается ведь, а?

– Да, дядюшка, кажется, оправдывается. Приходится допускать, что внутри земли существуют целые моря, целые страны!

– Всенепременно существуют, только необитаемые.

– А почему вы полагаете, что некоторые рыбы неизвестных еще нам пород не могли найти себе пристанища в этих водах?

– До сих пор, по крайней мере, нам еще ни одной не попалось.

– Знаете что, дядюшка? Смастеримте мы удочки и попробуем, будет ли здесь также ловиться рыба, как в подлунных морях.

– Попробуем, Аксель, попробуем. Надо разузнать все тайны этих стран!

– Да где мы теперь находимся-то, дядюшка? Вы ничего об этом не говорите. Что доложили ваши инструменты?

– Мы стоим горизонтально, в трехстах пятидесяти лье от Исландии.

– Неужто?!

– Я совершенно в этом уверен.

– И компас все указывает на юго-восток?

– Да, с отклонением к западу на девятнадцать градусов и сорок две минуты. Что же касается склонения стрелки, то тут замечается прелюбопытное явление, которое я очень тщательно наблюдал.

– Какое же это явление?

– Стрелка, вместо того, чтобы склоняться к полюсу, как это замечается в северном полушарии, здесь, напротив, поднимается.

– Из этого, значит, можно заключить, что точка магнитного притяжения находится между поверхностью земного шара и тем местом, где мы теперь?

– Именно. Вероятно, если бы мы достигли полярных стран, достигли того семидесятого градуса, у которого Джемс Росс открыл магнитный полюс, стрелка приняла бы вертикальное положение. Из этого можно заключить, что таинственный центр притяжения находится вовсе не на большой глубине.

– Этого факта наука и не подозревает.

– Мой друг, наука преисполнена ошибок и заблуждений, но ошибок и заблуждений полезных, потому что они мало-помалу ведут к важным открытиям, к истине.

– Мы теперь на какой глубине?

– На глубине тридцати пяти лье.

– Следовательно, – сказал я, рассматривая карту, – гористая часть Шотландии и Грампиенские горы со своими снежными вершинами, – все это над нашими головами!

– Да, мой друг, да! – отвечал с довольным смехом почтенный профессор. – Тяжеленько немного, ну да ничего: свод крепок. Великий всемирный строитель построил его из хорошего материала. Никогда рука человека не могла бы придать такие размеры! Ну что такое все наши арки и своды перед этим куполом! Признаюсь, купол! Радиус в три мили, под которым свободно может развернуться целое море со всеми своими бурями и ураганами!

– Да я не боюсь, что небо упадет мне на голову, дядюшка. Нисколько не боюсь. Что ж вы теперь думаете делать? Вы не сбираетесь воротиться на поверхность земли, нет?

– Возвратиться на поверхность земли! Вот сморозил-то! Напротив, я хочу продолжать путешествие. До сих пор все шло превосходно и…

– Да как же мы ухитримся проникнуть под эту водную поверхность, дядюшка?

– О, не беспокойся: я вовсе не имею намеренья броситься

туда вниз головою. Все океаны собственно ни что иное, как озера, потому что окружены землею, так? А коли так, то и это подземное море окружено значит гранитною массою.

– Это несомненно.

– На противоположном берегу найдутся новые выходы.

– А по-вашему, какова длина этого моря?

– Тридцать или сорок лье.

– А! – сказал я.

А про себя подумал: это еще бабушка на двое ворожила! Может, сорок, а может, и не сорок!

– Времени терять нечего, и мы завтра же пустимся в путь, – продолжал профессор.

Я невольно стал искать глазами судна на водной поверхности.

– Отправимся? – повторил я. – Отлично! Только на каком же это судне мы совершим переезд?

– Не на судне, мой друг, мы его совершим, а на прекрасном, прочном плоту!

– На плоту! – вскрикнул я. – Да плот так же трудно ведь построить, как и судно! Я не вижу…

– Правда, ты не видишь, а послушай, так услышишь!

– Услышу?

– Да, услышишь очень явственно удары молота. Ганс уж принялся за работу.

– Он строит плот?

– Да.

– Как! Он уже успел срубить деревья?

– О, деревья уж были срублены. Вот пойди-ка и посмотри.

Еще через четверть часа я уже был на другом конце мыса, где работал Ганс.

К величайшему моему изумлению, я увидал полуоконченный плот. Плот этот состоял из бревен совершенно особого дерева и множества досок, сучков и всевозможных опилок и стружек буквально покрывало землю.

Тут было из чего построить целый флот!

– Дядюшка! – вскрикнул я, – какое это дерево?

– Это ель, сосна, береза, – все виды хвойных деревьев севера, окаменевших под влиянием морской воды.

– Вот!

– Это так называемое «суртарбрандур» или ископаемое дерево.

– Так оно, значит, подобно лигниту твердо как камень и не может держаться на воде?

– Да, иногда это случается. Есть деревья, превратившиеся в совершенный антрацит, но есть и такие, которые только что начали превращаться в ископаемые, – вот как эти. Возьми-ка, вот погляди.

И дядюшка бросил кусок дерева в море.

Этот кусок сначала погрузился, но вслед затем всплыл снова и начал колыхаться на волнах.

– Что ж, убедился ты? – спросил дядюшка.

– Да, дядюшка, убедился главным образом в том, что это

невероятно!

На другой день ввечеру, благодаря усердию и искусству Ганса, плот был окончен совершенно.

Плот этот был в десять футов длины и в пять ширины; бревна суртарбрандура были связаны между собой толстыми канатами и представляли прочную поверхность.

Скоро произведение Ганса Бъелке было спущено на воду и спокойно поплыло по волнам Лиденброкского моря.

XXXII

13-го августа все мы проснулись очень рано.

Мы поставили мачту, укрепили веревками паруса, – паруса мы смастерили из своих одеял – и скоро совсем окончили оснастку немудреного судна.

В шесть часов почтенный профессор подал знак к отплытию.

Припасы, багаж, инструменты, оружие и значительное количество пресной воды были старательно уложены.

Ганс приделал руль и взялся за него.

Я отвязал канат, привязывавший нас к берегу, мы подняли парус, и плот быстро отчалил.

При выходе из гавани дядюшка, имевший страсть давать свои названия каждому месту, захотел окрестить гавань моим именем.

– Нет, дядюшка, – сказал я, – вы лучше назовите эту гавань другим именем.

– Каким же другим?

– Назовите «Гавань-Гретхен», это звучит очень хорошо.

– Согласен, идет! «Гавань-Гретхен»!

С северо-запада дул ветерок. Слои атмосферы, чрезвычайно плотные, производили значительное давление и действовали на парус, как сильный ветер.

Через час дядюшка уже мог дать отчет о скорости, с ко-

торою мы плыли.

– Коли мы все так будем плыть, – сказал он, – так мы в двадцать четыре часа сделаем по крайней мере тридцать миль и скоро увидим противоположные берега.

Я не отвечал на это ни слова и присел на носу плота.

Уже северный берег начинал исчезать на горизонте, перед нашими глазами расстилалось блестящее, громадное море. Огромные облака бросали на его зеркальную поверхность свои сероватые тени. Тени эти словно давили мрачные, сверкающие волны. Серебристые лучи электрического света отражались в каплях воды то там, то сям, и словно вспыхивали по краям плота светящимися искрами.

Скоро земля совсем скрылась из виду, и нам уже не почему было судить о быстроте нашего плавания. Только пенистая струя позади плота показывала, что мы не стоим на одном месте.

Около полудня показались на поверхности вод громаднейшие водоросли.

Я знал, с какою силой разрастаются эти растения, знал, что они стелятся в море на глубине более двенадцати тысяч футов, знал, что они образуют собою плетеницы, мешающие ходу больших судов, но нигде, я полагаю, не существовало таких исполинских, какие стлались по Лиденброкскому морю.

Наш плот плыл мимо водорослей, имевших три и четыре тысячи футов длины. Они вились, как громадные змеи, на

необозримое пространство. Целые часы я глядел и думал, что вот-вот покажется конец чудовищной плетеницы, и все конец не показывался.

Что за сила природы, которая могла произвести подобные растения! Каков же вид должна была иметь земля к те отдаленные времена, когда, под влиянием теплоты и и влажности, только одно растительное царство развивалось на ее поверхности!

Наступил вечер, но, как я заметил еще и накануне, электрический свет ни чуть не убавился. Он был, как видно, явлением постоянным, на продолжительность которого можно было рассчитывать.

После ужина я растянулся около мачты и заснул сном праведника.

Ганс неподвижно стоял у руля. Ветерок быстро подгонял наш плот.

С самого нашего выхода из гавани Гретхен, профессор Лиденброк поручил мне вести «журнал», т. е. отмечать все малейшие наблюдения, записывать все, сколько-нибудь интересные явления, направление, скорость хода нашего судна, одним словом все, – все мельчайшие подробности нашего необычайного плавания.

Я удовольствуюсь тем, что приведу здесь вкратце некоторые из этих ежедневных заметок.

Пятница 4-го августа. Ровный северо-западный ветер. Плот подвигается быстро и все по прямому направлению.

Берег в тридцати милях за нами. На горизонте ничего не видно. Сила света все та же. Погода хорошая, т. е. облака очень высоки, не густы и погружены в беловатую атмосферу, похожую на расплавленное серебро.

Термометр: +32° по Цельсию.

В полдень Ганс мастерит удочку, прицепляет на нее кусок мяса и бросает в море.

Проходит два часа. Не клюет!

Неужто эти воды в самом деле необитаемы?

Вдруг замечается толчок. Удочка вздрагивает. Ганс вытаскивает сильно бьющуюся рыбу.

– Рыба! – вскрикивает дядюшка.

– Осетр! – вскрикиваю я в свою очередь. – Осетр!

Профессор внимательно разглядывает попавшуюся на удочку жертву и не соглашается с моим мнением.

У пойманной рыбы голова круглая, передняя часть ее покрыта костяными пластинками, рот без зубов; грудные плавательные перья довольно развиты и прикреплены к бесхвостому телу.

Рыба эта принадлежит к тому классу, к которому естествоиспытатели относят и осетра, но она отличается от осетра довольно существенными чертами.

– Эта рыба принадлежит к семейству, уже давным-давно исчезнувшему, – говорит дядюшка; – ископаемые его остатки находят только в девонских пластах.

– Неужто это мы изловили обитателя первобытных морей,

дядюшка?

– Разумеется, мой друг. Ты посмотри: эти ископаемые рыбы не имеют ничего общего с жительницами нынешних вод.

– А к какому именно семейству наша принадлежит?

– К семейству птерихм. И, замечаешь ты, что она представляет еще особенность, которая иногда встречается, говорят, у рыб подземных вод?

– Какая ж это особенность?

– Рыба эта слепая.

– Слепая!

– Не только слепая, но у нее совсем не достает органа зрения.

Я гляжу. Истинная правда!

– Но это может быть особенный случай, дядюшка?

– Ни чуть не случай, племянник. Увидишь сам.

Удочка опять закинута в море.

В этом море много, должно быть, рыбы. В два часа времени нам попалось множество птерихт, а также и других, принадлежащих к тоже исчезнувшему семейству диптерид.

Все пойманные экземпляры лишены органа зрения.

Это неожиданная ловля очень кстати пополняет наши съестные припасы.

Очевидно, это море населено только ископаемыми породами.

Может быть, мы будем так счастливы, что нам попадется экземпляр – другой ящериц, которые так искусно воспроиз-

ведены учеными по ископаемым остаткам.

Я беру подзорную трубу и гляжу на море. Ничего не видно. Мы, вероятно, все еще близко к берегам.

Я гляжу вверх. Почему бы не летать здесь некоторым птицам, воспроизведенным бессмертным Кювье по остаткам их скелетов? Рыбы доставляли бы им обильную пищу.

Я долго гляжу в воздушное пространство, но и тут ничего не вижу.

Воображение увлекает меня в чудесные страны палеонтологии. Я вижу сны наяву. Мне чудится, что на поверхности блестящих вод движутся громадные допотопные черепахи, как какие-нибудь плавучие острова. Мне чудится, что на потемневших песчаных берегах бродят чудовищные млекопитающие первых дней. Вот палеотериум, аноплотериум и другие виды этого семейства, к которому принадлежат наши слоны, тапиры и носороги. Вот толстокожий лофиодон, этот тапир-исполин, прячется за утесами, приготовляясь вырвать добычу у апоплотериума, – у страшного животного, напоминающего и носорога, и лошадь, и гиппопотама, и верблюда, как будто зиждительная сила так торопилась в первые времена существования мира, что соединила впопыхах несколько животных в одном. Вот гигантский мастодонт вертит своим страшным хоботом и мощными клыками раскалывает береговые скалы. Вот легатериум, упершись на чудовищные лапы, роет землю и своим рычаньем будит эхо в звучных громадных утесах. Вдали разгуливает колоссальный мамонт,

этот первобытный слон с громадными кривыми клыками и с длинной гривой. Первая обезьяна, появившаяся на поверхности земного шара, ползет и кривляется по крутым вершинам, а повыше рукокрылый птеродактиль, похожий на колоссальную летучую мышь скользит в плотном воздухе. Я вижу тоже колоссальных птиц, сильней казуара, больше страуса, которые развертывают свои длинные крылья и ударяются головой о гранитный свод.

Весь ископаемый мир воскресает в моем воображении. Я переношусь в самые отдаленнейшие эпохи создания, когда еще не было человека, когда еще не устроенная земля не была для него пригодным жилищем. Млекопитающие исчезают, исчезают птицы, исчезают пресмыкающиеся вторичной эпохи, исчезают наконец рыбы, ракообразные, моллюски, суставчатые. Исчезают и зоофиты переходной эпохи. Вся земная жизнь заключается во мне одном и одно мое сердце бьется в этом пустынном мире. Нет более времен года, нет более климатов. Собственная теплота земного шара беспрерывно усиливается и нейтрализует теплоту лучезарного светила. Растительность проявляется в невероятном изобилии. Я, подобно тени, хожу посреди древовидных папоротников, попираю ногами радужную глину и пестрый песчаник. Я прислоняюсь к стволам громадных шишконосных. Я ложусь под тенью сфенофилитов, астерофилитов и плаунов вышиною в сто футов.

Целые века проходят, как дни. Я переживаю ряды перево-

ротов на земле. Растения исчезают, гранитные скалы утрачивают свою твердость; твердые вещества под влиянием сильного жара превращаются в жидкие; воды струятся по поверхности земного шара, кипят и улетучиваются; пары окружают землю, земля мало-помалу превращается в массу газов, раскаленную до бело-красного цвета; она становится велика, как солнце и как солнце блестяща.

Я в центре этого туманного пятна, которое в 1,400,000 раз превосходит шар, образующийся из нее впоследствии, и я увлечен в планетные пространства. Тело мое разжижается, в свою очередь превращается в пар и смешивается, как невесомый атом, с несметными парами, которые они описывают в бесконечном пространстве свои воспаленные орбиты.

Какой это был сон! или говоря точнее, какие то были видения!

Я быстро набрасываю на бумагу весь этот бред. Я все забываю, и дядюшку профессора, и Ганса, и плот. Галлюцинация совершенно овладевает мною.

– Аксель, что с тобой? – спрашивает дядюшка.

Я таращу на него глаза и ничего не вижу.

– Берегись, Аксель, берегись! Ты упадешь в море!

В ту же самую минуту я чувствую, что Ганс сильно хватает меня за руку.

Не схвати он меня, я бы свалился непременно.

– Да что с тобой, Аксель? – кричит дядюшка. – Рехнулся ты, что ли!

– Что такое? В чем дело? – говорю я наконец, несколько приходя в себя.

– Ты болен, Аксель?

– Нет, я не болен. Мной просто овладела галлюцинация, но теперь она уже прошла. Ведь все благополучно у нас, да?

– Все, все, как нельзя благополучней! Ветер попутный, море – как зеркало. Мы подвигаемся вперед чрезвычайно быстро и, если только мои соображения меня не обманывают, так мы очень скоро пристанем к берегу.

При этих словах я приподнимаясь, гляжу пристально на горизонт…

Но линия вод все еще смешивается с линией облаков. Берега не видно.

XXXIII

Суббота 15-го августа. Море по-прежнему спокойно и однообразно. Ни какой земли не видно. Горизонт представляется очень-очень далеким.

Голова моя еще тяжела после бреда.

Но дядюшка не бредил, а тем не менее мрачен. Он осматривает в подзорную трубку окружающее нас пространство и с досадой скрещивает руки на груди.

Я начинаю замечать, что почтенный профессор Лиденброк опять становится прежним нетерпеливым, буйным человеком и аккуратно записываю этот факт в журнал.

Только страдания и опасности, постигшие меня, могли выжать из него искру человеколюбия, но как только они миновали, профессорская натура опять взяла верх.

А впрочем, к чему же сердиться и обижаться? Ведь путешествие свое мы совершаем при самых благоприятных обстоятельствах. Плот наш летит вперед с замечательной быстротой.

– Дядюшка! вас, кажется, что-то беспокоит? – спрашиваю я, видя, что он то и дело приставляет подзорную трубу к глазам.

– Беспокоит? Нет, ни чуть.

– Так вы теряете терпенье, дядюшка, вы…

– Еще бы не терять терпенья!

– Мы однако подвигаемся ведь очень быстро.

– Э! поди ты со своим «быстро»! быстрота-то не малая, да море-то чересчур велико!

Я вспоминаю, что профессор полагал длину подземного моря лье в тридцать или около того. Мы проплыли по крайней мере втрое больше, а берега все еще не обозначались.

– Это черт знает, что такое! – вскрикивает дядюшка. Это ни что не похоже! Мы не спускаемся, – совсем не спускаемся! Это потерянное время, а я сюда не затем пришел, чтобы мне покататься в лодке по пруду!

– Каков! – думаю я. – Каков дядюшка! Он величает эту переправу катаньем на лодке! Он величает это море прудом!

– Но, дядюшка, – говорю я вслух, – если мы до сих пор следовали по пути Сакнуссема…

– В этом то и вопрос! В этом то и вопрос – следуем ли мы по пути Сакнуссема? Встретил ли Сакнуссем это море? Переправлялся ли он через него? Ручей, за которым мы шли следом, не сбил ли нас с настоящей дороги?

– Во всяком случае, нельзя жалеть о том, что мы сюда попали. Что за зрелище!

– Теперь не до зрелища, Аксель: я поставил себе цель – и я хочу этой цели достигнуть! А ты все о «зрелище». Бог с ним совсем! Не говори мне, пожалуйста; ни о каких зрелищах!

Я принимаю это к сведению и предоставляю профессору грызть ногти, сколько его душе угодно.

В шесть часов вечера Ганс преаккуратно требует услов-

ную недельную плату и следующие ему три рейхсталера отсчитаны.

Воскресенье 16-го августа. Ничего решительно нового. Погода стоит та же. Ветер начинает слегка свежеть.

Я, как только просыпаюсь, сейчас же проверяю силу света. Я все опасаюсь, чтобы электрическое явление не исчезло.

Однако все пока обходится благополучно. Тень плота как нельзя отчетливее рисуется на поверхности волн.

Это море, кажется, без конца! Оно, надо полагать, пошире Средиземного, а пожалуй, что и пошире Атлантического.

Что ж! очень может быть.

Дядюшка несколько раз принимается его измерять. Он привязывает самый грузный тяжелый лом к концу веревки и развертывает эту веревку на двести сажен.

Дна не достает!

Мы с великим трудом вытягиваем свой лот.

Ганс обращает мое внимание на этот вытащенный лот: на нем заметны следы, какие-то следы, какие-то отпечатки… Да! на нем заметны следы! этот кусок железа словно был сжат между двумя твердыми телами.

Я гляжу на Ганса вопросительно.

– Tander! – говорит Ганс.

Я не понимаю этого слова и обращаюсь к дядюшке за объяснением.

Но дядюшка погружен в глубокие размышления, мне кажется не деликатным его беспокоить, и я снова обращаюсь

к исландцу.

Он несколько открывает и закрывает, щелкая зубами, рот и этими жестами поясняет мне непонятное слово.

– Зубы! – вскрикиваю я с изумлением. – Зубы!

Да, это следы зубов! Да, это чьи-то зубы врезались в железо!

Каковы же должны быть челюсти, в которых подобные зубы сидят!

Не движется ли в глубине этих таинственных вод какое-нибудь допотопное чудовище алчнее акулы, страшнее кита?

Я не мог оторвать глаз от следа этих зубов.

Уж не брежу ли я опять?

Я волнуюсь целый день, но наконец усталость берет свое и я засыпаю.

Понедельник 17-го августа. Я все стараюсь припомнить инстинкты допотопных животных вторичной эпохи, которые появились после моллюсков, ракообразных и рыб и предшествовали появлению млекопитающих на земном шаре.

Тогда мир принадлежал пресмыкающимся. Чудовища эти тогда властвовали безраздельно над юрскими морями.

Природа одарила их самою полною организациею. Что за гигантское сложение! Что за необычайная сила! Теперешние ящерицы, теперешние самые страшные аллигаторы и крокодилы только слабое подражание своим предкам первобытных веков.

Я вздрагиваю при воспоминании об этих чудовищах. Ни один глаз человеческий не видал их живыми. Они появились на земле за тысячи веков до человека, но их ископаемые кости позволили анатомически воспроизвести их и узнать их колоссальные размеры и сложение.

Кости эти были найдены в глинистой извести, которую англичане называют черным мергелем.

Я видел в музее, в Гамбурге, скелет одной ящерицы длиною в тридцать футов. Неужто мне придется стать лицом к лицу с живыми представителями допотопного мира?

Нет, это немыслимо!

Однако следы могучих зубов отпечатлены на железе, и я распознаю, что зубы эти имеют коническую форму, как у крокодилов.

Я с ужасом обращаю глаза на море. Я боюсь, я жду каждую минуту появления какого-нибудь ужасного обитателя вод.

Полагаю, что профессор Лиденброк разделяет мои опасения, или, если не опасения, то по крайней мере предположения. Осмотрев железо, закушенное неизвестным чудищем, он бросает взгляд на море.

– Черт побери мысль измерять это море! – думаю я про себя. – Мы, верно, потревожили какого-нибудь морского лешего и, чего доброго, он теперь вдруг выскочит и отблагодарит нас за усердие к науке по-свойски!

Я бросаю взгляд на наше оружие, удостоверяюсь, в исправности ли оно.

Дядюшка это замечает и одобряет меня жестом.

На поверхности вод обнаруживается некоторое волнение. Это некоторое волнение указывает на другое, более сильное, в нижних слоях. Опасность близка. Надо быть настороже.

Вторник 18-го августа. Наступает вечер, или, говоря точнее, время, когда нас начинает клонить сон, потому что на этом море нет ночи и неизменный, постоянный свет страшно утомляет наши глаза, словно мы плывем под ослепительными лучами арктических морей.

Ганс стоит у руля. Я засыпаю.

Спустя часа два меня вдруг пробуждает сильнейший толчок.

Плот наш приподнят на воде с неимоверною силою и отброшен сажень на двадцать в сторону.

– Что такое? – вскрикивает дядюшка. – Что такое?

Ганс указывает на черную массу, то поднимающуюся, то опускающуюся в двухстах саженях от нас.

Я смотрю и вскрикиваю:

– Колоссальная морская свинья!

– Да! – вскрикивает дядюшка, – да! А вот морская ящерица! Каковы размеры! каковы размеры!

– А вот крокодил! Что за чудовище! поглядите-ка, челюсть-то, челюсть-то! Каков ряд зубов! Ах, вот он юркнул! исчез!

– Кит! кит! – кричит профессор. Я вижу черт знает какие плавники! – Смотри, как он гонит воздух и воду дыхалами!

Действительно, два столба воды поднимаются на значительную высоту над морем.

Мы поражены, испуганы. Перед нами целое стадо морских чудовищ. Размеры их невероятные. Самый мелкий из них мог бы одним зубом перехватить наш плот.

Ганс старается направить наше утлое суденышко по ветру, чтобы поскорее убраться от опасного соседства, но замечаем, что и на другой стороне не благополучно – там лезет черепаха в сорок футов шириною и змея, длиною во сто, высовывает из под воды свою страшную голову.

Бежать невозможно. Чудовища приближаются. Они кружатся вокруг плота и кружатся со скоростью, не уступающею скорости экстренного поезда железной дороги. Вокруг плота образуются концентрические круги. Я беру карабин. Но какая пуля прошибет чешую, покрывающую их тела?

Мы немеем от ужаса.

Чудовища все приближаются. С одной стороны крокодил, с другой змея. Остальное стадо исчезло.

Я хочу стрелять, но Ганс меня останавливает.

Оба чудовища проплывают в пятидесяти шагах от нас, кидаются друг на друга; их бешенство мешает им заметить наше присутствие.

Битва завязывается в сотне шагах от плота. Мы отлично можем наблюдать за обоими чудовищами.

Но вот беда: кажется, и остальная братия намеревается принять участие в схватке. Морская свинья, кита, ящерица,

черепаха, снова показываются из воды.

Я указываю на них Гансу. Он отрицательно качает головою.

– Tva, – говорит он.

– Что? два? Дядюшка, он уверяет, что два только чудовища…

– Он совершенно прав, – отвечает мне дядя, не отнимая от глаз подзорной трубы.

– Прав?

– Да. Смотри: у одного чудовища морда морской свиньи, голова ящерицы, зубы крокодила. Все это ввело нас в заблуждение. Знаешь, что это за зверь? Это самое опасное из допотопных пресмыкающихся – ихтиозавр!

– А другое?

– Другое – змея, с черепашьей чешуею, первый враг ихтиозавра – плезиозавр.

Ганс точно прав. Только два чудовища дерутся, остальные показались и исчезли.

Вот они, страшные пресмыкающиеся первобытных океанов. Вот кровавый глаз ихтиозавра, – он величиной с человеческую голову. Природа наделила его таким сильным оптическим аппаратом, что он переносит давление слоев воды в самых больших глубинах. Его очень основательно назвали китом пресмыкающихся, потому что он обладает такою же быстротою и таким же ростом. Длиной он не меньше ста футов. Я могу судить и о его величине, когда он поднимает

над волнами вертикальные плавательные перья своего хвоста. Что за громадная у него челюсть! Натуралисты насчитывают в ней не меньше ста восьмидесяти зубов.

Плезиозавр, змея с цилиндрическим туловищем, с коротким хвостом, с лапами, расположенными в виде весла. Все тело этой змеи сплошь покрыто чешуею, а шея гибкая, как у лебедя, поднимается над волнами на тридцать футов.

Чудовища нападают друг на друга с несказанным бешенством. Они вздымают целые водяные горы. Мы раз двадцать рискуем опрокинуться. Раздается сильный, страшный свист. Оба чудовища сцепились и словно слились вместе.

Проходит час, проходит другой. Борьба все продолжается с той же яростью. Сражающиеся то приближаются к плоту, то от него удаляются. Мы не двигаемся, нацелились и при первой опасности готовы стрелять.

Вдруг чудовища исчезают. Проходит несколько минут. Верно, бой окончился в морской пучине.

Вдруг из воды показывается громадная голова плезиозавра. Страшилище смертельно ранено. Я уже не вижу его черепа, только длинная шея высовывается, приподнимается, наклоняется, полосует волны, как какой-нибудь громадный кнут, и свертывается, как разорванный червь. Вода кипит и взбрасывается на далекое расстояние. Брызги просто ослепляют нас. Но скоро агония страшилища приходит к концу, движения его ослабевают, конвульсии прекращаются и чудовищный обрубок вытягивается на успокоившихся волнах.

Воротится ихтиозавр на поверхность моря, или скроется в своей подводной пещере?

XXXIV

Середа 19-го августа. На наше счастье поднимается очень сильный ветер и быстро уносит нас от театра битвы. Ганс стоит у руля, а дядюшка все нетерпеливо созерцает море. Путешествие наше ничем больше не прерывается.

Четверг 20-го августа. Ветер с севера – северо-востока. Температура жаркая. Мы идем со скоростью трех с половиною лье в час.

Около полудня раздается очень отдаленный шум. Я записываю этот факт, но объяснить его себе не могу. Это не то какой-то рев, не то ропот.

– Верно, есть где-нибудь вдали утес, или островок, о который разбиваются морские волны, – говорит дядюшка.

Ганс влезает на самую верхушку мачты, но ни утеса, ни островка не видит.

Проходит три часа. Шум все слышится. Он очень похож на шум отдаленного водопада.

– Дядюшка, это что-то вроде водопада, – говорю я. – Как вы думаете?

Но дядюшка покачивает головой. Он не согласен.

Я, между тем, убежден, что не ошибаюсь.

Уж не летим ли мы в какой-нибудь каскад, который швырнет нас в пропасть?

Почтенный профессор Лиденброк, большой охотник до

вертикальных линий, и ему этот способ нисхождение, может, нравится, но мне, его племяннику, он вовсе не по вкусу.

Как бы то ни было, а недалеко, всего в каких-нибудь двух милях от нас, непременно происходит какое-нибудь явление, сопровождаемое шумом, потому что шум этот раздается все сильнее и сильнее.

Что это творится? И где творится, – на небе или на океане?

Я пристально гляжу на висящие в воздухе пары и стараюсь измерить их глубину. Небо спокойно; облака кажутся неподвижными и теряются в сильных лучах света.

Я смотрю на горизонт; он совершенно чист.

Если этот шум происходит от водопада, если все это море стремится во внутренний бассейн, то течение должно делаться быстрее и усиливающаяся быстрота может служить мерилом угрожающей опасности.

Я наблюдаю течение. Оно совершенно ничтожно. Брошенная мною пустая бутылка остается за нами.

Около четырех часов, Ганс встает и опять влезает на верхушку мачты. Отсюда он внимательно обозревает горизонт. Он что-то завидел. Лицо его не выражает удивления, но глаза останавливаются на одной точке.

– Он что-то видит, – говорит дядюшка.

– Да, кажется, видит.

Ганс спускается, протягивает руку по направлению к югу и говорит:

– Der nere.

– Там! – переводит дядюшка.

Он схватывает подзорную трубу и с минуту пристально вглядывается.

Эта минута кажется мне целым веком.

Наконец, он вскрикивает:

– Да! Да!

– Что вы видите?

– Громадный столб воды! Он снопом поднимается вверх.

– Опять какое-нибудь морское чудовище?

– Очень может быть!

– Так повернем к западу! Ведь мы не знаем, какая опасность может предстоять. С этими допотопными зверями шутить нельзя!

– Хорошо, повернем. А впрочем, знаешь что? будь, что будет, – пойдем навстречу!

Я гляжу на Ганса. Ганс правит рулем со своею обычною невозмутимостью.

Если мы на таком расстоянии замечаем такой столб воды, выбрасываемый чудовищем, то чудовище это должно быть ужасающих размеров. Следовало бы бежать, но мы ведь пришли сюда не с тем, чтобы бегать.

Мы идем вперед, на встречу. Чем ближе мы подходим, тем столб увеличивается. Какое чудовище может поглотить столько воды, а потом извергать ее непрерывно?

В 8 часов вечера мы были от неизвестного страшилища на расстоянии двух льё. Черноватое, громадное, холмистое

тело протягивается на море, как остров.

Творец небесный! неужто я не ошибаюсь, неужто длина его превосходит тысячу сажень? Что же это за животное? О нем не подозревали ни Блюменбах, ни Кювье.

Чудовище неподвижно; оно словно дремлет. Глядя на него, кажется, что волны не в силах его приподнять, а только омывают его, как какую-нибудь громадную скалу. Водяной столб, им выбрасываемый, доходит до высоты 506 футов и ниспадает дождем с оглушительным шумом.

Мы, как безумные, летим к этой страшной массе, которую едва ли могла бы насытить целая сотня китов.

Я прихожу в ужас. Я не хочу идти дальше. Я готов перерезать веревку и паруса. Я обращаюсь к дядюшке, но он мне не отвечает, не обращает на меня внимания.

Вдруг Ганс встает и, указывая на страшную массу, говорит:

– Holme!

– Остров! – вскрикивает дядюшка.

Я повторяю:

– Остров!

И с недоверием пожимаю плечами.

. – Да, да, да! – вскрикивает дядюшка, – остров, несомненно, остров!

– Как остров, дядюшка? А водяной-то столб.

– Geuser, – говорит Ганс.

– Да, гейзер! – повторяет дядя. – Такой самый, как знаме-

нитый горячий ключ у подошвы Геклы!

Я все-таки не хочу верить. Как же это ошибиться так грубо, – принять остров за морское чудовище!

По мере того, как мы приближаемся, размеры водяного столба становятся грандиознее. Остров этот до невероятности похож на колоссальное китообразное животное, голова которого высовывается сажень на 10 над волнами. Гейзер величественно выходит из верхней части головы. На исландском языке слово гейзер означает – бешенство, и здесь это слово очень кстати. По временам раздаются глухие раскаты, и чудовищный водоем взлетает до первого слоя облаков.

Ключ этот шумит и брызжет одиноко; около него нет ни клубящегося дыма, ни других горячих источников; вся вулканическая сила сосредоточивается в нем одном. Лучи электрического света проникают в сверкающий ослепительный столб и каждая капля окрашивается радужными цветами.

– Причалим, причалим! – вскрикивает дядюшка.

Но прежде надо поосторожнее объехать водяной смерч, иначе он немедленно потопит наш плот.

Ганс очень ловко маневрирует и причаливает к другой стороне острова. Я соскакиваю на скалу, дядюшка следует за мною, а Ганс остается на своем месте, у руля.

Вечно невозмутимый Ганс и теперь сохраняет свое хладнокровие.

Мы ступаем по граниту, который перемешан с кремнистым туфом; почва дрожит под нашими ногами, точно стен-

ки нагретого парового котла. Идти очень трудно, потому что почва жжет ноги. Мы добираемся до маленького центрального бассейна, откуда бьет струя. Я погружаю в кипящую воду термометр, и он показывает 163°.

Вода эта непременно вырывается из какой-нибудь пламенеющей среды. Это противоречит теории почтеннейшего дядюшки и профессора. Я не могу утерпеть и ему это выражаю.

– Да где же тут противоречие? – спрашивает он.

– Если вы его не видите, – отвечаю я, – так может, его и нет.

Я вынужден сознаться, что до сих пор обстоятельства удивительно благоприятствовали нашему путешествию, но все-таки очевидно, что когда-нибудь мы достигнем тех стран, где центральный жар доходит до высшей степени и превышает все градусы термометра.

– Это непременно так будет, – говорю я.

– Неужто будет? – отвечает упрямый дядюшка. – Увидим!

Он окрещивает вулканический остров моим именем и подает сигнал к отплытию.

Я еще несколько минут не могу оторвать глаз от гейзера. Струя его выбрасывается неровно, порывисто, то с меньшею, то с большею силою; это надо приписать изменяющемуся давлению паров в его резервуаре.

Мы объезжаем очень крутые южные берега острова и удаляемся от него.

Ганс воспользовался этой остановкой и привел плот в от-

личный порядок.

Прежде чем потерять из виду остров, я вычисляю пройденное расстояние и записываю это в журнал.

Мы прошли 270 морских льё от гавани Гретхен и находимся в 620 льё от Исландии, под Англией.

XXIV

Пятница, 21 августа. Великолепный гейзер исчез. Ветер покрепчал и быстро унес нас от острова Акселя.

Погода, кажется, скоро изменится. Атмосфера насыщается парами, которые уносят с собою электричество, развившееся вследствие испарения соляных вод. Облака заметно спускаются и принимают оливковый оттенок; электрические лучи с трудом проникают сквозь темную завесу.

Я как-то особенно впечатлителен, – впечатлителен, как и всякое существо перед наступлением бури. На южной стороне горизонта скопились кучевые облака; они пугают меня своим зловещим видом. Воздух тяжелый, море спокойно.

Дальние облака похожи на большие хлопья ваты, беспорядочно и живописно скученные; мало-помалу они словно надуваются и сливаются вместе; они так тяжелы, что не могут подняться с края горизонта, но при порывах ветра в верхних слоях атмосферы, они словно тают, темнеют и скоро превращаются в одну грозную сплошную массу; изредка еще появляются на сероватом фоне светлые клубы паров, но скоро исчезают в этой общей темной массе.

Атмосфера страшно наэлектризована; я так пропитан электричеством, что волосы поднимаются у меня на голове, как бывает при прикосновении к электрической машине.

Дотронься до меня в эту минуту мои спутники, они, мне

кажется, почувствовали бы сильнейшее сотрясение.

В 10 часов утра, признаки грозы обнаруживаются резче; ветер по временам стихает, но стихает как будто для того только, чтоб отдохнуть и получше собраться с силами; небеса похожи на громадный мех, в котором скопляются ураганы.

– Будет дурная погода! – говорю я дядюшке.

Дядюшка не отвечает. Он в прескверном расположении

духа, потому что морю невидно конца. При моих словах он пожимал только плечами.

– Будет гроза, – говорю я.

Общее безмолвие. Ветер утих. В природе словно все замерло. На мачте показывается легкий блуждающий огонек; парус опустился и падает тяжелыми складками. Плот наш неподвижно стоит посреди мрачного, гладкого, как зеркало, моря.

– К чему нам теперь парус? – думаю я. Он погубит нас при первом порыве бури.

– Дядюшка, спустим парус и повалим мачту. Осторожность не мешает.

– Ни за что на свете! ни за что на свете! – вскрикивает дядюшка. Пусть ветер свирепствует! Пусть буря разразится над самой головой! Лишь бы мне увидать береговые скалы, а там пускай плот разбивается вдребезги!

Он еще не кончил этих слов, как горизонт на юге мгновенно изменяется; скопившиеся пары превращаются в воду; воз-

дух внезапно стремится в пустые пространства, которые образовались вследствие сгущения паров, и стремится с такою страшной силой, что переходит в ураган. Становится темнее, потом еще и еще темнее. Наконец я почти ничего не вижу.

Расходившиеся волны поднимают плот, подкидывают его. Дядюшку перебрасывает, как мячик, с одного места на другое. Я тоже падаю и ползу к нему. А он уцепился за канат и кажется, с большим удовольствием глядит на разъяренное море.

Ганс безмятежен и неподвижен. Длинные его волосы спутались и всклочились; ветер то их откидывает назад, то бьет ими в лицо, что придает безмятежному исландцу престранный, префантастический вид, потому что каждый волосок на кончике искрится.

Я гляжу на него, и он мне начинает представляться допотопным человеком, современником ихтиозавров и мегатериумов.

Наша мачта все еще держится. Парус надувается, как пузырь; он готов лопнуть. Плот летит с невероятной быстротой, и я кричу, как безумный:

– Парус! парус!

И делаю отчаянные знаки, чтобы парус спустили.

– Нет! нет! – отвечает дядюшка, – ни за что на свете!

– Нет, – говорит Ганс, спокойно покачивая головою.

Дождь льет ливмя и совершенно почти застилает горизонт, к которому мы стремимся. Скоро и мы очутимся под

этим ливнем, – шум его уж ясно доносится.

Но вдруг облака разрываются, море пенится, словно кипит, и электричество, развившееся вследствие сильного химического процесса в верхних слоях воздуха, начинает действовать. Раздаются оглушительные громовые удары, сверкают огненные молнии; эти молнии прыгают, сливаются, мешаются, перекрещиваются, извиваются, как какие-нибудь змеи; масса паров накопляется. Крупинки града, ударяющиеся о наше оружие и инструменты, искрятся; волны высоко вздымаются и похожи на огнедышащие холмы, под которыми тлеет внутренний огонь; верхушки их словно окаймлены пламенем.

Я закрываю глаза; я ослеплен этим светом, я оглушен треском грома. Я держусь за мачту, которая гнется, как тростник.

(Тут мои путевые заметки становятся очень отрывочны. Краткость и неясность их свидетельствуют о том волнении, которое овладело мною, и характеризуют наше тогдашнее положение.)

Воскресенье, 23 августа. Где мы? Ураган мчит нас с ужасающей быстротой.

Какая ночь! Гроза не унимается. Шум, гром, треск непрерывные. У нас из ушей течет кровь. Нельзя сказать друг другу слова.

Молния вьющимися змеями падает вниз, мелькает, снова поднимается вверх и разбивается о гранитный свод.

Что как этот свод обрушится?

Я вижу, как молния раздваивается, как принимает форму огненных шаров, которые летят вниз, как бомбы.

Гром от этого не усиливается, потому что он уже перешел за пределы того, что может ощущать человеческое ухо. Взворвись все пороховые склады мира, мы и тогда не могли бы «услыхать сильнее».

Из облаков все изливается яркий свет. Электричество выделяется из них непрерывно; бесчисленные водяные столбы выбрасываются в атмосферу и, пенясь, снова летят вниз.

Куда несемся мы?

Дядюшка растянулся на конце плота и лежит неподвижно. Жар увеличивается. Я смотрю на термометр… (цифра стерлась.)

Понедельник, 24 августа. Когда же будет всему этому конец?

Мы совершенно разбиты, дядюшка и я, только Ганс бодр как всегда. Плот неизменно летит к юго-западу. Мы отнесены от острова Акселя больше чем на двести льё.

В полдень ураган разыгрывается еще пуще. Приходится крепко держать наш груз, а себя понадежней привязать канатами. Волны перескакивают через наши головы.

Уж три дня мы не имеем никакой возможности перекинуться хотя одним словом. Мы открываем рот, шевелим губами, но ни единого понятного звука не выходит. Даже говоря на ухо, невозможно ничего понять.

Дядюшка приблизился ко мне и выговорил несколько слов. Мне показалось, что он сказал:

– Мы погибли!

Я пишу ему:

– Спустим парус!

Он делает мне знак, что согласен.

Вдруг на краю плота показывается огненный круг.

Мачта и парус снесены, я вижу, как они поднимаются на изумительную высоту, как какие-нибудь птеродактили или другие фантастические птицы первобытного мира.

Нами овладевает ужас. Полубелый, полуголубой шар, величиною с десятидюймовую бомбу, медленно движется туда и сюда и вертится с необычайною быстротою в вихре урагана. Он перепрыгивает с места на место, вскакивает на мешок с провизией, слетает вниз, снова подскакивает, касается ящика с порохом. Ну, конец! нас сейчас взорвет!

Нет, нет. Огненный, ослепительный круг удаляется. Вот он приблизился к Гансу. Ганс его пристально, хладнокровно оглядывает. Круг приближается к дядюшке. Дядюшка падает на колени, чтобы от него уклониться; потом круг приближается ко мне. Я дрожу от ужаса. Он вертится, как волчок, около моей ноги. Я хочу поднять ее и не могу.

Атмосферу наполняет запах азотистого газа. Газ этот проникает в горло, в легкие. Мы просто задыхаемся.

Отчего я не могу сдвинуть ноги? Она точно привинчена к плоту. А! понимаю. Падение этого электрического шара на-

магнетизировало все железо, что па плоту; инструменты и оружие приходят в движение и ударяются друг о дружку с резким звуком, гвозди у меня на сапогах пристают к железной пластинке; я не могу отдернуть ноги!

Наконец мне удается это сделать в ту самую минуту, как шар, в своем вращательном движении, чуть-чуть не захватил ее и не увлек меня самого.

Ах, какой свет! Шар лопается. Нас покрывают струи пламени.

Затем все угасает. Я успеваю взглянуть на дядюшку, – он лежит в растяжку на плоту, а Ганс, весь объятый пламенем, стоит у руля.

Куда мы несемся? Куда?

Вторник 25-го августа. Я очнулся от продолжительного обморока. Гроза продолжается. Молнии мелькают, как клубы огненных змей.

Неужели мы все еще на море? Да, и несемся с невероятной скоростью! Мы проплыли под Англией, под Ла-Маншем, Францией, а быть может и под всей Европой!

Снова слышится гул! Очевидно, волны разбиваются о скалы!.. Но тогда…

На этом заканчиваются записи моего, как я его назвал, «корабельного журнала», который мне удалось спасти во время крушения. Буду продолжать свой рассказ.

Что произошло во время крушения плота, наскочившего

на подводные камни, я не могу сказать. Я почувствовал, что упал в воду; и если я избежал смерти, если тело мое не было разбито об острые утесы, то этим я обязан Гансу, который вытащил меня своей сильной рукой из пучины.

Мужественный исландец отнес меня подальше от набегавших волн на горячий песок, где я очутился рядом с дядюшкой.

Потом он вернулся обратно на скалистый берег, о который бились разъяренные волны, чтобы спасти что-нибудь из нашего имущества, уцелевшего от катастрофы. Я не мог говорить; я был разбит от волнения и усталости; мне понадобился целый час, чтобы прийти в себя.

Дождь лил как из ведра; дождь припустил еще пуще, но это последнее усилие предвещало конец грозы. Казалось, хляби небесные разверзлись, но мы укрылись от ливня под выступом скалы. Ганс приготовил обед, до которого я не дотронулся, потом мы все, измученные трехдневной бессонницей, погрузились в мучительный сон.

На следующий день погода была великолепная. Небо и море слились воедино. Не осталось и следов бури. Профессор радостно приветствовал меня, когда я проснулся. Он был необыкновенно весел.

– Ну, мой мальчик, – воскликнул он, – хорошо ли ты спал?

Как было не вообразить, что мы находимся в доме на Королевской улице, что я, как обычно, спускаюсь к завтраку, что нынче будет сыграна моя

свадьба с Гретхен?

Если б буря отбросила к востоку наш плот, так мы бы проплыли под Германией, под моим дорогим Гамбургом, под тою улицею, где жило все, что было мне дорого, что я любил. Тогда нас разделяли бы всего каких-нибудь сорок лье. Но сорок лишь по вертикальной гранитной стене, ведь это в сущности больше тысячи льё!

Все это быстро промелькнуло у меня в голове прежде, чем я ответил дядюшке.

– Что ж молчишь, Аксель? хорошо спал?

– Очень хорошо, дядюшка. Я, правда, чувствую себя несколько разбитым, но это пройдет.

– Разумеется, пройдет. Ты устал, вот и все.

– Вы, дядюшка, кажется, очень веселы?

– Весел! В восторге, мой друг, в восторге! Мы достигли наконец…

– Конца путешествия?

– Нет, не конца путешествия, а только конца моря. Теперь мы опять двинемся сухим путем и уж в самом деле начнем опускаться в недра земли!

– Дядюшка, позвольте мне вам задать один вопрос?

– Задай, Аксель, задай.

– Когда же мы воротимся из путешествия?

– А! ты думаешь уж о возвращении! Ведь мы еще не дошли до цели. Какое ж тут возвращенье?

– Мне хотелось бы знать, каким образом мы воротимся?

– Каким образом? Очень простым, мой друг. Как только мы дойдем до центра земли, то мы или отыщем новый путь на земную поверхность, или скромно воротимся прежней дорогой.

– Значит, надо исправить плот?

– Разумеется, надо.

– Ну, а провизия? Ведь ее ненадолго уж хватит.

– Это, конечно, правда, что ненадолго! Впрочем, Ганс парень ловкий и верно спас что возможно от крушения. Пойдем-ка туда, поразведаем.

Мы вышли из грота.

Я был уверен, что страшная буря уж расщепала весь плот и развеяла все, что только на нем было.

Но я ошибся.

На берегу мы увидали Ганса и около него весь наш багаж, уже расставленный в отличном порядке.

Дядюшка начал крепко тискать руки исландцу и наговорил ему всяких благодарностей.

Да, Ганс был человек удивительный. Пока мы спали, он целую ночь работал и с опасностью жизни спас драгоценные для нас вещи.

Разумеется, кое-что было потеряно, – например, оружие, но делать нечего – без этого мы еще могли кое-как обойтись. Порох остался цел и невредим.

– Ну что ж делать! – сказал дядюшка, – теперь пороху нет, значит мы можем не утомлять себя охотой.

– Хорошо, дядюшка. А инструменты?

– Вот манометр. Манометр – это главное! С помощью манометра я могу измерять глубину и узнаю, когда мы доберемся до центра. Пропади манометр, пропали бы и мы. Мы бы, пожалуй, и за центр земли зашли – к антиподам! Я ничего лучше этого не желаю!

Дядюшка говорил это самым довольным, веселым тоном.

– А компас цел?

– Цел и компас! Вот на скале лежит. И хронометр тут, и термометр. Да! удивительный, неоцененный парень этот Ганс!

Да, парень точно молодец. Все необходимое, действительно, было на лицо. Веревки, кирки, лопаты, лестницы в беспорядке были разбросаны на песке.

– Ну, а что провизия, цела? – спросил я.

– Увидим, увидим, – отвечал дядюшка.

Ящики с провизией стояли тут же на песке, в совершенной сохранности. Мы осмотрели их и нашли, что бисквитов, солонины, водки и сухой рыбы хватит еще месяца на четыре.

– Да мы в четыре-то месяца успеем и побывать у центра земли, и вернуться домой, – вскрикнул дядюшка, – хватит и еще останется! Можно будет остатками угостить гамбургских приятелей! Задам им всем обед на славу!

Ну, а пока суд да дело, марш завтракать! Надо запастись дождевой водою, а что касается до плота, то я поклонюсь Гансу, и он его исправит. Я, впрочем, не думаю, чтобы плот

нам теперь понадобился.

– Как не думаете, дядюшка?

– Так, не думаю, племянничек. У меня, видишь ты, шевелится в голове один замысел… Я думаю, что нам посчастливится пробраться новою дорогою.

– Новою дорогою?

– Да, новою… Ну, марш, завтракать.

Мы отправились на возвышеньице и отлично там позавтракали сухарями, сушеной говядиной и чаем.

За завтраком я спросил дядюшку, где мы теперь обретаемся.

– Кажется, это довольно трудно определить, – прибавил я.

– Определить точно действительно трудно, – отвечал дядюшка, – даже невозможно, потому что в эти три бурные дня я не отличал ни скорости, ни направление плота, но приблизительно вычислить можно.

– Ведь последние наблюдения были сделаны у острова Гейзера…

– У острова Акселя, мой друг. Ты уж не скромничай! Первый остров в глубине земли окрещен твоим именем и конец!

– Хорошо, дядюшка, это как вам угодно. Так до острова Акселя мы проплыли семьдесят миль и находились тогда в шестистах милях от Исландии.

– Да. Мы будем считать с этой точки и прибавим четыре дня бури, в продолжение которых мы летели со скоростью восьмидесяти миль в сутки.

– Так, значит, придется прибавить еще триста миль.

– Придется несомненно. Лиденброкское море простирается, значит, от одного берега до другого на шестьсот миль! Каково! Ведь потягается со Средиземным, Аксель, а?

– Потягается, дядюшка, особенно если мы его переплыли не вдоль, а в поперек.

– А это очень возможно!

– И вот что любопытно: если наши расчеты верны, так теперь именно над нашими головами Средиземное море!

– Неужто?

– Наверно, потому что мы уж находимся теперь в девятистах милях от Рейкиавика.

– Вот так хорошенький кончик мы сделали, дружище! Но находимся ли мы теперь под Средиземным морем, или под Турциею, или под Атлантическим океаном, все это зависит от того, уклонились мы или нет в сторону. Ведь во время плавания направление ветра не раз изменялось, и мы могли свихнуться незаметно.

– Нет, дядюшка, ветер, кажется, был очень постоянен. Я думаю, что этот остров лежит к юго-востоку от гавани Гретхен.

– Что ж, ведь в этом легко удостовериться, при помощи компаса, – ответил дядюшка. – Давай-ка сюда компас.

Дядюшка проворно направился к утесу, где Ганс разложил инструменты.

Как мой достолюбезный профессор был доволен и весел!

Он вертелся, подпрыгивал, потирал руки, принимал позы – одним словом, расходился, как юноша.

Дядюшка взял компас, поставил его горизонтально и начал наблюдать за стрелкою.

Стрелка после некоторых колебаний остановилась в одном положении.

Дядюшка поглядел, протер глаза, опять поглядел. Наконец, в изумлении обратился ко мне и на меня тоже посмотрел во все глаза.

– Что такое, дядюшка? Что случилось? – спросил я.

Он сделал мне знак взглянуть на компас.

Я вскрикнул от изумления.

Стрелка показывала север там, где мы предполагали юг! Она была обращена к берегу, а не к морю!

Я пошевелил компас, я тщательно осмотрел его. Он был в совершенной исправности. Какое я ни давал стрелке положение, она настойчиво опять принимала прежнее направление.

Дело было ясно: во время бури случился незамеченный нами поворот ветра и принес плот к тому самому берегу, который, по расчету дядюшки, должен был остаться позади нас.

XXXVII

Я не берусь изображать чувств достопочтенного профессора Лиденброка при этом открытии; никогда в жизни я не видывал подобного изумления сначала, а потом гнева.

Надо было снова совершать переезд и снова подвергаться тем же опасностям. Это и мне, признаться, было очень не по вкусу.

Дядюшка, однако, быстро овладел собою и тотчас же решил, что делать.

– А, вот как! – вскрикнул он. – Вот какие штуки выкидывает со мной судьба! Хорошо, хорошо! Стихии в заговоре против меня! Воздух, огонь и воды восстали и хотят меня усмирить! а, хорошо! увидим! Не на того, голубчики, напали! Я не уступлю! Я не отодвинусь ни на единую линию! Увидим, кто кого осилит, человек природу, или природа человека! Увидим, чей будет верх!

Он кричал это, стоя на утесе и я невольно уподобил его Аяксу, вызывающему богов на бой.

– Послушайте, дядюшка, – сказал я, – ведь есть всякому честолюбию предел на земле. Подумайте, посудите! Ведь пятьсот миль проплыть на плохом плотике из бревен не всегда можно безнаказанно. Мы ведь не можем управлять бурями и ураганами, и если рискнем еще раз на переезд, так ведь это будет чистейшее безумие! Согласитесь с этим!

Я минут десять приводил неопровержимые доводы, не получая в ответ возражений, – не получая потому, что профессор не слыхал ни одного слова моей речи.

Вдруг он вскрикнул, как одержимый:

– К плоту!

Вот тебе и ответ!

Напрасно я просил, молил, сердился, приходил в отчаянье – я встречал одну непоколебимую, неумолимую, железную волю.

Ганс как раз в эту минуту оканчивал поправку плота.

Ганс, казалось, отгадывал дядюшкины мысли. Он скрепил плот кусками суртарбрандура и уж на плоту развевался парус.

Дядюшка сказал Гансу несколько слов и тот сейчас же принялся укладывать багаж и готовиться к отплытию. Что же тут было мне делать, одному против двух? Оставалось одно – следовать за ними.

Я отправился к плоту, на свое место, но дядюшка остановил меня.

– Мы не сегодня отплываем, а завтра.

Я кивнул только головой в ответ. Я уж всему покорился.

– Уж коли судьба закинула меня на этот берег, – продолжал дядюшка, – так я им пренебрегать не стану и тщательно его исследую.

Дело в том, что хотя мы и приплыли назад, но мы приплыли не к месту нашего отъезда, а только к северным берегам

той же стороны. Порт Гретхен должен был теперь находиться от нас к западу.

Мы тотчас же принялись за осмотр и исследования. Ганс остался у плота.

Пространство между берегом моря и сплошной стеной было очень широко, по крайней мере на полчаса ходьбы.

Под ногами у нас трещало пропасть раковин всевозможных форм и величин, раковин, в которых жили животные первых времен. Иногда нам попадались громадные щиты гигантских глиптодонов после плиоценовой эпохи. От этих-то глиптодонов, по-моему, и произошли теперешние черепахи. Почва была усеяна невероятным количеством каменистых остатков, которые волны обкруглили, обточили и уложили рядами. Когда-то море, по всем вероятиям, наполняло все это пространство. На скалах были видны очень ясно его следы.

Это могло объяснить существованье океана на сорока милях под поверхностью моря.

Масса воды, надо полагать, просачивалась из океана, пробила себе проход в недрах земли и залила эту громадную пустоту. Теперь проход этот или закрылся, или эта пустота наполнилась водою в довольно короткое время. Быть может, вода эта, вследствие действия подземного жара, частью испаряется. От этого, может статься, происходит и то, что облака так спускаются над нашими головами, и разряжение элек-

тричества, которое производит бури внутри земли.

Мы пробирались по осадочным пластам, которые образовались отложениями воды, как и все пласты этого периода. Дядюшка наитщательнейшим образом исследовал каменные породы, заглядывал в каждую щелку.

Вдруг дядюшка вскрикнул:

– Аксель! Аксель! гляди, какое кладбище!

Да, перед нами точно было кладбище – гигантское, чудовищное кладбище! На протяжении трех квадратных миль лежали высокие груды костей.

Я был поражен. Дядюшка поднял даже глаза к небу. Но нас ожидало еще большее чудо.

– Аксель! Аксель! – опять вскрикнул дядюшка. – Человеческий череп! Человеческий череп!

– Человеческий череп! Что вы, что вы, дядюшка!

– Да, да, Аксель! да! А! Мильн Эдвардс? А Катрфаж! Если бы вы были на месте профессора Лиденброка!

XXXVIII

Это воззванье к вышеупомянутым ученым будет понятнее читателю, когда я скажу, что 28 марта 1863 г. во Франции, около Аббевиля, нашли человеческую челюсть на глубине четырнадцати футов под поверхностью земли. После этой челюсти нашли тоже каменные топоры.

Находка эта наделала большого шума не только во Франции, но даже в Англии и в Германии. Многие ученые, в том числе Мильн Эдвардс и Катрфаж, приняли горячее участие в деле. Они явились защитниками «процесса челюсти», как выражались англичане.

К геологам Соединенного королевства, тоже державшим сторону челюстей, Фальконеру, Бюску и Карпентеру присоединились германские ученые и мой достопочтенный дядюшка, профессор Лиденброк.

Дядюшка, разумеется, был самым горячим и восторженным сторонником этого дела.

Находка была уже признана, когда против этого восстал Эли де Бомон и поднялся сильный спор.

Спор этот длился очень долго и дядюшка в нем отличился на славу.

Возвращаюсь к прерванному рассказу:

Перед нами был не только череп, а целое человеческое тело. Или это особенного свойства почва, в роде той, которую

можно видеть на кладбище Сен-Мишель, в Бордо, сохранило его до такой степени? Зубы были совершенно целы, волосы тоже.

– Как попал сюда этот скелет, дядюшка? – спросил я. – Провалился в трещину, что ли?

– Не шути этими вещами, Аксель! – ответил строго дядюшка.

XXXIX

Целых полчаса мы попирали ногами груды костей.

Какие чудеса ожидали еще нас?

Предприимчивый и отважный дядюшка все увлекал меня вперед.

Мы прошли с милю, и вдруг перед нами открылась опушка громаднейшего леса.

Но это уж не был лес грибов, а растительность третичной эпохи во всей своей роскоши. Огромные пальмы, великолепнейшие сосны, чудеснейшие тисы, кипарисы, были перепутаны плетеницей роскошных лиан. Почву сплошь покрывал мягкий, как пух, ковер мха и печеночника. Под сводами ветвей журчали кое-где ручьи; по берегам этих ручьев росли древовидные папоротники.

Но всем этим деревьям, кустарникам, растениям, не доставало цвета. То была не зелень, веселящая взоры человека, а однообразная коричневатая, словно вылинявшая, масса растительности. Даже цветы были без цвета и запаха.

Дядюшка шел, да шел вперед.

– А что если тут мы встретим какого-нибудь допотопного зверка? – пришло мне в голову. – Коли есть лес, могут быть и его обитатели!

И вдруг мне представилось, что между деревьями двигаются какие-то тени. Приглядываюсь – да, точно!

Допотопные слоны, мастодонты мелькали перед моими глазами.

– Что ж ты стал, Аксель? – вскрикнул дядюшка. – Иди ж вперед!

Этот возглас привел меня несколько в себя.

– Дядюшка, я не пойду вперед! – пробормотал я. – Нет, не пойду! Ведь мы совершенно безоружны!

– Полно, полно! Какой же ты, однако, трус!

– Трус! да вы поглядите! Видите?

– Ничего не вижу!

– Ах! ах! вон человек! Живой человек! Допотопный! Господи! какая громада! Он гонит мастодонтов! Видите! видите!

– Что ты, Аксель! опомнись, дружище! Ты нездоров верно! Приди в себя! Дай руку!

Дядюшка вывел меня из лесу и я, мало-помалу, пришел в себя; допотопные видения исчезли и я успокоился.

Мы снова вернулись к Лиденброкскому морю.

Хотя я был убежден, что иду по девственной почве, по которой никогда еще не ступала нога человеческая, однако некоторое расположение скал напоминало мне гавань Гретхен. Такие же точно ручьи и водопады летели с утесов. Временами мне казалось, что вот и груды суртарбрандура, и наш верный путеводитель Гансбах.

Дядюшка тоже начинал оглядываться с некоторым сомнением.

– Дядюшка, – сказал я, – мы пристали недалеко от гавани Гретхен, это очевидно! Мне кажется, что если проплывем немножко вдоль берегов, так мы попадем в этот порт!

– Коли так, так нечего и продолжать исследований, а надо воротиться. Да ты еще, может, ошибаешься?

– Нет, должно быть, не ошибаюсь. Посмотрите-ка: вот мыс, где Ганс строил плот! Мы подле гавани, дядюшка! Поглядите вон туда, – она и есть!

– Ошибаешься, Аксель, ошибаешься, мой друг. Мы нашли бы свои следы, а тут ничего нет, я ничего не вижу.

– А я вижу! – вскрикнул я.

И с этим восклицанием бросился поднимать блестящую на песке вещь.

Это был кинжал.

– Что это такое? – спросил дядюшка.

– А вот что!

Я показал ему свою находку.

– Ба! так ты брал с собой и кинжал?

– Нет, я не брал. Я думал, что вы брали.

– Я тоже не брал. У меня отроду такого кинжала не было.

– А у меня и подавно.

– Верно, Ганс потерял. Исландцы часто употребляют такое оружие.

– Ганс потерял? Ну нет! Не думаю, дядюшка. У Ганса, кажется, кинжала такого не было. Знаете что, дядюшка? Не допотопное ли это оружие, а? Да нет! оно стальное!

– Погоди, Аксель, погоди! Не заносись. Слушай: это оружие XVI века, один из тех кинжалов, которыми дворяне прирезывали своих врагов. Смотри: кинжал так зазубрен не оттого, что часто погружался в человеческое горло! А лезвие его покрыто слоем ржавчины, которая наросла не в один день, не в один год, даже и не в одно столетие. Послушай, Аксель! мы на пути к великому открытию. Это лезвие лежит здесь на песке сто, двести, триста лет и зазубрилось о камни подземного моря!

– Да как оно сюда попало, дядюшка? Ведь не само же оно сюда прилетело, не само зазубрилось и искривилось! Кто-нибудь уж побывал здесь прежде нас!

– Да здесь побывал человек прежде нас!

– Кто такой?

– Он, верно, вырезал свое имя этим кинжалом на скале! Ищи, ищи, Аксель!

Дядюшка кинулся к стене, с жадностью впился глазами в нее и пошел потихоньку, в чаяньи открыть вырезанное имя.

Мы таким образом дошли до того места, где берег суживался и море почти касалось подошвы передних гор, оставляя между ними проход не шире сажени. Между двумя вершинами утесов разверзался вход в узкий, темный туннель.

Тут, на гладком, блестящем граните виднелись две таинственные буквы, на половину уже стершиеся, – две начальные буквы имени отважного фантастического путешественника.

– A. S.! – вскрикнул дядюшка. – Арн Сакнуссем! Везде Арн Сакнуссем!

XL

Я столько уже раз удивлялся, изумлялся во время этого путешествия, что пора было и потерять эту способность, однако, увидав буквы, вырезанные на граните триста лет тому назад, я был поражен.

Как тут сомневаться еще? Ведь они, эти буквы, были перед моими глазами! Ведь кинжал, которым их вырезывали, был у меня в руках!

Дядюшка между тем восторженно восклицал:

– О гений! О, великий, великий гений! Ты показал путь к знанию и славе! Я последую по стопам твоим! Я тоже вырежу имя свое под гранитною страницею! Пусть же с этой минуты мыс, который ты видел отсюда возле моря, тобой открытого, носит на вечные времена имя Сакнуссема, – твое имя!

Эти слова привели меня в такой восторг, что я забыл все трудности, мученья и опасности и вскрикнул, как обожженный:

– Вперед! вперед!

И ринулся к темному туннелю. Но дядюшка удержал меня.

– Погоди, – сказал он, – прежде пойдем скажем Гансу, что надо привести плот сюда и поможем ему в этой работе.

Я повиновался, и мы быстро начали пробираться по береговым утесам.

– Знаете, дядюшка, – сказал я, – что нам до сих пор обстоятельства удивительно как благоприятствовали!

– А! ты находишь, Аксель?

– Еще бы не находить! Даже буря, и та привела нас к открытию! благословенная буря! Не будь ее… Мы бы пристали к южным беретам и тогда уж имени Сакнуссема нам бы не видать, как своих ушей!

– Да, Аксель, это очень вышло хорошо, что мы плыли к югу, а попали к северу! Очень хорошо! И именно приплыли к мысу Сакнуссем! Тут просто что-то кроется, какое-то чудо…

– Чудо так и чудо, дядюшка. И надо им воспользоваться.

– Разумеется, мой друг, разумеется!

– Мы, значит, теперь предпримем путь на север. Мы теперь пройдем под северными странами Европы, под Швецией, Россией, потом под Азией, Сибирью, а не углубимся под пустыни Африки или под волны океана! Отлично! отлично!

– Отлично, Аксель, твоя правда! Пора оставить это горизонтальное море, – оно никуда не приведет. Начнем теперь спускаться, спускаться и спускаться. Ты знаешь ли, что до центра земли остается только полторы тысячи миль!

– Только полторы тысячи? Ну это такие пустяки, что и толковать о них не стоит! В путь! в путь!

У Ганса все было готово к немедленному отплытию. Мы сели на плот, подняли парус и направились к мысу Сакнуссем.

Ветер был не благоприятный для нашего плаванья, а потому нам в некоторых местах приходилось подвигаться с помощью палок с железными наконечниками.

– Да! – вскрикнул дядюшка. – Как он прошел? Может, его тоже остановила эта каменная глыба?

– Нет, нет! Эта часть галереи вероятно закрылась вследствие какого-нибудь толчка, вследствие какого-нибудь явления, которое поколебало земную кору! Верно, Бог знает, сколько лет прошло между возвращеньем Сакнуссема и паденьем экой глыбы! Тут верно в былые дни текла лава, то есть расплавленные вещества свободно тут проходили, Поглядите-ка вот на эти недавние трещины, что бороздят гранитный потолок; обратите вниманье, что этот потолок образовался из разных каменных глыб. В один прекрасный день воспоследовал какой-нибудь толчок, и одна глыба скатилась и заградила ход. Это препятствие случайное. Неужто мы его не преодолеем, дядюшка?

Я сам не знал, что со мной делалось. Казалось, что душа достопочтенного профессора Лиденброка перешла в мое тело. Я жаждал открытий, – открытий, – открытий. Я забывал прошедшее, я презирал будущее.

– Ладно, ладно, – сказал дядюшка. – Попробуем опрокинуть эту глыбу ударами заступа.

– Заступом тут ничего не поделаешь! – вскрикнул я.

– Так как же быть?

– Пустим в дело порох, дядюшка, и взорвем ее.

– Порох!?

– Да, порох! Ведь надо же разбить… Ведь надо?

– Ганс! за работу, дружище! – крикнул дядюшка.

Ганс принес кирку и выдолбил яму для мины.

Работа была не легкая. Надо было сделать такое углубление, в которое бы вошло пятьдесят фунтов гремучей хлопчатой бумаги, которой сила в четыре раза превосходить силу пороха.

Пока Ганс работал, я помогал дядюшке приготовлять длинный полотняный фитиль, который мы набили порохом.

– Ну, теперь пройдем, – говорил я.

– Теперь пройдем, – повторял дядюшка.

В полночь мина была готова. Достаточно было одной искры, чтобы произвести взрыв.

– До завтра! – сказал дядюшка.

Нечего делать, надо было покориться и ждать еще целых шесть часов!

XLI

Памятен мне остался следующий день, четверг 27 августа.

В шесть часов утра мы уже были на ногах.

Я просил, чтобы дядюшка позволил мне зажечь мину и получил на это согласие. Мы условились таким образом, что я зажгу фитиль и тотчас же возвращусь к дядюшке на плот.

Мы плота и не разгружали, чтобы тотчас же пуститься в море. Этим маневром мы хотели избавиться от опасностей, которыми мог сопровождаться взрыв.

По нашим расчетам фитиль должен был гореть десять минут, значит, я имел время добраться благополучно до плота.

Я не без волнения приготовлялся исполнить эту задачу.

Мы наскоро пообедали, дядюшка и Ганс пошли к плоту, а я остался на берегу.

У меня был зажженный фонарь.

Уходя, дядюшка крепко пожал мне руку и сказал:

– Ну, справляйся и приходи поскорей!

– Будьте спокойны! – отвечал я: – забавляться не стану!

Я отправился к отверстию галереи, открыл фонарь и взял конец фитиля.

Дядюшка стоял на плоту с хронометром в руках.

– Готов? – крикнул он мне.

– Готов!

– Так зажигай же!

Я быстро поднес к огню фитиль.

Фитиль тотчас же затлелся, и я рысью пустился к берегу.

– Садись, садись! – кричал дядюшка. – Садись! Надо отчаливать!

Ганс с силою оттолкнул плот от берега. Мы быстро отплыли сажень на двадцать.

Все мы были порядком взволнованы. Дядюшка следил глазами за стрелкою хронометра.

– Еще пять минут! – говорил он. – Еще, четыре! Еще три! Еще две! Одна! Обрушивайтесь же, гранитные скалы, обрушивайтесь!

Что было дальше – я не знаю; слышал ли я гром взрыва – не помню. Я видел только, как мгновенно изменилась форма скал, как они раздвинулись, словно занавесь, вперед моими глазами развернулась бездонная пропасть, как море замутилось, закрутилось, словно от вихря, и вздулось в одну чудовищную волну, которая подняла наш плот и поставила его совершенно вертикально.

Мы все трое упали. В то же самое мгновение свет исчез и наступила самая глубокая, страшная тьма.

Я чувствовал, что нигде прочной опоры нет. Я хотел сказать что-нибудь дядюшке, но рев волн заглушал слова.

Несмотря на весь мой ужас, я, однако, очень скоро сообразил, что такое с нами случилось.

За взорванной скалой была пропасть. Взрыв произвел нечто вроде землетрясения. Пропасть разверзлась и море,

превратившись теперь в поток, увлекало нас именно в эту пропасть.

Мы погибали.

Прошел час, два, три – не знаю сколько. Мы крепко держались друг за друга, чтобы не слететь с плота. Когда плот ударился о стены пропасти, толчки были ужасные.

Удары эти, однако, случались редко, и я из этого заключал, что галерея значительно расширялась.

Если только Сакнуссем действительно побывал у центра земли, то он непременно шел этим путем.

Мы были несчастнее его тем, что увлекли за собою целое море.

Все эти соображенья были у меня неясны, сбивчивы. Да и не мудрено. Страшное падение превосходило быстроту самых быстрых паровозов. При таких условиях зажечь факел не было никакой возможности, а наш последний прибор разбился во время взрыва.

Вдруг свет блеснул около меня.

Откуда он?

Ганс ухитрился таки зажечь фонарь. Пламя только мерцало и чуть не гасло, но все-таки бросало кое-какие лучи среди этой ужасной тьмы.

Галерея была широка, но мы не могли рассмотреть следов пропасти при таком слабом освещении. Паденье воды, увлекавшей нас Бог весть куда, было сильнее падения самых быстрых американских потоков. Это паденье можно было

уподобить множеству соединенных между собою стрел, пущенных из самого сильного лука. Я не могу прибрать лучшего сравненья. По временам наш плот подхватывали водовороты, и он спускался тогда, кружась как волчок.

Когда плот приближался к стенам галереи, я наводил на них мерцающий свет фонаря и мог судить по выступам скал о скорости нашего плаванья. Скалы эти мелькали так часто, что представляли как бы одну непрерывающуюся линию. Я полагаю, что мы двигались со скоростью тридцати миль в час.

Мы с дядюшкой прижались к обломку мачты. Теченье воздуха было так сильно, что мы просто боялись задохнуться и припадали ртами к тому же мачтовому обломку.

Проходили целые часы. Положенье наше нисколько не изменялось. Вдруг еще стряслась новая беда.

Большая часть наших вещей исчезла во время взрыва. Я хотел определить, что именно, и стал осматривать все при свете фонаря.

Из инструментов у нас уцелели только компас и хронометр; от всех веревок и лестниц сохранился только обрывок каната, которым был обвернут обломок мачты. Кирка, заступ, молот – все это исчезло.

Но самое ужасное было то, что погибла почти вся наша провизия. Мы могли пропитаться тем, что уцелело, только один день.

Я шарил везде, – нет, напрасно! Несколько сухарей и ку-

сочек солонины – вот и все.

Я хотел было сообщить это дядюшке, да подумал к чему его мучить прежде времени? и промолчал.

В это самое время, свет фонаря начал ослабевать, ослабевать и наконец совершенно погас. Фитиль догорел до конца, настала непроницаемая тьма.

Я закрыл глаза и прижался покрепче к мачте.

Спустя некоторое время скорость нашего движения еще усилилась. Я это заметил по более сильному теченью воздуха, который бил мне в лицо. Паденье воды делалось еще круче. Мы теперь просто-напросто падали и падали, как мне казалось, вертикально.

Дядюшка и Ганс ухватились за меня руками, чтобы я не слетел.

Вдруг я почувствовал какой-то толчок. Плот не ударился о твердое тело, а просто внезапно остановился. Водяной смерч упал на его поверхность. Я захлебнулся. Я начал тонуть.

Однако это внезапное наводненье длилось недолго. Через несколько секунд я всеми легкими вдыхал уже воздух.

Дядюшка и Ганс сжимали мне руки, как в тисках. Плот быстро мчал нас.

XLII

Было, я думаю, около десяти часов вечера. Я услыхал слова дядюшки:

– Мы поднимаемся!

– Что вы хотите этим сказать? – вскричал я.

– Мы поднимаемся! поднимаемся!

Я вытянул руку и пощупал стены; рука моя вся покрылась кровью. Мы поднимались с ужасающей быстротою.

– Факел! факел! – вскрикнул дядюшка.

Гансу кое-как удалось зажечь факел. Пламя раздувалось сверху к низу, вследствие восходящего движения, но все-таки посветлело.

– Так и есть! – вскрикнул дядюшка, – так и есть! Мы в узком колодце, сажени четыре в диаметре. Вода доходит до дна пропасти, поднимается к своему уровню и поднимает нас с собою!

– Куда?

– Не знаю куда. Но надо быть ко всему наготове. Мы поднимаемся, коли я не ошибаюсь, со скоростью двух сажень в секунду, то есть сто саженей в минуту или слишком трех с половиною миль в час. Можно далеко так уйти!

– Да, можно, если ничто не остановит, если есть выход из этого колодца. А если выхода нет? Если воздух сжимается мало-помалу под давлением водяного столба? Если мы бу-

дем раздавлены?

Дядюшка ответил мне очень спокойно:

– Аксель, положенье наше отчаянное, это правда, но все-таки можно рассчитывать и на спасенье. Мы каждую секунду можем погибнуть, но можем каждую секунду и спастись. Будем же наготове, чтобы иметь возможность воспользоваться самомалейшими благоприятными обстоятельствами.

– Да что ж делать?

– Прежде всего подкрепить силы, – закусить.

– Закусить? – повторил я.

– Да, немедленно.

Дядюшка сказал Гансу несколько слов по-датски.

Ганс покачал головою.

– Что? – вскрикнул дядюшка, – провизия погибла?

– Да, дядюшка. Вот все, что осталось на всех нас.

Дядюшка поглядел на меня, словно не понял.

– Ну что ж, дядюшка, вы и теперь еще скажете, что есть надежда спастись?

Он не ответил.

Прошел час. Я начинал чувствовать сильный голод. Дядюшка и Ганс тоже страдали, но никто из нас не осмеливался дотронуться до жалких остатков уцелевшей провизии.

Мы продолжали подниматься все с тою же ужасающею быстротою. Временами воздух мешал нам дышать, как это случается с воздухоплавателями при чересчур быстром восхождении.

Но воздухоплаватели ощущают вместе с тем холод, по мере того, как поднимаются в высшие атмосферные слои, а с нами происходило совершенно противное. Жара все усиливалась и начинала не на шутку нас мучить. Она доходила, по-моему, градусов до сорока.

Что означала подобная перемена? До сих пор факты все подтверждали теорию Деви и профессора Лиденброка, до сих пор особенные условия, в которых находились каменные породы, электричество и магнетизм изменяли общие законы природы, то есть делали температуру умеренной, но вот теория центрального жара доказывается таки на деле. Да, так оно и есть!

– Дядюшка, – сказал я, – если мы не потонем и не разобьемся вдребезги, не помрем с голоду, то мы будем сожжены живыми.

Дядюшка только пожал плечами в ответ и опять впал в прежнее раздумье.

Прошел час. Температура слегка возвысилась.

Дядюшка наконец прервал молчанье:

– Надо на что-нибудь решиться! – сказал он.

– Решиться? – повторил я.

– Ну да! Надо подкрепить силы. К чему мы станем беречь этот кусок мяса? Нам, может, очень скоро понадобится вся наша энергия. Если мы ослабеем, так…

– Съедим последний кусок, так уж ничего не останется! – сказал я.

– Ну и не останется, Аксель, что ж из этого? А какой же толк глядеть на этот кусок и мучиться? Ты рассуждаешь, как мальчик, у которого нет ни воли, ни энергии! Ты отчаиваешься…

– А вы не отчаиваетесь? – вскрикнул я.

– Нет! – твердо ответил профессор.

– Как? Вы все еще верите, что есть возможность спастись?

– Да, верю. И пока бьется в человеке сердце, пока живет его тело, он не должен отчаиваться. Отчаиваются только трусы!

– Что ж вы думаете делать?

– Съесть этот кусок мяса и сухари. Это будет последний наш обед, но мы по крайней мере подкрепимся.

– Хорошо! съедим! – вскрикнул я.

Дядюшка взял остатки провизии и разделил их на три ровные части. Каждому из нас досталось около фунта пищи.

Профессор поглотал свою порцию с жадностью, даже с некоторою лихорадочностью, я ел без всякого удовольствия, – даже могу сказать с отвращением, хоть и был страшно голоден, а Ганс спокойно, умеренно, тихонько, разжевывая маленькие кусочки и наслаждаясь каждым с безмятежностью человека, которого нисколько не тревожат заботы о будущем.

Порывшись, исландец нашел фляжку с водкой и попотчевал нас.

Эта благодетельная влага несколько оживила меня.

– Fortrafflig! – сказал Ганс.

– Отличная! – подхватил дядюшка.

Было пять часов утра.

Каждый из нас молча предался своим размышлениям.

Не знаю, о чем думал Ганс, а я вспоминал о подлунном мире, о своей дорогой Гретхен. Зачем понесло меня в это путешествие? Я бы теперь отдал год жизни за то, чтобы сидеть дома, на Королевской улице, в Гамбурге.

Дядюшка не долго посидел на месте. Он схватил факел, принялся разглядывать земные пласты и, казалось, старался определить по их расположению и составу, где мы находимся.

Он что-то бормотал, и я невольно начал вслушиваться.

– Гранит огненного происхождения. Хорошо. Мы еще в первозданных пластах. Но ведь мы быстро поднимаемся вверх! Мы быстро поднимаемся вверх! Вот гнейс, вот слюдистый сланец! Хорошо: скоро начнутся пласты переходной эпохи!

Между тем температура понемногу все возвышалась. Я решительно весь вымок в этой жгучей атмосфере. Ее можно было сравнить с жаром, выходящим из плавильной печи во время плавки металлов. Дядюшка, Ганс и я были принуждены снять с себя все платье: самое легкое одеянье становилось невыносимо.

– Мы, верно, поднимаемся по металлам! – вскрикнул я.

– Нет, – ответил дядюшка, – этого быть не может.

– Однако стена накалена! – сказал я, – прикасаясь рукой к стене.

И тут же я нечаянно дотронулся до воды.

– Кипяток! – вскрикнул я.

Дядюшка ничего не ответил, только его всего передернуло.

С этой минуты мною овладел величайший ужас. Воображение рисовало мне самые страшные сцены.

При тусклом свете факела я замечал беспорядочное движенье в гранитных слоях; очевидно, готовилось какое-то явление, в котором играло роль электричество.

Я взглянул на компас.

Но компас вертелся!

XLIII

Да, вертелся. Стрелка перепрыгивала от одного полюса к другому и бегала по всему кругу, точно круговая овца.

Я знал, что все авторитетные теории допускают, что земная кора никогда не бывает в безусловном покое. Изменения, происходящие от разложения внутренних слоев, движение больших потоков жидкостей, действие магнетизма, – все это беспрестанно стремится колебать ее.

Впрочем, одно это явление не испугало бы меня до такой степени.

Меня смущали другие явления, другие факты. Взрывы слышались все чаще и чаще; они походили на стук и шум множества телег, которые летят во всю прыть по мостовой. Этот гром раздавался беспрерывно.

Компас вертелся все под влиянием электричества, что еще больше убеждало меня, что дело не ладно. Земная кора готова была лопнуть, гранитные массы готовы были соединиться, трещины готовы были сплотиться, пустоты и пропасти – наполниться, а мы, жалкие атомы, ожидали каждую секунду гибели.

– Дядюшка, мы пропали! – вскрикнул я.

– Опять ты приходишь в ужас? – ответил он с величайшим спокойствием. – Что с тобою?

– Как что со мною? Да вы обратите только внимание, как

шатаются эти глыбы! Чувствуете, каков жгучий жар?

Видите, как кипит вода? Видите, наконец, как мечется магнитная стрелка! Чего ж вам еще? Все признаки землетрясенья!

– Землетрясенья? – повторил дядюшка.

– Да, да!

– Я полагаю, что ты ошибаешься, мой друг.

– Да разве вы не узнаете этих признаков?

– Признаков землетрясения? Нет, Аксель. Я ожидаю кое-чего лучшего.

– Чего ж это лучшего?

– Извержения, Аксель.

– Извержения? Так мы, значит, в жерле действующего вулкана!

– Я так полагаю, мой друг, и если я не ошибаюсь, то это великое счастье!

– Как счастье? – вскрикнул я. – Мы попали в вулканическое изверженье и это счастье! Нас бросило на дорогу расплавленной лавы, накаленных скал, кипящей воды и всех извергаемых материй, и вы называете это счастьем?! Нас будет двигать, коверкать и мы наконец вылетим с обломками свал, в дожде пепла и шлака, в огне и пламени! И это, по-вашему, счастье?

– Да, мой друг, это большое счастье. Это единственное средство возвратиться на поверхность земли.

Я не смогу рассказать, что я в эту минуту перечувствовал;

словами этого не передать.

Мы все, между тем, поднимались. Так прошла вся ночь. Шум все увеличивался. Я почти задыхался. Я думал, что уже наступал мой последний час.

Да, ясно было, что мы попали в поток вулканического извержения; под плотом кипела вода, а под водой клокотал слой лавы.

Да, мы были в жерле вулкана.

Но на этот раз мы попали вместо потухшего Снеффельса, в действующий вулкан.

Какой же это вулкан и в какую часть света вышвырнет он нас?

Вероятно, в северные страны.

Компас, с той самой минуты, как начал вертеться, нисколько не изменился. Мы, начиная от самого мыса Санкусема, все мчались к северу.

Может, мы возвратились под Исландию? Выбросит нас из кратера Геклы, или из других огнедышащих гор острова?

Я находил в этой параллели, на пространстве пятисот миль к западу, только мало известные вулканы на северо-западном берегу Америки. К востоку, под восьмидесятым градусом широты, есть только один, Эск, на Ян-Майен, не далеко от Шпицбергена.

В кратерах-то недостатка не было.

К утру мы начали подниматься еще быстрее. Жар увеличился, но уж это происходило от вулканических местных

влияний.

Нас толкала страшная сила нескольких сот атмосфер, сила от скопившихся в центре земли паров.

Вертикальная наша галерея начала расширяться и в нее стал проникать тусклый свет. Я увидал по обеим сторонам глубокие воронки, похожие на громадные туннели; из этих воронок вылетали густые пары и пламя.

– Дядюшка, дядюшка! поглядите! – вскрикнул я. – Что ж, это серное пламя, Аксель, – вещь самая естественная при извержении.

– А если это пламя охватит нас?

– Никогда не охватит, мой друг.

– А если мы задохнемся?

– Не бойся, не задохнемся. Галерея, видишь сам, расширяется. Коли понадобится, так мы бросим плот и приютимся в какой-нибудь расщелине.

– А вода?

– Воды уже больше нет, Аксель. Теперь подняли нечто вроде теста из лавы, это тесто и поднимает нас до вершины кратера.

Действительно жидкий столб исчез, и его заменила пустая кипящая материя. Температура делалась просто невыносимой; термометр показал бы здесь больше семидесяти градусов. Я весь обливался потом. Но, если бы мы не подымались так быстро, мы бы наверное задохнулись.

– Что это? – вскрикнул я, почувствовав сильный толчок

в плот.

– Остановка, – отвечал дядюшка.

Плот точно остановился.

– Что ж это значит, дядюшка? – спросил я. – Утихает изверженье, что ли?

– Нет, надеюсь, что не утихает!

Я приподнялся и стал оглядываться во все стороны.

Может быть, плот зацепился за выступ скалы?

Ничего подобного не было. Остановилась вся масса пепла, шлака и каменистых обломков.

– Дядюшка! изверженье верно остановилось! – вскрикнул я.

– А! ты опять боишься, мой друг! – отвечал дядюшка. – Успокойся: задержка эта не может долго продолжаться. Прошло уж пять минут. Увидишь сам, что мы очень скоро опять станем подниматься.

Дядюшка был прав. Скоро плот снова начал двигаться. Движенье это продолжалось минуты две, затем опять остановилось.

– Ничего! – сказал дядюшка: – через десять минут опять пойдет!

– Через десять минут?

– Да. Мы имеем дело с вулканом, в котором происходит изверженье. Он и сам отдыхает, и нам позволяет тоже отдыхать.

Это было совершенно справедливо. Ровно через десять

минут мы начали опять подниматься вверх с чрезвычайною быстротою. Надо было крепко накрепко держаться за бревна, чтобы не слететь с плота.

Сколько раз я потом вспоминал это ужасное путешествие!

Но я никогда не мог его себе хорошенько объяснить. Мне кажется, впрочем, несомненным то, что мы поднимались не по главному жерлу вулкана, а по одному из боковых проходов, в котором чувствовалось отражательное действие.

Не могу точно сказать, сколько раз повторялись остановки. Знаю только, что всякий раз после них мы поднимались с возрастающей силой и неслись, как пущенная бомба.

Во время этих остановок мы задыхались, а при движении жгучий воздух захватывал дыханье.

Мне стало наконец невмоготу, я совсем одурел, обезумел. Мне начали представляться видения полярных стран. Я гулял где-то по необозримым снегам и льдам. Голова моя все более и более кружилась. Не будь около меня Ганса, я бы сто раз разбил себе череп о гранитные стены.

Я только смутно, очень смутно помню о том, что было с нами в последние часы. Раскатывались беспрерывно громы, земная кора постоянно сотрясалась, плот наш кругообразно летел по волнам пенящейся лавы, под пепельным дождем, подземные огни раздувались точно ураганами. В последний раз мелькнула предо мной фигура Ганса в огненном блеске пожара, и мной овладел ужас, – то замиранье, которое испытывают привязанные к жерлу пушки преступники в ту ми-

нуту, когда раздается выстрел, разрывающий их на части.

XLIV

Когда я открыл глаза, я увидел, что Ганс крепко обхватил меня одной рукой, а дядюшка другой.

Я не был опасно ранен, но чувствовал себя совершенно разбитым.

Я осмотрелся кругом. Я лежал на скате горы, в двух шагах от пропасти, в которую мог свалиться при малейшем движении.

Ганс спас меня в ту самую минуту, когда я катился по склону кратера.

– Где мы? – спросил дядюшка.

Он, кажется, был очень недоволен тем, что мы вернулись на поверхность земли.

Ганс только пожал плечами, – дескать: не знаю.

– В Исландии, – сказал я.

– Ney, – возразил Ганс.

– Как нет? – вскрикнул дядюшка.

– Мы в Исландии, – сказал я, вставая, – Ганс ошибается.

После стольких неожиданных случайностей, которыми наше путешествие было преисполнено, все-таки еще приходилось удивляться. Я ожидал увидать вершину, покрытую ослепительными снегами, среди бесплодной северной пустыни, освещенной бледными лучами полярного солнца, но вместо того, мы очутились на склоне горы до того нака-

ленной, что нас просто пекло.

Я не хотел верить своим глазам, но пекло так, что я скоро перестал сомневаться.

Мы вышли из кратера полунагие, и солнце, которого мы не видали целые два месяца, ослепило нас своим сиянием.

Когда глаза мои попривыкли несколько к свету, я стал разглядывать, где мы.

– Не похоже на Исландию! – сказал дядюшка.

– А на остров Ян-Майен тоже не похоже? – спросил я.

– Нет, мой друг. Это вовсе не северный вулкан!

– Однако, дядюшка…

– Смотри, Аксель, смотри!

Над нашими головами, всего в пятистах, может, футах расстояния от нас, открывался кратер вулкана, из которого, через каждые четверть часа, вылетал, с сильным громом, высокий огненный столб пемзы, пепла и лавы. Я чувствовал судорожное движенье земной коры, которая дышала, словно кит и по временам выбрасывала огонь из своих огромных дыхал. Внизу, по довольно крутому скату, расстилались, на протяжении семи или восьмисот футов, изверженные материи. Высота вулкана не превышала трехсот сажень. Основание его тонуло в чаще зеленых деревьев; между этими деревьями я различил оливковые и финиковые; различил и виноградные кусты, на которых висели тяжелые розоватые кисти.

Тут, разумеется, мало было сходства с северной страной.

Когда мне удавалось взглядом проникнуть за зеленеющую

цветущую стену, я видел какое-то чудесное море или озеро. Воды его со всех сторон окружали эту землю, представлявшуюся островом. К востоку виднелись домики, а за ними небольшая гавань; в этой гавани, на голубых, сверкающих волнах качались суда очень оригинальной формы. Еще далее рисовались многочисленные группы островков, похожих на обширный муравейник. На западе, на горизонте виднелись отдаленные берега; на этих берегах местами поднимались голубые горы, а еще подальше возвышался высокий, с дымящейся вершиной, конус. На севере сверкала и переливалась, под яркими лучами солнца, громаднейшая водная равнина, на которой кое-где мелькали верхушки мачт или натянутый парус.

– Где мы? Где мы? – повторял я.

Невозмутимый Ганс равнодушно закрывал глаза, а дядюшка глядел в оба и ничего, казалось, не понимал.

– Какая бы это гора ни была, – сказал наконец достопочтенный профессор, – на ней немножечко жарко. Сотрясения не уменьшаются и, по-моему, право, не стоит подставлять голову под летящие камни. Спустимся мы с горы и посмотрим, что делать и как быть. Я умираю от голода и жажды.

Спуск был очень крут, и мы катились по грудам горячего пепла, тщательно уклоняясь от потоков лавы, которые шипели и извивались, точно огненные змеи.

– Мы в Азии! – вскрикнул я, – ей Богу в Азии, на берегах

Индии, на Малайских островах, в Океании! Мы прошли весь земной шар и очутились у антиподов Европы!

– Но компас? – заметил дядюшка.

– Компас? Компас, значит ошибся дядюшка! Если верить компасу, так мы все стремились к северу.

– Значит, компас ошибся, ты говоришь?

– Да, дядюшка, ошибся.

– Если только не северный полюс, Аксель?

– Полюс? Нет… Но…

Я не знал, как тут объяснять и замолк.

Мы, между тем, все приближались к равнине. Меня тоже страшно томила жажда и голод.

Наконец, после двухчасовой ходьбы, мы увидали хорошенькую деревеньку, тонувшую в оливковых и гранатных деревьях и в виноградных кустарниках.

Что за невыразимое наслаждение было поесть свежего сочного винограда!

Не вдалеке, под деревьями, журчал ручей, и мы освежили в нем руки и лицо.

Пока мы сидели, отдыхая в чаще оливковой роще, показался мальчик.

– А! вот обитатель этой блаженной страны! – вскрикнул я.

Мальчик этот был на вид нищий; одежда на нем была самая жалкая, сам он казался болезненным. Кажется, мы его порядком напугали, потому что он, увидав нас, сначала приостановился, а потом обернулся назад и кинулся бежать.

Ганс скоро догнал его и привел к нам, как он ни бился у него в руках, силясь вырваться.

Дядюшка успокоил юного незнакомца и спросил у него по-немецки:

– Как называется эта гора, дружок?

Мальчик не отвечал.

– Хорошо, сказал дядюшка, – значит мы не в Германии.

– Это и так можно угадать, дядюшка, – сказал я, – в Германии нет ни одного вулкана.

– Правда, да это я уж так, для порядка…

Он спросил то же самое по-английски.

И на английский вопрос мальчик не дал ответа.

– Ну-ка по-итальянски теперь. Dore noi siamo?

Мальчик все-таки молчал.

– Ответишь ты или нет, упрямый мальчишка? – вскрикнул дядюшка. – Ну! Come si noma questa isola?

– Stromboli, – ответил мальчик.

И с этим словом он ловко выскользнул из рук Ганса, пустился во всю прыть и скрылся за оливковыми деревьями.

Нам было не до беглеца. Стромболи! Вот тебе на! Мы были, значит, на Средиземном море, среди мифологического эолийского архипелага, в древней Стромболии, там, где Эол держал на цепи ветры и бури! А эти голубые горы, что виднелись на востоке, были, значит, горы Калабрии! А вулкан, что возвышался на южном горизонте – это, значит, Этна!

– Стромболи! Стромболи! – повторял я.

Мы позавтракали отличными фруктами, напились свежей воды и пустились к гавани Стромболи.

Мы решили ничего не рассказывать, откуда мы явились: суеверные итальянцы, пожалуй, сейчас же бы заподозрили нас за каких-нибудь чертей, вылетевших прямехонько из ада. Мы согласились назваться потерпевшими кораблекрушение. Это хоть и не окружало нас славой, да зато было побезопаснее.

Дорогой дядюшка ворчал:

– Но компас! компас показывал ведь север! Чем же это объяснить?

– Да бросьте, дядюшка! – сказал я ему. – Стоит ли об этом думать!

– Как же не думать! Ведь это просто срам, что профессор не умеет объяснить космическое явление!

Через час мы оставили за собою оливковую рощу и входили в порт Сен-Винченцо.

Тут Ганс потребовал свое жалованье за тринадцатую неделю и получил его вместе с благодарностями и крепкими рукопожатиями.

На прощанье и Ганс вышел наконец из своей обычной неподвижности. Он пожал нам руки не без волненья и улыбался.

XLV

Вот конец рассказа, которому, пожалуй, не поверят люди, даже очень легковерные.

Стромбольские рыбаки приняли нас как нельзя радушнее. Они наделили нас одеждой и съестными припасами.

Через сорок восемь часов мы отправились, 31 августа, на маленьком судне в Мессину; в Мессине отдохнули несколько дней, совершенно оправились и в пятницу, 4-го сентября, сели на французское почтовое судно «Volturve» и через три дня высадились в Марсели.

Нас озабочивал только этот проклятый компас: чего он показывал север?

9-го сентября ввечеру мы прибыли наконец в родной Гамбург.

Я не буду описывать ни изумления Марты, ни радости Гретхен.

Возвращенье профессора Лиденброка из таинственного путешествия, разумеется, наделало много шуму в Гамбурге. В честь его задали праздник. Мало-помалу разнеслось, куда и как достопочтенный профессор путешествовал, и тут-то пошли овации, споры, крики, сходки. На одном собрании ученых дядюшка рассказал все наши похождения, – умолчали только о компасе. Он передал в городской архив документ Сакнуссема, выразив при этом глубокое сожаленье о

том, что непреодолимые препятствия помешали ему дойти до самого центра земли по следам великого исландского путешественника.

У него, как и следовало ожидать, явились противники, которых он усердно громил словесно и печатно.

Что до меня касается, так я сознаюсь, что и поныне мало доверяю теории Деви; я все еще верю в теорию центрального жара, не взирая ни на какие противоречащие этому обстоятельства нашего путешествия.

В самый разгар жарких споров и прений, дядюшку постигло одно огорчение: Ганс вдруг затосковал по своей родимой Исландии и ушел домой.

– Farval, – сказал он нам однажды и уехал в Рейкиавик.

Очень было нам жалко нашего верного, хладнокровного Ганса.

Наше путешествие к центру земли скоро стало известно, но, невзирая на всю эту славу, профессора Лиденброка мучило беспокойство. Случай с компасом все-таки оставался необъясненным.

Наконец, судьба над ним сжалилась.

Раз, приводя в порядок минералогическую коллекцию в его кабинете, я увидал этот знаменитый компас и стал его рассматривать:

Вдруг – вообразите себе мое изумленье!

Я вскрикнул. Прибежал дядюшка.

– Что такое, Аксель? – вскрикнул он, – что такое?

– Этот компас…

– Ну?

– Да ведь стрелка-то показывает не север, а юг!

– Что? Что ты говоришь?

– Да вы поглядите: у него полюсы переменились!

– Переменились!

Дядюшка посмотрел, посмотрел и вдруг сделал такой прыжок, от которого содрогнулся весь дом.

– Так, значит, после того, как мы достигли мыса Сакнуссема, стрелки этого проклятого компаса стали показывать юг, вместо севера!

– Разумеется, дядюшка, разумеется!

– Да, дело теперь объясняется очень просто. Но какое явление могло произвести это изменение полюсов?

– Да тоже очень простое, я полагаю.

– Говори, говори, мой друг!

– Во время бури на Лиденброкском море, помните вы тот огненный шар?

– Помню, помню!

– Ну, там он намагнетизировал железо на нашем плоту и изменил указанье компаса.

– А! так это, значит, штуки электричества! – вскрикнул профессор и покатился со смеху.

С этого достопамятного дня дядюшка сделался наисчастливейшим из ученых.

А я женился на Гретхен и тоже сделался счастливейшим

– не ученым, а мужем.